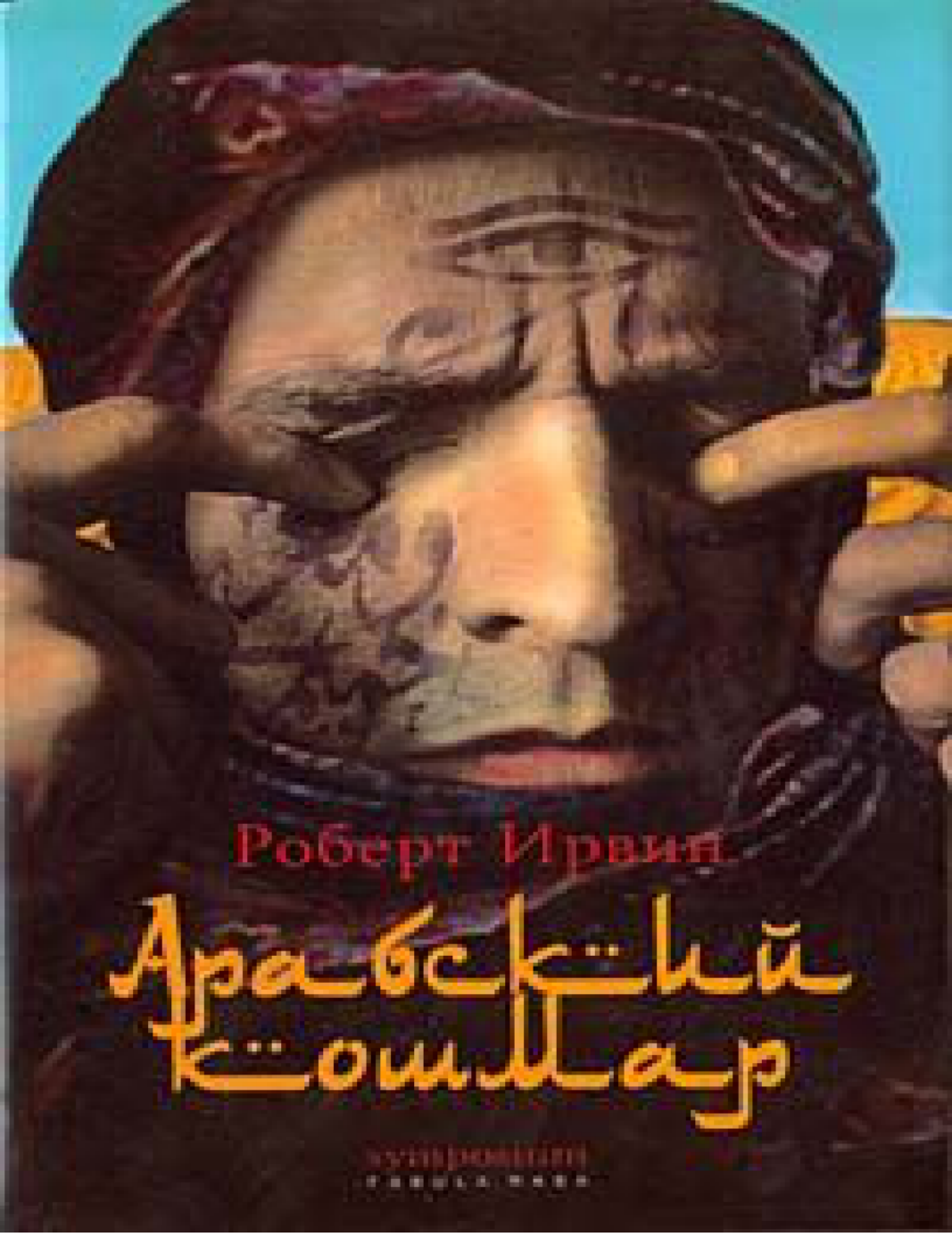
Роберт Ирвин
Арабский
словарь

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роберт Ирвин - известный английский писатель, историк-медиевист, выпускник Оксфорда, специалист по истории Арабского и Ближнего Востока. Мировую известность Ирвину принес его первый роман "Арабский кошмар" (1983), переведенный на все европейские языки, иврит и японский.

- Роберт Ирвин. Арабский кошмар
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21

Роберт Ирвин. Арабский кошмар

– Сны приходят из ночи.
– А уходят куда?
– Куда угодно.
– Чем ты их ощущаешь?
– Ртом.
– Где находится сон?
– В ночи.

Интервью с семилетним ребенком из книги Жана Пьяже «Мир в представлении ребенка»

Глава 1
Дорога в Каир

Долгое время я рано ложился спать. Хотя чтение в здешних краях – искусство не очень распространенное, я, признаюсь, люблю предаваться этому занятию, особенно в постели. В высшей степени приятно оно, как я обнаружил, когда лежишь, подперев книгу коленями, чувствуешь, как тяжелеют веки, и уносишься в сон, уносишься далеко-далеко, да так, что поутру трудно понять, где кончилось содержание книги и начались сновидения. Лучше всего для подобной цели подходит повествование о нравах и обычаях какого-либо экзотического народа.

Не менее долгое время я намереваюсь написать путеводитель по здешним краям или роман, путеводитель в форме романа или роман в форме путеводителя, во всяком случае – повествование, предназначенное для чтения в постели. Написание книги, где герои и злодеи фабулы должны совершить путешествие по местности, которую я желал бы описать, – задача чрезвычайно трудная, но выполнимая. Ныне я ложусь спать поздно, а если лягу пораньше, мне не дают уснуть необъяснимые страхи, но, лежа во тьме и в холоде, я начинаю отчетливее видеть форму своего будущего повествования.

Город Александрия западным путешественникам и читателям известен сравнительно неплохо. Другое дело – Каир, в Каире, я уверен, более, чем где-либо, чужестранцу требуется проводник, ибо, хотя главные памятники города у всех на виду, его соблазны эфемерны, до них не так легко добраться, и хотя тамошние жители могут с улыбкой приветствовать чужеземца, берегитесь, ибо все они – шарлатаны и лгуны. Если сумеют, они вас одурачат. Я смогу вам там помочь. Более того, я покажу, каким бывает город не только днем, но и ночью, и давно желаю показать, каким он предстает в снах и вожделениях его обитателей. В противном случае этот путеводитель был бы абсолютно лишен смысла.

Должно быть, нынче жарко, но, по-моему, очень холодно…

18 июня 1486 года

– Каир.– Драгоман с нескрываемой гордостью показал вперед, хотя город был виден уже более часа. И уже более часа, как вдоль дороги появились шатры бедуинов и тюрков и редкие лотки мелочных торговцев. Через несколько минут им предстояло миновать предместье Булак и въехать в ворота аль-Кантара. Их

зубчатая каменная кладка с огромными щелями была мистификацией, в лучшем случае – символом защиты, ибо ничего не защищала. Их полуразрушенные стены были буквально завалены ветхими домишками и лавчонками, которые притулились к ним, ища поддержки. За ними высился лес минаретов, куполов и прямоугольных башен.

«Каир – вот он, Вавилон, Великая Блудница, город множества ворот, откуда войска магометанских всадников несут чуму и смерть в земли христиан. Там Черный Папа сарацинов держит свой двор и плетет сети, дабы накрыть ими и уничтожить христианский мир, оттуда шлет он нам на гибель армию наемных убийц, еретиков и отравителей. Иерусалим, Акка, Фамагуста – сколько городов пало пред его войсками и сколько еще падет, прежде чем вы опомнитесь? Многие ли еще не томятся в неволе в Египте и не гнут, подобно сынам Израилевым, спину на фараона? Сей сатанинский город во власти дьявола и сам властвует с дьявольскою силой, ибо многие ушли в Египет и не вернулись. Воины Христовы, к вам мы взываем…»

Бэльян размышлял о слышанной им проповеди в защиту крестовых походов, которую тремя годами раньше произнес в Ферраре фра Джироламо. Каир казался мирным и привлекательным, совсем не похожим на великий Вавилон, город множества проповедей и трактатов. Он безмятежно грелся в лучах желтого предзакатного солнца.

Драгоман уже ускакал договариваться с караульными у ворот. Ближе к вечеру каждый член группы заплатит равную долю въездной пошлины. Драгомана наняли еще в Александрии – не столько как проводника, ибо по дороге из Александрии в Каир едва ли можно было заблудиться, сколько для того, чтобы от имени группы вести переговоры о пище, жилье и чертовски часто взимаемых в пути пошлинах. Лишь немногие в группе могли похвастаться хотя бы слабым знанием арабского. Объединились они случайно, собравшись в отряд для защиты от нападений разбойников и произвола мамлюкских чиновников (что в сущности одно и то же). Страх три дня объединял их в пути, но в Каир их привели самые разнообразные цели. Было среди них около дюжины венецианских купцов, временно проживавших в Александрии и явно знакомых с маршрутом. Был также художник, которого сенат Безоблачной Республики, оказав любезность султану, отправил на лето писать портреты султановых наложниц. Был германский механик, искавший работу, предпочтительно имеющую отношение к ирригации или портовым мастерским. Был еще один англичанин, который представился Майклом Вейном, но до иной информации не

снизошел. Довершали компанию парочка армянских купцов, делегация анатолийских турок, сирийский священник и десятка два французов и итальянцев – таких же паломников, как и он.

Бэльян, размышлявший, когда они въезжали в город, о том, совершает ли и Вейн паломничество, был так поглощен своими мыслями, что едва заметил у ворот мамлюков, числом не более тридцати, но вооруженных и вымуштрованных лучше, нежели те, коих они видели до той поры. Миновав ворота, они окунулись в мир тьмы и зловония. Бэльяну это пришлось по душе. Ему сразу вспомнился родной Норидж. Всадники медленно двигались сквозь почти зримые клубы смешанных запахов – мочи, пряностей и гниющей соломы. На каменных возвышениях сидели перед своим товаром лавочники, молча, угрюмо смотревшие на караван неверных. Над лавчонками нависали опиравшиеся на широкие каменные карнизы верхние этажи домов, а из этих этажей выступали, в свою очередь, деревянные балконы и решетчатые коробки, так что солнце, столь яркое за воротами, было здесь почти закрыто. Внизу мерзко хлюпали по грязи копыта их мулов, наверху висели турецкие фонарики, мокрые муслиновые мешки и огромные бронзовые талисманы. Повсюду виднелись прибитые к зданиям или висящие между ними то Рука Фатимы (с ее ладони злобно смотрел одинокий глаз), то магический квадрат, то Печать Соломонова. И еще сверху, из домов, из-за деревянных решеток доносился визг насмехавшихся над европейцами женщин, а на самой улице арабские ребятишки толкали участников процессии и невразумительно жестикулировали. Европейцы продвигались вперед медленно, с величайшей осторожностью. Они явились просителями и существовали за счет долготерпения.

Когда путешественники въехали в караван-сарай, атмосфера в группе заметно разрядилась. Караван-сарай был уже на три четверти заполнен иностранцами. Во внутренних дворах были точно напоказ выставлены кувшины с вином, а на одной из верхних сводчатых галерей два францисканца соорудили молельню на открытом воздухе. Мулов с громкими криками освободили от поклажи; представители мухташиба зарегистрировали товары; началась борьба за лучшие места на галереях. Бэльян нашел себе местечко рядом с венецианцами, в углу одной из галерей, расстелил одеяло и погрузился в сон.

Когда он проснулся, была глубокая ночь, но во внутреннем дворе царило все такое же оживление. Почти все венецианцы были внизу и яростно спорили с мухташибом. По бокам неподвижно стоявшего мухташиба находились два огромных турка, которые держали фонари на длинных палках. Под сундуками с товарами, из-за которых шла перебранка, изнывали

чернокожие невольники. Группа мужчин тщетно пыталась уговорить верблюда выйти в те же ворота, в которые он вошел. В центре двора поджаривался барашек. Один францисканец лежал, распластавшись ниц, перед алтарем. Другой разговаривал с несколькими паломниками, спутниками Бэльяна. Когда Бэльян поднялся, они заметили его и знаками подозвали к себе. Он направился к ним, чувствуя, как от нестерпимой ночной жары и остаточного ритма многодневного путешествия кружится голова.

– Скверные новости.– Эти слова, пока он приближался к компании, донеслись до него по-французски и по-итальянски. Он решил слушать француза.

– Вот что рассказывает монах. Виз завтра не будет. Канцелярия давадара закрыта, а получить аудиенцию у какого-либо чиновника султана невозможно. Идет трехдневный праздник в честь обрезания султанова внука, которое состоится в пятницу. И это еще не все. Плата за визу повысилась, да и на дороге к горе Синай нынче весьма небезопасно.

Потом заговорил монах:

– В последнее время даже монастырю Святой Катарины не только бедуины грозят, но и солдаты султана. Они говорят, что паломники не приносят с собой денег.

Бэльян втайне обрадовался. По правде говоря, вынужденная задержка в Каире вполне его устраивала. Его удовлетворение связано было с его двуличием, ибо в Египет он прибыл не только паломником. После того, как более года назад, в Англии, он поклялся отправиться в монастырь Святой Катарины, что на горе Синай, а оттуда – в Святую Землю, ему было дано поручение от французского двора. Он должен был под видом паломника объездить земли мамлюков в качестве шпиона, подмечая численность мамлюкских войск, прочность фортификационных сооружений и другие важные особенности. Считалось, что мамлюкское правительство в Каире опасается нападения оттоманских турок с севера и готовится к войне в Сирии. Утверждалось также, что в Каире зреет опасный заговор. Или все это было игрой воображения? Слухи, доносившиеся с востока, озадачивали христианских королей. Неопределенность возложенной на Бэльяна задачи предоставляла ему широкие возможности для различных предположений.

«Несмотря на все несообразности и противоречия, я докопаюсь до истины».

Его начали одолевать грезы о погонях в подземных сточных водах, о потайных входах и выходах, свечах с отравленными благовониями и таинственных сигналах надушенными платочками; ему уже представлялось, как он плетет паутину

интриг, заговоров и контрзаговоров. Скрепя сердце он вернулся к реальности. Монах толковал о том, что завтра начинаются празднества в честь обрезания. Завтра на ипподроме перед султаном и простым людом Каира пройдут парадом отборные полки мамлюков и состоится демонстрация искусства как массированных маневров, так и единоборств, – безусловно, благоприятная для иностранных наблюдателей возможность оценить боеготовность этих невольничьих полков и неплохой критерий для будущих суждений Бэльяна.

Остальные слушатели принялись чертыхаться, брызжа слюной, – новость они восприняли отнюдь не так спокойно. Монах, воспользовавшись их растерянностью, произнес импровизированную проповедь о преградах, зримых и незримых, с коими им предстоит столкнуться в последующие месяцы. Несколько раз он прерывал свои пространные рассуждения о земном путешествии к небесной цели, дабы предостеречь их от опасного непотребства обрезания и татуировок. Зачарованный тем, как монах истолковывает отношение Церкви к членовредительству, Бэльян какое-то время слушал, а потом устало повернулся и вновь побрел по винтовой лестнице к своему спальному месту. Венецианцы, одержавшие победу в споре с мухташибом, тоже устраивались на ночлег.

Вновь он проснулся лишь около полудня, когда солнечные лучи уже добрались до погруженной в полумрак галереи. Он полежал немного, тщетно силясь припомнить некий дурной сон и вслушиваясь в звуки. Со всех концов города доносились крики муэдзинов, усиливаясь и слабея в дисгармоничном контрапункте, зовущие к молитве зухр. Несколько венецианцев громко играли на тароччи. Больше в караван-сарае почти никого не было. Поодаль, на той же галерее, сидел, поджав ноги на коврике, Вейн, безучастно смотревший в расположенный внизу двор.

В смятении оттого, что проспал полдня, Бэльян поспешно направился к выходу из караван-сарая, рассчитывая позавтракать в какой-нибудь таверне. Лишь выйдя за ворота, он остановился, вспомнив, что за стенами жилья для европейцев едва ли сыщется вино.

Он замер в нерешительности, освещенный ярким солнечным лучом, который пробивался на большую площадь сквозь деревья и колонны. Напротив ворот караван-сарая, из которых он вышел, стояла мечеть Эзбек. Простиравшиеся во все стороны узоры ветвей и напоминавшая сталактиты отделка выступов и пазух свода огромной колоннады мечети придавали площади, даже залитой ярким солнечным светом, вид таинственной кристаллической преисподней, по которой бесцельно носились

голуби и бабочки. Сотни каирских бедняков устремлялись к фонтанам и резервуарам колоннады и, засучив рукава и убрав со лба волосы, наклонялись и толкались над струящейся водой, дабы совершить ритуальное омовение. Многие лотки уже закрылись, поскольку их владельцы направились в мечеть на полуденную молитву.

Мимо неслышно пробежал шелудивый медведь, очевидно, оставленный без присмотра, и Бэльян, покосившись, провожал его взглядом до тех пор, пока в поле его зрения не попала оставшаяся открытой лавка. У входа, глубоко в тени, сидели несколько турок и венецианский художник, который изучал какую-то книгу. Бэльян вспомнил его имя: Джанкристофоро Дориа. Оторвавшись от книги, Джанкристофоро ободряюще кивнул, и Бэльян подошел к нему. В лавке продавалось горячее черное варево в фарфоровых чашечках. Венецианец купил ему одну, молча обменявшись жестами с хозяином, и так же молча протянул Бэльяну сухарик. Они смотрели, как в мечеть проникают немногие опоздавшие. Внезапно Джанкристофоро заговорил.

– Кава, – жестом показал он на горькую жидкость.– Их праведники и богомольцы пьют его, чтобы не уснуть во время религиозных обрядов, но простые люди тоже его пьют. На вкус он лучше воды, если, конечно, привыкнуть.

Джанкристофоро уже привык, ибо ранее прожил несколько лет в Турции, куда его и еще одного художника посылали с аналогичной миссией. Пища, одежда и религия в Турции и Египте ему уже успели надоесть, а порученная миссия то наскучивала, то приводила в ужас.

– Ненавижу земли сарацинов, страну иллюзий и иллюзионизма, царство подкупа и обмана. Гостям здесь предлагается бесчисленное множество развлечений, но за все это в конце концов приходится платить. Следует хорошенько узнать араба и быть начеку, если хотите избежать беды. Все они так и норовят ободрать вас как липку.

– Я уже бывал за границей – Франция, Италия, Германия.

– А-а, но это место особое, здесь неосмотрительные люди подвергаются жестокому обману. Позвольте мне привести пример. Помните день, когда мы высадились на берег? – Бэльян его помнил: старики, сидящие на берегу, их пальцы, перебирающие четки, поднимающийся штормовой ветер, пальмы, гнущиеся от него почти пополам.– Так вот, в тот день я пошел прогуляться по песчаному пляжу в западном направлении, в сторону болот Мареотиса. Через несколько часов ходьбы я натолкнулся на мужчину и мальчика, сидевших у самой кромки моря. Они остановили меня и принялись выпрашивать денег.

Нищие – это бич здешних мест, и я отказал им и намеревался было продолжить путь, как вдруг мужчина вновь остановил меня, ухватившись за мой рукав, и сказал, что отчаянно нуждается в деньгах и, если я не дам ему два динара, он тотчас же убьет родного сына. Я, конечно, рассмеялся ему в лицо, однако – нет, он говорил серьезно. Он силой усадил меня на песок рядом с ними и извлек из своей матерчатой котомки горшочек золы, большой моток каната и дудочку. Золу он размазал себе по лицу и по лицу мальчика. Канат положил на землю и уселся перед ним с дудочкой. Когда он заиграл, небо начало затягиваться тучами. Играя, мужчина неотрывно смотрел на меня, улыбался с неким странным намеком и поглаживал канат. Каково же было мое удивление, когда канат неожиданно задрожал и начал подниматься, поначалу неуверенно, но вскоре большая его часть уже возвышалась вертикально над мотком, а верхний конец скрывался в облаках. Потом мужчина обратился к мальчику – я решил, что с угрозами, поскольку мальчик бросился мне в ноги и стал молить о помощи. Так, по крайней мере, казалось, но я не понимал, что происходит, и ничего не сделал. Тогда мужчина принялся гоняться за мальчиком вокруг мотка каната и гонялся, пока мальчик не ухватился вдруг за канат и со всей резвостью, на какую был способен, не начал карабкаться вверх. Мужчина извлек из котомки нож. Зажав нож в зубах, он последовал за мальчиком наверх и вскоре тоже скрылся в облаках. Я вновь остался один на берегу и так сидел, пораженный происшедшим, глядя на морские волны. Прошло довольно много времени. Потом я постепенно осознал, что мой камзол намокает. Я поднял голову, полагая, что пошел дождь. С неба и вправду закапало, но капли, которые падали на мой камзол, были каплями крови. Потом появилось и нечто другое: сначала рука, затем нога – одна за одной упали на песок все отрезанные части тела мальчика. Наконец я увидел, как отец спускается по канату с головой мальчика в руке. Когда он оказался на земле, канат мягко улегся вокруг него.

Вновь увидев араба, я испытал непостижимое чувство облегчения, и когда он попросил у меня два динара, я без возражений дал их ему. Он связал свои вещи и куски сыновьего трупа в узел, махнул мне на прощанье рукой и удалился со своим узлом в сторону Александрии. Онемев от удивления, смотрел я, как он уходит. На другой день, однако, я увидел в Александрии и отца, и сына – они сидели возле кондитерской и набивали желудки едой. Все это был сплошной обман. Он попросту околдовал меня так, что я вообразил, будто вижу, как он лезет по канату убивать своего сына. Колдовство…

Тут Бэльян перебил его и сказал, указывая на свою чашку

кофе:

– А вы чего хотели? Это пойло стоит полдинара за чашку. Неужели вы думали, что всего за два динара он убьет родного сына?

– Да нет, нет, наверно… но меня одурачили. Если я когда-нибудь снова встречу этого иллюзиониста, то за последствия не ручаюсь.

– Но вы живописец, а разве живопись – не одна из форм иллюзионизма?

Джанкристофоро едва сдержал гнев:

– Да нет же, ей-богу! Быть может, других художников их произведения губят, но я никогда не стремлюсь обманывать. Все мои цвета неестественны, в основном это оттенки золотистого и алого, и я не пользуюсь перспективой, ибо перспектива обманывает глаз, а обманывать глаз – значит обманывать рассудок, что не менее безнравственно, чем рассказывать бессмысленные истории. Высокое искусство должно основываться на высокой морали. По правде говоря, меня гложет множество сомнений по поводу моей нынешней миссии. Султан – иноверец и дикарь. Он ничем не отличается от всех прочих турок, разве что получше одевается. Все турки похожи друг на друга. Все его наложницы на одно лицо, нелегко заставить этих сук позировать, не зная их языка, к тому же они боятся, что я рисую их изображения, дабы упрятать туда их души. Да не хочу я никуда прятать их души. Не уверен, что у турецких шлюх вообще имеется нечто подобное. Душа султана-безбожника, должно быть, проклята, и все же она у него есть, но у женщин душа отсутствует. Вот почему так трудно писать их портреты, ведь невозможно ухватить внутреннюю сущность, ее попросту нет, есть лишь тело, которое можно изобразить в общих чертах. Короче, если тело мужчины есть Храм Божий на Земле, то женское тело – в свою очередь всего лишь обезобрансенная копия мужского. Уж поверьте. Когда я писал Баязетов гарем, я возненавидел его (точнее, возненавидел их) и выпуклости их белой плоти, глаза рептилий и чары, от которых бросает в дрожь. Я знаю, что возненавижу и этих египтянок. Их формы будут слишком округлыми для более или менее сносных линий рисунка. Вы, разумеется, понимаете, что я ничего не имею против женщин как таковых? В довершение всего в здешних домах скверное освещение, на базаре трудно найти нужные краски и масла, да еще и жара. Я пытаюсь выполнить свою работу, а все в это время клюют носом.

Вконец подавленный, он умолк. Бэльян слушал с непроницаемым лицом. Может, этот человек – сумасшедший?

Или попросту гомосексуалист, коему поручена смехотворно неподходящая работа? У Бэльяна закружилась голова. Жара усиливалась. Человек, назвавший себя Вейном, вышел из караван-сарая и торопливо зашагал по темному переулку, который через базары вел к Цитадели. Джанкристофоро лениво показал на него пальцем.

– Этому человеку многое известно о красках и маслах, и еще он знает арабский. У него можно многому научиться, но лучше, наверно, этого не делать. Он алхимик, и у него есть близкие друзья при мамлюкском дворе. По обеим причинам он весьма опасен. Полагаю, на днях он сделается вероотступником, что очень жаль, ибо ему многое известно о том, к чему нам следовало бы подготовиться.

Джанкристофоро, прищурившись, взглянул на небо, как бы обдумывая следующие слова. Но произнести их он так и не успел, ибо перед ними в одно мгновение выросли возникшие из тьмы в глубине кофейни двое турок с ятаганами, которые без лишних усилий и слов связали ему руки и вместе с третьим турком, присоединившимся к ним на площади, повели своего пленника туда, куда уже удалился Вейн, – в направлении Цитадели.

Поначалу Бэльян был слишком потрясен, чтобы пошевелиться, а затем верх взяла вполне уместная осторожность. Даже не попытавшись последовать за ними, он взял оставленную Джанкристофоро книгу и с деланным безразличием направился обратно к караван-сараю. Он сообщил о том, что произошло, венецианским торговцам, и их старший, консул из Александрии, сказал, что в понедельник, когда вновь откроются присутственные места, через давадара будет подан протест. Но что, собственно, произошло? Безусловно, турки были либо должностными лицами, либо солдатами. Это можно было понять по тому, как избирательно, гладко и умело они все проделали. Может, за Джанкристофоро от самой Александрии тайно следили шпионы? Может, все дело в его критических замечаниях по адресу турецких шлюх? Или по адресу Вейна, друга мамлюков? Не нарушил ли он какого-нибудь неизвестного правила арабского этикета? А может, в тот момент, когда мимо случайно проходили мамлюкские блюстители порядка, он попросту подсунул лавочнику фальшивую монету?

– Все мы можем исчезнуть подобным образом, каждый из нас, и христианский мир даже пальцем не пошевельнет, чтобы нас спасти, – задумчиво заметил француз.

Позднее, когда европейцы отправились на дневные празднества, они все еще нервничали и вышли все вместе под предводительством консула, Альвизе Тревисано. Ипподром, где

происходили игры, располагался у основания Цитадели, и именно там под руководством инструкторов-евнухов проходили обычно строевое обучение молодые мамлюкские невольники. Несмотря на сильное желание увидеть их на маневрах, Бэльян был слишком взволнован, чтобы тотчас же покинуть безопасный караван-сарай. Поэтому в тот день он не пошел вместе со всеми. Оставшись один, он поднялся на крышу, прихватив с собой книгу Джанкристофоро. По какой-то причине о книге он никому не сказал.

Особого впечатления книга не производила: десятка два листов большого формата, слабо скрепленных ниткой. Бэльян с удивлением заметил, что заглавие находится на обороте книги и изображено паучьей арабской вязью. Он раскрыл книгу. Письмена внутри были тоже арабские, в том же духе сумбурного паучьего танца, но между арабских строк кто-то попытался мелким почерком вписать итальянский перевод. Сосредоточенно наморщив лоб, Бэльян начал читать.

Он сказал: «Берегись Обезьяны!»

И еще он сказал: «Некоторые говорят, что каждый череп содержит в себе собственное море снов и что там есть миллионы и миллионы этих крошечных океанов. В качестве доказательства они приводят тот факт, что если прильнуть ухом к уху друга и внимательно прислушаться, то можно услышать, как о стенку черепа бьются морские волны. Но каким образом конечное может содержать в себе бесконечное?»

И еще он сказал: «Во сне мы учимся примиряться со смертью».

И еще он сказал: «Человек чтит духов сна, ибо спит с ними, даже когда они скрываются под чужой личиной».

И еще он сказал: «Почему нам не может присниться, что мы два человека? Для Ихвана аль-Сафы это был очень сложный вопрос».

И еще он сказал: «Сон есть наиболее естественное состояние человека. Долгие годы Адам лежал и видел сны в райских кущах, пока Ева не была извлечена из его тела и не пробудила его ото сна».

И еще он сказал: «Сны, не заслуживающие внимания, непременно следует забывать. Мелкую рыбешку выбрасывают обратно в море Алям аль-Миталь».

И еще он сказал: «Трус в сновидениях будет трусом и в жизни».

Озадаченный и раздраженный, Бэльян отложил книгу. Он не мог понять ее замысла. Кто пытался сделать перевод? Джанкристофоро? Но Джанкристофоро утверждал, что не знает

арабского. Он вновь погрузился в раздумья об обстоятельствах ареста Джанкристофоро. У него мелькнула мысль о том, что Джанкристофоро арестовали по ошибке, вместо шпиона Бэльяна, но он быстро ее отбросил. Его начали одолевать более смутные, дремотные мысли, а затем и послеполуденный сон. Проснулся он в луже пота. Группа вернулась с ипподрома, и уже звучал призыв к молитве при заходе солнца. Он немного посидел, ощущая легкую тоску; страх его перешел в беспокойство.

Спустившись во двор, он обнаружил, что готовится еще одна экскурсия – посещение Поселка Женщин. Как он с горькой усмешкой заметил, наибольший энтузиазм проявляли паломники. Пять недель потребовалось судну, чтобы доплыть до Александрии, и еще три дня потребовалось им, чтобы добраться до Каира, – почти шесть недель без женщин. Кроме того, в том, чтобы переспать с мусульманкой, не могло быть никакого греха!

На самом деле Поселок Женщин находился в стенах города, в квартале Эзбекийя, неподалеку от караван-сарая. Квартал, где они поселились, был также кварталом лицедеев и преступников. И на сей раз руководство группой при осмотре района публичных домов взял на себя венецианец. При свете факела они медленно пробирались по узким тропинкам, которые тянулись через весь квартал.

Это была безрадостная экспедиция, которая, как показалось Бэльяну, могла скорее обратить душу к умерщвлению плоти, нежели удовлетворить чувства. Дома были не такие высокие, как в торговых кварталах, в основном одно– и двухэтажные. Стены были расписаны чересчур яркими синими и оранжевыми красками. Фрески с изображением обнаженных танцующих пар, кобр, виноградных листьев, джиннов, гербов. Как ни странно, но на стенах был представлен и пантеон христианских и восточных святых: святой Иозафат, выбрасывающий деньги, святая Катарина, казненная колесованием, святые Таис и Пелагея, покровительницы египетских проституток.

Если в торговых кварталах на нижних этажах можно было увидеть в продаже пеньку, верблюжью упряжь, корицу или хлопок, то здесь демонстрировались совсем другие товары: плоть – плоть с отвратительными татуировками апотропаических эмблем, плоть, изборожденная морщинами и провисшая мягкими складками, плоть, усеянная следами бубонной чумы. Она выставлялась на всеобщее обозрение в факельном свете интерьеров. Женщины сидели там, равнодушные, даже не пытаясь соблазнить клиентов. Вновь Бэльяну вспомнились утренние рассуждения Джанкристофоро. И все же, как ни странно, группа европейцев делалась все малочисленнее: они незаметно

ускользали поодиночке, дабы отыскать усладу в объятиях дряхлости, уродства и болезни.

Вскоре Бэльян обнаружил, что идет совершенно один, испытывая тошноту от отвращения, удрученный грязью и нищетой. Конец его страданиям положила чья-то рука, внезапно оказавшаяся у него между ног. Он увидел, что его прижимает к себе женщина, почти такая же высокая, как он, и одетая в турецком стиле: головная повязка, облегающий бархатный корсаж и юбка в полоску. Выражение ее лица было столь же самоуверенным, как и недвусмысленная манера прельщать клиентов, широким скулам и блестящим глазам придавали выразительность нисходящие линии краски для век. Черкесская турчанка? Для тамошних мест она была удивительно молода, лет тридцати с небольшим, и казалась ничем не обезображенной. Она отпустила Бэльяна и принялась с явным намеком жестикулировать, настойчиво показывая на свой дом. Впрочем, это едва ли походило на дом, ибо каменными были только углы и пол. Скорее это была беседка, ветхое сооружение из резного дерева. Она затащила Бэльяна внутрь и наверх, за одеяло, которое свешивалось с потолка, на каменное возвышение, устланное матами и коврами. Все так же высокомерно глядя на него, она упала спиной на возвышение и, задрав длинную юбку, раздвинула ноги. Возбужденный ее властными манерами и экзотической обстановкой, он легко овладел ею.

Поэтому, когда все закончилось, он был слегка удивлен, услышав, как женщина говорит:

– Да, радоваться тут особенно нечему!

– Ты говоришь по-английски?

– Меня обучил языку твой друг.

– Он отличный учитель. Но что за друг?

Она казалась довольной.

– Вейн, конечно. Вы же вместе приехали в Каир.

– Вейн мне не друг. Мы с ним ни разу не поговорили. Я даже не знаю, что он делает в Каире.

– А я-то думала, он привез тебя из Англии, чтобы ты вместе с ним работал. Прости мне мое заблуждение. Но я надеюсь, что со временем ты с ним познакомишься. Вейна почти все знают, по крайней мере знают его репутацию.

– Но ты ведь ждала меня, ты меня подкарауливала?

Она принялась искать что-то в деревянной коробочке, которую держала подле себя.

– Ах да, за вами, чужестранцами, все время следят.

– Что ты имела в виду, когда сказала, что радоваться тут особенно нечему?

– Просто я ожидала большего, вот и все.

– Во имя всего святого, чего же большего ты еще хотела?

Она извлекла из коробочки нитку и через одну ноздрю продела ее в другую. Бэльян, вконец запуганный, смотрел, как она прочищает ноздри. Прошло какое-то время, прежде чем она ответила.

– Люди вроде тебя впитывают чужую энергию – сидят, слушают, задают вопросы, а сами никогда ничего не говорят. Что же до твоих сексуальных способностей, то я полагала – что, кажется, было глупо с моей стороны, – будто все англичане похожи на Вейна или, если это не так, тогда что ты хотя бы мог у него учиться. Здесь, в Каире, он пользуется славой прекрасного любовника. Думаю, я могу тебя кое-чему научить. Например, имсааку.– Она задумчиво посмотрела на Бэльяна. В глазах у нее появился странный блеск.

– Что это за имсаак?

– Имсаак – это искусство задержки оргазма с помощью максимально возможного количества поворотов, изгибов и искривлений. В этом и состоит подлинное искусство… Ты выглядишь измученным. Бог знает, как тебе удалось добраться до Каира. Интересно, сумеешь ли ты собраться с силами и уйти. Пенис твой стоит прямо, но веки дрожат. Твое тело шевелится, но змей в тебе спит.

Прежде чем продолжить, она театрально прижала руки к груди.

– У основания твоего позвоночного столба свернулся и спит змей. Чтобы поднять его, ему нужно петь, нужно искушать его до тех пор, пока голова его не окажется у тебя между глаз и ты не увидишь мир его глазами, глазами тела, состоящего из чистой сексуальной энергии. В христианском мире совокупление очень похоже на сон, но в Египте и Синде это наука. Я могла бы также обучить тебя карецце и обрядам сексуального истощения, но пока что ты растрачиваешь свое семя так, будто это вода. Сначала мы должны поднять змея.

– Как же ты поднимаешь змея?

Она приложила палец к губам. Взгляд ее забегал из стороны в сторону, как бы отыскивая в комнате шпионов.

– Об этом нельзя говорить. Это можно только продемонстрировать. Акт вытягивания змея вдоль позвоночного столба подобен лазанию по канату. Кто поймет, как это делается, и вскарабкается по канату, тот потянет за собой змея. Я посвящу тебя в эту тайну. Тебе придется заплатить, но это стоит сделать, чтобы пробудиться ото сна, каковой есть наполовину смерть.

Бэльян попытался ответить как можно рассудительнее:

– Как учит наша религия, в тайну посвящают не с помощью того, что находится у женщины между ног, да и не с помощью бисера в грязи. Если обладаешь познаниями, о которых нельзя говорить, тогда не говори о них. Я долго путешествовал. Конечно, я устал, и все же сомневаюсь, сударыня, что мне помогут извращенные половые сношения с вами. У вас что, нет семьи? Как женщина вроде вас могла опуститься до уровня шлюхи?

Размышляя, она медленно облизывала губы своим длинным, тонким языком. Бэльяну стало ясно, что она не в своем уме.

– Опять эти скучные вопросы. Да, есть у меня семья. Если тебе повезет, ты никогда с моими родственниками не познакомишься. Но я не шлюха. Я принцесса. Мало того, скоро придет мой принц, и тебе лучше поскорее удалиться. Уходи. Кыш! Поторапливайся, ибо так поздно опасно ходить по улицам. Запомни дорогу сюда и смотри, не спи в этом городе в одиночестве. А теперь заплати мне. Два динара, пожалуйста.

Бэльян заплатил.

– Меня зовут Зулейка. Мы еще встретимся.

Он повернулся и опрометью выбежал на улицу.

Глава 2
Другая дорога в Каир

Если уважаемой публике хочется услышать новые истории о чудесах, подобных фокусу с канатом, она их услышит, но сам фокус с канатом объяснить никогда не удастся. Кстати, поскольку данную повесть следует рассказывать ночью, в ней, похоже, был бы вполне уместен сильный чувственный элемент, который стимулировал бы то, что на Западе, как я слышал, зовется «влажными снами», но к этому вопросу мы еще, возможно, вернемся…

– Каир.– Проводник показал вперед, выставив из широких одежд тощую загорелую руку. Город рос на глазах. Бэльян, который ехал рядом с проводником, опустил пониже капюшон, не выдержав бьющего прямо в глаза яркого солнечного света, но вскоре они уже оказались в тени городских стен. Потом они въехали в ворота, и Бэльян принялся озадаченно разглядывать внезапно возникшие со всех сторон характерные признаки города: медные статуэтки Махаунда, Аполлиона и Тергавента на расстеленных коврах, кривые порталы с инкрустированными колоннами, аистов, свивших гнезда в башнях и минаретах и носившихся от гнезда к гнезду, широкие лестницы, которые круто взмывали вверх от главной дороги, тесно уставленной по краям изваяниями слонов и людей. Дети стояли на крышах и махали им руками.

«Но куда подавались все женщины? – подумал Бэльян.– Ах да. Конечно же, их спрятали мужья. Меня ждали».

Некоторые улицы были перегорожены досками, против чего. – непонятно.

– Не многие христиане добрались в этом году до Египта.

Живо вспомнилось море тем летом, его зеленая поверхность, покрытая толстым слоем пыли. Паутина, висящая на волнах, которые поднялись и застыли, а если редкая волна все-таки падала, вздымая тучи грязи и выцветшей пены, при этом высоко взлетал жужжащий рой насекомых. Повисшая в воздухе пыль закрывала собой весь небосклон.

Дети махали руками, но не произносили ни слова. Песок заглушал цокот копыт. Было очень тихо. Они въехали в глубь города. Бэльян с проводником спешились. Трудно было разглядеть лицо проводника; должно быть, он надел чадру. Проводник показал ему книгу, и Бэльян прочел в ней:

Он сказал: «Есть люди, которые полагают, что достаточно поговорить о нем и даже подумать, чтобы вызвать его и возбудить его приступы. По этой причине мы его не называем. Но даже этого может оказаться недостаточно. Вот почему читать эту книгу я не советую никому, кроме тех, кто уже осведомлен о том, что это такое, да и те, кто знает, пускай, если сумеют, забудут».

Бэльян положил книгу на землю, а поднявшись, оказался лицом к лицу с едва различимой фигурой.

– Кто вы?

Ответ последовал почти незамедлительно:

– Я здесь, чтобы рассеять твои сомнения. То есть убедить тебя в том, что ты – это не я.

Сверкание зубов. Казалось, предметы слегка поблескивают в дремлющем воздухе. Неужели все это происходит в действительности? Тишина стала еще более глубокой, Бэльян и его спутник неподвижно стояли в центре необозримого открытого пространства. Тишина нарастала и вскоре, как ни парадоксально, зазвенела в ушах. Вверх по спирали взмыли мухи и прочие насекомые. Все поплыло у Бэльяна перед глазами. Почва под ногами слегка задрожала. И тут он увидел, что это жизнь пульсирует в земле, кирпичах и деревьях, вырываясь наружу оглушительно ревущим пламенем энергии, которое разгорается темно-коричневыми, черными и зелеными языками. Весь мир вокруг Бэльяна полыхал в исступлении.

Рев раздавался у него в голове. И к голове приливала кровь. Он проснулся, и она хлынула из обеих ноздрей. Рот был тоже наполнен кровью, и часть ее тонкими струйками стекала по подбородку. Он находился на крыше караван-сарая, а вокруг него сидели на корточках встревоженные итальянцы. Во сне он разговаривал, вернее, кричал и хватался руками за воздух. Может, он заболел? Бэльяну и вправду было нехорошо. Обычно в его снах присутствовали скрещенные шпаги, знатные и привлекательные дамы, «послание герцогу» и тому подобное. Значит, он заболел и ему нужен врач. Итальянцы позвали из дальнего конца караван-сарая другого англичанина, Вейна. Вейн медленно пробирался к ним, перешагивая через лежащие тела. Было раннее утро.

Вейн раздел Бэльяна до пояса, прощупал его, простучал и принялся расспрашивать о том, как он спал, особенно – обо всех подробностях сновидений.

– Такого мне еще видеть не доводилось, но у вас наверняка

один из ночных недугов. Я уверен, что физически вы совершенно здоровы. Дело тут не в легких и не в желудке, кровотечение началось от болезни сна, и вполне вероятно, что приступ еще повторится.– Лоб Вейна покрылся морщинами.– Это очень опасно. Возможно, это одно из обличий, которые принимают ламии. Да, это вполне вероятно, если учесть, сколько в Египте неосвященных кладбищ.– Он помедлил, осознав, какую тайну затрагивает, потом продолжил: – По крайней мере, это не Арабский Кошмар. Думаю, в одиночку вам помочь я не в силах. Я обладаю кое-какими познаниями в медицине, особенно в том, что касается ночных недугов, но от опрометчивых суждений лучше воздержусь. Однако до наступления следующей ночи вам обязательно надо обратиться к врачу. В квартале Булак есть один специалист по ночной медицине, очень хороший. Если позволите, я немедленно отведу вас к нему, ибо не думаю, что вы потеряли много крови, да и откуда бы ни исходило кровотечение, оно, похоже, уже прекратилось.

Некоторое время Бэльян безучастно смотрел на него, а потом задумался. Два человека предостерегали его против Вейна, но оба они, по меньшей мере отчасти, безумны, поэтому их предостережения, возможно, равносильны рекомендациям. Кроме того, если Вейн – шпион и если он в какой-то мере несет ответственность за арест Джанкристофоро, Бэльяну следовало познакомиться с ним поближе.

Наружность Майкла Вейна, безусловно, вызывала любопытство. В свои пятьдесят с небольшим он был человеком довольно высоким, но имел склонность скрывать свой рост, сутулясь при ходьбе.

Голова его была выбрита почти наголо, как у мусульманина-хаджи, нос был сломан, кожа – пористая, жирная и слегка обезображенная шрамами, но на лице его отражалась некая печаль, отчего оно делалось почти привлекательным. Что самое удивительное, в разгар каирского лета он носил пальто, сшитое из чего-то вроде старых крысиных шкурок, и широкополую фетровую шляпу. Он казался, как решил Бэльян, достаточно умным и крепким, чтобы возглавить роту наемников или шайку воров.

Вейн явно пришел к выводу, что Бэльян согласен.

– Вставайте и готовьтесь, мы очень скоро выходим. Я, например, не намерен пропустить сегодня днем обрезание принца.

Бэльян с трудом поднялся и умылся у помпы, попытавшись избавиться от неприятного привкуса запекшейся крови во рту. Вскоре они вдвоем двинулись в путь.

Вейн, медленно пробиравшийся сквозь толпу, неожиданно обернулся:

– Не отставайте. Даже днем одному небезопасно ходить по некоторым кварталам. Кое-где тут заправляют гильдии разбойников, а они зачастую находятся в сговоре с мамлюкскими гвардейцами. Особенно это опасно для неверных из-за моря, поклоняющихся кресту.

Бэльян рискнул испытать Вейна:

– Знаю. Вы, несомненно, слышали о том, что итальянца, с которым я вчера завтракал, забрали мамлюки – вероятно, в тюрьму?

Ухмылка Вейна явно была злорадной.

– Да, это мне известно. Я приложил руку к его аресту.– Он дал этим словам дойти до сознания Бэльяна.– Мне показалось, я узнал его во время путешествия из Александрии. Потом я вспомнил, где с ним встречался. Это было при дворе покойного султана Мехмета в Константинополе, где его наняли рисовать султанов гарем. Однако были основания полагать, что Безоблачная Республика отправила его к оттоманскому двору не только писать непристойные портреты. Было очевидно, что он поддерживал весьма тесные отношения с тогдашним принцем, а ныне султаном Баязетом. В настоящее время Венеция желает упрочить взаимопонимание с оттоманским султаном и рассчитывает на совместный турецко-венецианский поход против Египта. Момент для этого как раз подходящий. Египет весьма уязвим. Кайтбей стар и болен, душой или телом – неясно. Скорее всего он даже не сумеет ввести войска в Сирию и командовать ими в бою с оттоманами. Короче, полагая, что художник – шпион, я сообщил о своих подозрениях давадару. Надеюсь, мне удалось сорвать очередной заговор Венеции против султана. Но никому не рассказывайте, ладно, дружище? Ибо в противном случае у нас с вами будут все основания об этом пожалеть.

В словах Вейна было мало приятного, произнес он их грубовато, и у Бэльяна сложилось впечатление, что Вейн лжет. Заговорив, Бэльян постарался не повысить голоса и скрыть раздражение.

– Но разве падение султаната не есть то, за что должен молиться каждый христианин? Как же еще можно освободить захваченные им Святые Места?

– Святые Места, Святые Места! Где ваши глаза, дружище? Оттоманы угрожают Белграду. После Белграда – Вена, затем Зальцбург, Милан и крик муэдзина на крышах Парижа. Крестовый поход к Святым Местам – сладкий сон всего рыцарства, но вместе с тем и маскарад для коварных замыслов людей, преследующих

тайные цели. Не давайте втянуть себя в этот сон и ввести в заблуждение маскарадом. Все очень непросто, но вдумайтесь: кто, кроме мамлюков, в состоянии спасти от оттоманов христианский мир?

На какое-то время, пока они, работая локтями, протискивались мимо стоявших группами людей, воцарилось молчание. Потом Вейн снова заговорил:

– Жаль только, что это такой нерешительный и слабый союзник. Султан уже стар. Цены растут, и происходят хлебные бунты. По городу бродит человек по прозвищу Соловей и подстрекает народ к беспорядкам, к тому же поговаривают о восстании – рабов, коптов или бедуинов из Верхнего Египта, поговаривают и о новом Мессии. Художнику можно посочувствовать, но рисковать в такой накаленной обстановке непозволительно.

Они уже углубились в лабиринт узких улочек. Слова Вейна привели Бэльяна в такое же замешательство, как и географические особенности города. В голове у него копошилась масса неразрешенных вопросов. Каким образом английский алхимик оказался втянутым в политику Леванта? Насколько тесны его связи с Цитаделью и мамлюкским правительством? Что он делал в Константинополе? Почему проявляет такой интерес к обычному, по всей видимости, кровотечению из носа? Но ни один из этих вопросов Бэльян не задал. Взамен он спросил:

– Что это за Арабский Кошмар?

– Предание – а это всего лишь предание, ибо те, кто знает об этом лучше, должны молчать, – весьма любопытно, но маловразумительно, и остается только догадываться, болезнь это или проклятие. Арабский Кошмар ужасен и непристоен, однообразен и все же внушает страх. Он посещает своих жертв каждую ночь, но одно из его свойств состоит в том, что утром он всегда забывается. Таким образом, это неисчислимые страдания без осознания таковых. Ночь за ночью длятся нескончаемые пытки, а утром жертва встает и как ни в чем не бывало принимается за повседневные дела, рассчитывая к тому же хорошенько выспаться после тяжелого трудового дня. Это чистое страдание, страдание, которое не учит, не облагораживает, бессмысленное страдание, которое ничего не меняет. Жертва никогда не знает о своем состоянии, хотя может быть хорошо знакома с преданием, но на базарной площади сыщутся люди, которые узнают ее по некоторым признакам. За спиной такого человека будут шептаться, ибо на нем остается клеймо – возможно, как на некоем полоумном Мессии. Таков Арабский Кошмар.

Вейн произнес прочувствованную речь. Бэльяну стало интересно, не указывает ли печаль Вейна на то, что он считает себя жертвой этого тайного недуга.

– Но, как я уже говорил, вам по этому поводу волноваться не стоит. Свой сон вы запомнили. Жара весьма часто действует на воображение и извращает сны. Лучше заняться этим как можно скорее, ибо кошмар вроде вашего, с физическими последствиями, может, если затянуть лечение, перейти в своего рода гангрену.

На улицах, по которым они протискивались, появлялось все больше и больше развалин. Вейн объяснил, что, когда в этом городе человек умирает насильственной смертью, его дом обычно остается пустовать и превращается в руины, а в этом районе города процветает насилие. Наконец они добрались до нужного дома (Вейн назвал его Домом Сна), большого и даже роскошного здания, которое высилось над своими соседями в самой разрушенной части города, где Бэльян еще не бывал.

Вейн переговорил с негром у входа и быстро вернулся.

– Его нет. Кошачий Отец совершает паломничество к могиле Сиди Идриса, но скоро вернется, и нам советуют зайти еще раз, быть может завтра. Будем надеяться, что ночью ваш приступ не повторится, по крайней мере не примет более острую форму. Пока вы спите, за вами следует присматривать. Жаль, конечно, но зато мы не опоздаем на сегодняшнюю церемонию. Можно прямо отсюда отправиться на ипподром.

Предварительные торжества уже начались, и трибуны были заполнены. Им вполне могло не достаться места, но Вейн поднялся наверх и переговорил с Наибом аль-Джавкандаром, помощником султанова носильщика клюшки для поло, который приказал проводить их на огороженные места, зарезервированные для привилегированных иностранцев, в непосредственной близости от султанова павильона, откуда открывался вид на весь ипподром. Рядом с ними, над павильоном султана, простирался огромный балдахин, способный не только укрыть сотни придворных и военачальников, сопровождавших султана, но и вместить небольшой сад с апельсиновыми деревьями, розовыми кустами, фонтанами и механическими певчими птицами в клетках.

Кайтбей сидел в центре, напряженно выпрямившись на возвышении, – худой, хилый старик с впалыми щеками и редкими растрепанными волосами, олицетворявший собой, как ни удивительно, основу могущества одной из величайших мировых империй. Держался он горделиво. Но Бэльян заметил у него под глазами круги. Позади, на помосте, в качестве личной охраны растянулся кольцом корпус отборных хазакиев, но их тяжелые

доспехи не могли скрыть той очевидной истины, что они не считают себя находящимися при исполнении служебных обязанностей, ибо отбросили всякие церемонии; некоторые ласкали друг друга. Бэльяну уже не раз доводилось слышать о недостойных мужчины слабостях турецко-мамлюкского двора и о сплетнях, которые распространялись по этому поводу в больших городах, среди наиболее консервативной части арабского общества. Слева от Кайтбея была установлена громадная плетеная ширма, и оттуда царский гарем, вдвойне защищенный ширмой и чадрами, мог наблюдать за играми. За оцеплением из хазакиев бушевало разноцветное море тюрбанов и колпаков, каждый из которых указывал на определенный царский пост или чин. Вейн напряг память и попытался установить, кто они такие: давадар, или носильщик царской чернильницы, царский оружейник, визирь, великий муфтий, носильщик клюшки для поло, носильщик комнатных туфель, царский сокольничий, шейх шейхов, главный евнух и так далее и тому подобное. Среди придворных порхали стройные пажи.

На ипподроме всадники метали копья в столб и пускали стрелы в движущиеся мишени. Потом появились дервиши, которые принялись наносить себе раны мечами и прокалывать щеки горящими иглами, непрерывно произнося нараспев имена Всевышнего, а за ними, в свою очередь, появилась команда игроков в поло. Лишь в конце дня, когда уже близился закат, началась собственно церемония обрезания. Принцу Бахадуру, одному из внуков Кайтбея, должны были сделать обрезание в компании не менее семидесяти сыновей верховных мамлюкских эмиров.

Возглавляемые церемониймейстером, эти семьдесят юношей, увешанные золотыми и серебряными украшениями и одетые как маленькие девочки, медленно проехали верхом через весь ипподром. Вейн объяснил:

– Пока не сделана операция, этот наряд защищает их от Дурного Глаза.

За ними шествовали семьдесят цирюльников и семьдесят помощников цирюльников, хором воздававшие хвалу единому Богу. Из конца в конец процессии носились пажи со странными, ни на что не похожими предметами на длинных шестах. На дальнем краю ипподрома были сооружены шатры, куда и вели детей. Расположившийся за шатрами военный оркестр заиграл ритмичную, но то и дело спотыкавшуюся мелодию. Из толпы раздались пронзительные женские завывания, которые смешались с громкими напевами дервишей. Если этим шумом предполагалось заглушить крики детей, то все старания были

напрасны. Каждый представлял себе семьдесят поднимающихся и опускающихся ножей, семьдесят окровавленных кусочков крайней плоти. Весь ипподром трепетал, визжал и ходил ходуном. Дети из шатров так и не вышли. Из стен Цитадели прогремел орудийный выстрел – знак окончания церемонии. Народ начал расходиться.

– Завтра пойдем к Кошачьему Отцу. Во время полуденной молитвы обязательно будьте в караван-сарае.

Вейн взмахнул на прощанье рукой и исчез.

У ворот произошла заминка.

– Стража всех проверяет. Ищут Мессию, – объяснили ему.

– Но как они его узнают?

– Об этом сказано в книге.

Костлявый палец указал, и Бэльян прочел:

Он сказал: «Мессией будет тот, кто очистился страданием. Однако им также будет тот, кто не ослаблен осознанием страдания».

– Но не волнуйтесь. Вы совершаете паломничество. Мы можем незаметно провести вас через боковые ворота.

Они прошли и попали на ипподром. Катарина Александрийская лежала распластанная, привязанная к огромному колесу, повернутому к солнцу, вокруг нее – каирская знать в тюрбанах и чадрах. Мамлюк, чье лицо было скрыто кольчужным шлемом, достал из висевшего у него на поясе металлического колчана молот. Бэльян вынужден был смотреть. Какой-то старик говорил ему:

– Только размышления о нестерпимой боли подготовят вас к грядущим испытаниям.– Раздался смех, и показались редкие зубы.– Я обычно представляю себе, как меня съедают львы!

Мамлюк уже повернулся лицом к павильону султана, боек его молота покоился у него на ладони. Раздался звук трубы, мамлюк резко повернулся и опустил молот на коленный сустав христианки. В поблескивающем разогретом воздухе Бэльян неправдоподобно отчетливо услышал и звук дробящихся костей, и свист, который прокатился по толпе. Молот вновь и вновь поднимался и опускался, с воинской точностью поражая суставы Катарины. Направляемое рукой палача, завертелось колесо. У Бэльяна закружилась голова, он покрылся потом и поднял руку, чтобы вытереть лоб. Но сделав это, он понял, что прикован ручными кандалами к старику. Он услышал голос:

– Настал твой черед.

Потом его схватило сзади что-то мягкое и противное.

Его трясла Зулейка. Он находился в ее беседке. Она стояла над ним на коленях, облаченная на сей раз в желтые шелка. Он почувствовал неимоверную слабость.

– Страшный сон.

– Но здесь ты в безопасности – правда, только здесь. Дурной сон подобен акту содомии, совершенному над тобой незваным гостем. Его лучше забыть.

Пауза. Что-то было не так, он это знал. Она спрашивала его имя. Как его зовут? Он поежился от страха и проснулся на крыше караван-сарая. По крайней мере на сей раз, подумал он, пробуждение настоящее. Повсюду была кровь, лившая у него изо рта и струившаяся из носа. Вейн тряс его одной рукой, пытаясь разбудить, а в другой держал платок, который прижимал к его носу, пытаясь остановить кровотечение.

– Хорошо, что на сей раз за вами присматривали. Как только прекратится кровотечение, мы должны отправиться к Кошачьему Отцу. Я не отходил от вас с тех пор, как мы вернулись в караван-сарай.

Бэльян силился вспомнить. Вейн продолжал:

– Кошачий Отец вас не разочарует. Должен сказать, я некоторое время был его учеником.

Кошачий Отец принял их, полулежа в куче подушек на крыше своего дома. Он ждал их, но совершенное накануне однодневное паломничество изнурило его, и, пока Вейн описывал симптомы, он почти не пошевелился, лишь постепенно смыкая веки. Плешивый и истощенный, с косматой седой бородой, он безвольно опустил руки на колени и запрокинул голову, обратив к небу отрешенное лицо. Когда же он ненадолго повернулся, чтобы рассмотреть Бэльяна из-под полуприкрытых век, лицо его не придало последнему уверенности; оно было необычайно гладким, с хорошей кожей, так туго натянутой на плоских местах, словно череп обшили шелком. По груди и ногам его ползали откормленные кошки – египетские кошки с узкими клинообразными мордами, а одна спала у него на плече.

Он заговорил с Вейном, и Вейн принялся отрывисто переводить его слова Бэльяну. Диагноз ставился неторопливо, с перерывами на многочисленные вопросы о манерах Бэльяна, его привычках и убеждениях. Казалось, старик почти уснул, пока выносил свое суждение. Болезнь была из тех, коими нетрудно заразиться в такой жаркой стране, но лечению поддавалась с трудом. Требовалось некоторое время.

– Но завтра я должен быть у давадара.

– Лучше послезавтра. Он говорит, что одну или две ночи вы

должны провести в его доме. Будете его гостем и пациентом.

– Завтра я должен идти в канцелярию давадара за визой для посещения монастыря Святой Катарины в Синае. Я не могу слоняться без дела в Каире.

– Зачем вам в монастырь Святой Катарины? Там же ничего нет. Одни засохшие останки. Прах и песок. Песок и прах, да грязные, невежественные монахи.

Настойчивость Вейна только подействовала Бэльяну на нервы.

– Я обязан сослужить святой Катарине эту службу. Она спасла мне жизнь при осаде Артуа. Я дал ей клятву, которую, как христианин и джентльмен, должен исполнить.

– Зачем же непременно идти в канцелярию давадара за визой? Вы больны, и для исполнения вашей паломнической клятвы вполне достаточно одного намерения. Святую Катарину вы сможете посетить во сне, а быть может, и она вас посетит.

По спине Бэльяна медленно пробежал холодок. Он уже сидел в тени. Старик начал что-то тихо насвистывать себе под нос, явно закончив разговор. Глаза его закатились, и показались подрагивающие белки, слабые руки тряслись, как будто он играл на невидимой мандолине. Вейн продолжал:

– Если вы будете каждую ночь подобным образом истекать кровью, то умрете, так и не добравшись до горы Синай. Только в большом городе вроде Каира можно отыскать такого человека, как Кошачий Отец, который специализируется на болезнях сна. В пустыне караван вас попросту бросит. Им вы будете только в тягость, как жертва Дурного Глаза. Но мой друг Кошачий Отец, – при этих словах Вейн осторожно обнял старика за хилые плечи, – не боится Дурного Глаза, и он не шарлатан, если вы сейчас подумали именно об этом.

Отец ухмыльнулся, и Бэльян решил, что они оба шарлатаны. Вейн продолжал:

– Он превосходный специалист по рецидивирующему кошмару, бессоннице, сомнамбулизму, каталепсии, кататонии, разговорам и пророчествам во сне, ночным выделениям, энурезу, святотатственным снам и восьми категориям сновидений, которые осудил и запретил Ихван аль-Сафа.

– А со мной что стряслось?

– Ничего из вышеперечисленного.

Нарочито таинственная парочка, Вейн и Отец, пристально смотрела на него.

– Кошачий Отец спросил, не желаете ли вы осмотреть дом?

Бэльян кивнул в знак согласия.

– Тогда спустимся вниз.

Поначалу Бэльян не мог понять, почему им захотелось показать ему дом, ибо там едва ли имелось что-либо заслуживающее внимания. Здание было, безусловно, большое; оно высилось над соседями по кварталу, но все пустующие комнаты с желтеющей штукатуркой на стенах очень походили одна на другую. Вейн объяснил, что все там фактически едят и спят где пожелают. Лишь в немногих комнатах была хоть какая-то мебель, да и та самого рудиментарного свойства: низкие деревянные столики, разбросанные в беспорядке валики от подушек и в одном месте – подставка для Корана. Они пересекли прохладный, темный внутренний двор, обсаженный кипарисами, но там попахивало отбросами. Мимо торопливо прошла закутанная в многочисленные одежды служанка. Они заглянули в комнату для варки кофе с ее конусообразными кусками сахара высотой в человеческий рост; миновали громадную мандару – гостиную – с высохшим фонтаном в центре потрескавшегося мозаичного пола. Пока они продолжали свой осмотр, заходя в пустующие кладовые и непонятного назначения комнаты, Бэльян осознал, что чувствует легкое недомогание; он ощутил резь в глазах и тяжесть на сердце. Он решил, что ему совсем не хочется ночевать в этом доме. Даже днем обстановка там была довольно гнетущая. Молочные стекла окон впускали внутрь грязновато-желтый свет, который струился на закопченные стены и заставлял лица мерцать и подрагивать в их сомнительном просветлении. По полу бегали тараканы; Кошачий Отец больше не производил впечатление полумертвого от истощения человека, каким казался во время консультации, и с удовольствием демонстрировал свое проворство, вприпрыжку давя насекомых босыми ногами. Гарем им увидеть не довелось. На крыше были разложены на просушку травы и неслышным шагом ходила, расстилая выстиранное белье, привлекательная берберская девушка. С крыши Бэльян смог взглянуть на улицу, по которой они пришли, и заметил, как некий человек, входя в дом, плюнул через левое плечо; это казалось не презрительным жестом, а скорее установленным ритуалом.

Лишь когда они вновь спустились во двор, Бэльян начал понимать, что там имеется кое-что интересное. За углом, близ двора, находилась аптека – отделанная кафелем беседка с устроенными на небольшом расстоянии друг от друга нишами в стенах. В нишах, в запечатанных кувшинах или завернутая в листья, располагалась поразительная коллекция кореньев, трав и порошков: белая чемерица, от которой люди умирают, захлебнувшись собственной рвотной массой; черная чемерица, которая очищает кишечник приступами опасных конвульсий;

мандрагора, сонное снадобье; чеснок, вызывающий меланхолию; кат для возбуждения нервной системы; кола, приводящая к бессоннице; опиум для сумеречного состояния; барш, душистая паста для нанесения на зубы; сорок девять плодов дерева заккум; потогонный кумин; змеиный воловик, увеличивающий объем сердца; жевательные морские водоросли; бальзамин; фенхель; длинная сыть; асафетира; серая амбра; пилюли из паутины; илиастра; банж и златоцветник. Кроме того – страусиные перья, зубы нарвала и сережки хмеля.

Они спустились ниже, в подвалы, где, как объяснил старик, находились спальни для пациентов. Спальни являли собой фантастическое зрелище. С обеих сторон лестничного колодца тянулись во тьму длинные коридоры, куда не проникал свет свечей, державшихся на огромных, в человеческий рост, бронзовых подсвечниках, которые стояли в центре зала.

Было только около полудня, но некоторые кровати все равно были заняты. За спящими тревожным сном больными, уперевшими руки в бока или свесившими их с матраса, невидящим взором уставившимися в потолок или уткнувшимися лицом в подушку, присматривали помощники Отца, в основном молодые люди, которые беззвучно переходили от кровати к кровати и, опустившись на корточки или присев на пол, через сложенные домиком ладони нашептывали что-то на ухо спящим, направляя их сновидения в ту или иную сторону. В разгар ночи зал огласится шепотом, сопением и храпом, но главным образом – сплетением шепота, диктующего орнамент ночи. По залу ходили взад-вперед дюжие чернокожие невольники, приносившие и уносившие постельные принадлежности. Там плодились вши. С одной стороны из темноты послышались звуки лютни.

– У вас редкое заболевание. Отец будет лечить вас бесплатно.

– Как он будет меня лечить?

– Не знаю. Пока я только изучаю его методы, но мне уже известно, что мозг выделяет мысли так же, как печень – желчь. Возможно, в желудочках мозга произошло расстройство выделительного процесса, которое в свою очередь приводит к избытку кровяного элемента в организме, а тот в свою очередь – к самопроизвольному кровотечению.

Вейн говорил смущенно и не очень уверенно. Старик совещался с одним из своих учеников.

– Во всяком случае, этой ночью вы не будете спать в одиночестве. Кто-нибудь подежурит у вашей постели. А утром я за вами приду.

– Мне? Ночевать здесь?

– Почему бы и нет? Это самое безопасное место в Каире. Ему

оказывают покровительство некоторые из самых могущественных эмиров. В караван-сарае венецианцы могут украсть у вас деньги, а священники – душу, зато здесь вы в безопасности. Если придется побыть в городе еще какое-то время, вам понадобится покровительство такого человека, как Кошачий Отец, и пристанище в таком месте, как Дом Сна. В городе небезопасно. Каждую ночь происходят убийства. Поговаривают о бунте и восстании. Но, что бы ни случилось, учителя сна никто не тронет.

Но вдруг он заговорит во сне? Вдруг во сне он проговорится, что приехал заниматься шпионажем? Правда, это не страшно, ибо ни Отец, ни его ученики, похоже, не знают ни английского, ни итальянского. И все же он будет лежать без сознания, под наблюдением чужестранцев, видя, быть может, сны на чужом языке, а потом проснется, беспомощно истекая кровью, в чужом подвале. К тому же его беспокоило и еще кое-что. Но что именно? Да, когда начался сон о святой Катарине и Зулейке? На закате или раньше? В караван-сарае он ему приснился или на ипподроме? Только ли святую Катарину и Зулейку он видел во сне, или ему приснилось также царское обрезание, даже Каир?

Видя, что он колеблется, Вейн взял его за руку:

– Ради Бога, дружище, вы же убьете себя, если не подвергнетесь лечению. Убьете себя или вас убьют. Я сейчас сказал, что это, возможно, расстройство секреторного процесса в мозгу. И, возможно, так оно и есть, но почему же тогда болезнь поражает вас только во сне? Не исключено, что это один из колдовских приемов человека, который пытается вас во сне погубить. Христиан, во всяком случае христиан с Запада, в Каире не любят, и вполне вероятно, что кто-то употребляет против вас колдовские заклинания.

– Я здесь не останусь. И все же благодарю вас, – Бэльян сделал учтивый, как он надеялся, жест в сторону Отца, поднялся, не оглядываясь, из подвала, вышел на улицу, на ослепительный дневной свет, и смешался с толпой.

Толпа была бестолковым животным, которое медленно двигалось и громко выражало недовольство, когда его подгоняли. Она двигалась со скоростью самых медлительных, то есть со скоростью дряхлых стариков и больных. Поговаривали, что большая часть каирского населения не работает, а живет подаянием или примиряется с медленной смертью. Бэльян боролся с этой толпой, тщетно желая, чтобы она расступилась перед ним, как Красное море перед Моисеем, но она смотрела на него упрямым мертвенным взором и едва волочила ноги. Он видел компании стариков, взявших друг друга под руки и величаво шествующих по оживленным улицам города,

преодолевая все препятствия и поднимая пыль костлявыми босыми ногами. Вскоре он узнал, что эти толпы тоже опасны; порой в одном месте сходилось несколько процессий, и тогда в давке погибали люди.

Но зато там за ним не смогли бы следить Вейн с Отцом, и Бэльян наконец успокоился, позволив толпе вести себя куда заблагорассудится, отдавшись бесцельному передвижению, видя то, что приходилось видеть.

В этом городе взгляд подмечал больше, нежели в Венеции или Норидже: зеленый тюрбан хаджи, желтый халат иудея, огромная обоюдоострая секира и чаша для подаяния дервиша-бекташи. Одежда говорила и о вероисповедании человека, и о его устремлениях.

Так, праздно бредя неведомо куда, он и повстречал Йолла. На углу толпа обступила касаса, сказителя. Он сидел на некоем подобии деревянного трона, глубоко в тени, отбрасываемой выступом дома. На плече у касаса сидела на цепи испуганная обезьянка. У подножия трона сидел, сгорбившись, музыкант, сопровождавший слова сказителя негромкой игрой на ребеке, а мальчик разносил кофе на медном подносе. Но все взгляды были устремлены на касаса. У его ног сидела с обожанием смотревшая на него молодая женщина без чадры, поразительно красивая. Мужчины постарше встали или уселись вокруг него на корточки, вытолкнув детей за пределы круга. Круг был широкий, что порадовало Бэльяна, ибо изо рта сказителя летели капли слюны. История была увлекательная; завывания ребека нарастали и затихали, а касас энергично рассекал руками воздух, возбуждая любопытство слушавшей с отвисшими челюстями и остекленевшими глазами публики. Сказитель был, как ни странно, человек молодой, с густой копной волос и перекошенным от сосредоточенности лицом. На лице его проступил пот, а к нему прилип песок. Бэльян отродясь не видел человека грязнее. Казалось, он с головой окунулся в сюжет своей истории, но когда Бэльян подошел к слушателям, касас умолк, явно на полуслове, позволив музыканту и дальше играть на ребеке. Пристально глядя на Бэльяна, касас взволнованно показал на себя большим пальцем.

Глава 3
Остров рода

Что за отрадная картина!

Сейчас, хотя и слишком поздно, я думаю о том, с должного ли места начал я свою повесть. Проще было бы начать с толкования отношений между Майклом Вейном и Кошачьим Отцом или, еще лучше, с правдивого рассказа о появлении Фатимы Смертоносной. А про Обезьяну я уже говорил? Не помню. По какой-то причине я решил, что лучше всего начать с приезда сего простодушного молодого человека в Каир. Лично я от него не в восторге, и интересно, какого мнения будет он обо мне. Сомневаюсь, что я когда-либо об этом узнаю. Правда, сдается мне, он вообще не очень-то высокого мнения о людях.

Слишком поздно начинать сызнова, тем более что настала пора представиться…

– Я – Йолл.– Сказитель говорил по-итальянски с сильным акцентом. Но еще более странными оказались следующие его слова: – Я рассказывал этим людям вашу историю.

– Мою историю?

Толпа, обернувшись, принялась оценивающе разглядывать Бэльяна, а потом расступилась, чтобы пропустить его к трону сказителя. Йолл сделал нетерпеливый жест.

– Да, вашу историю. О том, как вы заехали в Каир по дороге в святой монастырь на горе Синай. Как стали свидетелем ареста итальянского художника, как в ночь дурного предзнаменования вас посетили видения, после чего вы угодили в лапы к Кошачьему Отцу и английскому алхимику.

Он помедлил, дабы выяснить, согласен ли Бэльян с тем, как он излагает историю, и продолжил:

– И места, и люди всем нам знакомы. Это хорошая история. Такому человеку, как я, который умеет ценить важную информацию, нетрудно воссоздать общую картину с помощью сотни имеющихся в городе достоверных источников. Я же Йолл, единственный сказитель в Каире, который зарабатывает на жизнь правдивыми историями. Порой люди платят мне за то, что я рассказываю о них в общественных местах – вероятно, в надежде, что эти истории могут оказаться поучительными для толпы или прославить их имена. А иногда я выбираю человека и рассказываю его историю, причем могу как воздать ему должное, так и погубить его репутацию.– Он помедлил.– Иногда мне

платят, чтобы я ничего не рассказывал.

– А что будет дальше в этой истории?

Йолл вновь помедлил, и на лице у него появилась широкая ухмылка.

– Вы встретите сказителя по имени Йолл, и он даст вам некий чрезвычайно полезный совет – если, конечно, вы соблаговолите несколько минут подождать. Простите, что я проявляю к вам такой интерес, но хороший рассказчик всегда старается придать своим историям четкую форму, даже если они правдивые.

Не дожидаясь ответа, Йолл вновь обратился к своим слушателям. Говорил он, казалось, довольно долго, то и дело жестами показывая на Бэльяна. Публика взирала на Бэльяна сочувственно. Наконец речь прекратилась, и мальчик обошел слушателей, собрав в бархатную сумку монеты. Йолл спустился с трона, и мальчик его унес. Музыкант со своим ребеком уже исчез. Солнце скрылось за грядой облаков, а ветер усиливался, поднимая на улице маленькие самумы. Настало время молитвы, совершаемой во второй половине дня. В городе раздались наводящие уныние причитания муэдзинов: «Есть только один Бог…»

Йолл улыбнулся Бэльяну.

– Не соблаговолите ли воспользоваться моим гостеприимством? До дома отсюда довольно далеко, зато…– тут он шутливо понизил голос до шепота, – зато там есть вино.

Бэльян наклонил голову, и Йолл бешено замахал руками от радости. До дома действительно было довольно далеко. Всю дорогу они молчали. Когда они добрались, уже близился вечер, и хотя небо было еще темно-синим, внизу, на неосвещенных улицах, почти наступила ночь. Закрывались на ночь крытые базары, и целые районы города казались безлюдными, в то время как другие были заполнены людьми, прогуливающимися взад и вперед и с любопытством взирающими друг на друга.

Дом, куда Йолл привел Бэльяна, был очень маленький, но удивительно уютный. Не было видно ни стен, ни пола, ни окон. Они расселись в настоящей пещере из подушек, ковров и шелковых драпировок; все это было слегка потерто, и у большинства вещей выпадала набивка. Йолл достал кувшин вина и ухмыльнулся.

– Для работы над моим великим творением требуется изоляция от внешнего мира. Истории, которые я рассказываю на базарной площади, попросту помогают сводить концы с концами. Этим я зарабатываю на жизнь, только и всего. Вы спрашиваете, что это за великое творение? – Бэльян ни о чем не спрашивал.– Я вам скажу. Как вы сейчас услышите, это действительно нечто

особенное. Султанам и эмирам возводят памятники: мечеть султана Хасана, лечебница султана Калаона, фонтан эмира Джакмака. Они возвышаются на улицах нашего города, и в их тени притесняемые бедняки, Божьи дети, должны ходить, испытывая благоговейный страх. Беднякам памятников не ставят. Но я, Йолл, памятник им творю.

Речь Йолла потекла стремительным потоком. Как понял Бэльян, он сочинял произведение, точнее сборник историй, почти не связанных общим сюжетом.

– Я назову его «Тысяча и одна ночь».

Каждую ночь он диктовал новую часть своему другу каллиграфу. Слушая, Бэльян начал понимать, сколь необычно и изощренно лукавство Йолла, ибо истории свои он сочинял не только для того, чтобы развлекать городских бедняков, но и, сознательно написав их в непритязательной, несколько путанной, разговорной манере, намеревался создать впечатление, будто все это – и в самом деле творения лавочников и нищих Каира.

Йолл был преисполнен сострадания к людям этого города. И все же Бэльян заметил, что к жалости примешиваются оттенок презрения к лишенным воображения лавочникам и резкое осуждение их пассивности и меркантильности, а главное – их благонравия. В самом Йолле ни капли благонравия не было.

– Эти бедняги не имеют права на собственное мнение. Они не видят снов, они сидят, как тряпичные куклы, возле своих товаров, но я стану выразителем их мнения, я сотворю для них сны.

Йолл занимался своим делом с убежденностью маньяка. Ему, весьма сильной личности, хотелось полностью раствориться в этих историях и стать только фильтром для чувств и надежд, пусть слабых, простых людей. С этой целью в свободное от работы и диктовки время он бродил по знакомым до мельчайших подробностей переулкам и площадям города, ничего не подмечая осознанно, но каким-то образом воспринимая все, что носилось в воздухе Каира. Он возвращался в свой дом на краю армянского квартала и бездумно сидел с закрытыми глазами, пока на веках не начинали плясать образы, а вокруг – строиться сюжет. Истории Йолла возникали, как он утверждал, в некой сумеречной области, где-то между сознательным творчеством и клокотанием абсолютной бессмыслицы.

– Возьмем, к примеру, историю о двух Гарун аль-Рашидах, которую я сочинил несколько дней назад. В ней говорится о…

Тут Бэльян, не в силах больше сдерживать нетерпение, прервал стремительный поток слов:

– Но скажите, откуда вы знаете итальянский?

– Я долго черпал вдохновение у Боккаччо. Мы любим

итальянцев.

– Мы? А англичан вы тоже любите?

Йолл показал в угол комнаты. Пока они разговаривали, в дом незаметно вошла женщина. Это была та самая женщина, которая сидела впереди всех слушателей.

– Мария Коптская, моя сестра. Конечно, мы оба копты, но люди зовут меня Грязным Йоллом.

Она улыбнулась и села. Потом улыбка исчезла, словно ее никогда и не было. Это была угрюмая, серьезная девушка, в которой, казалось, тлела ярость – а может, это было нетерпение или сдерживаемое желание? – когда она вслушивалась в каждое слово Йолла. Кувшин был снова наполнен вином.

Йолл продолжал, отвечая на заданный Бэльяном вопрос:

– Посмотрим. Вы первый англичанин, которого я повстречал, не считая Вейна.

– Что вы можете рассказать мне о Вейне?

– Достаточно, надеюсь, чтобы убедить вас избегать его общества. Хорошо, что мы с вами сегодня встретились. Мне не нравится, когда люди, особенно христиане, попадают в лапы к этой парочке.

– Парочке?

– Вейну и Кошачьему Отцу. Предупреждаю, они манипулируют людьми, а с людьми, которые подпали под их влияние, потом невозможно разговаривать. Они хранят некую общую тайну, по крайней мере, похоже, хотят создать такое впечатление.

– А давно Вейн знаком с Кошачьим Отцом?

– Давно. Вейн уже долгое время регулярно бывает в Каире. Порой он жил в городе несколько лет подряд и тогда останавливался обычно в Доме Сна. Нет, в этой парочке и вправду есть нечто странное – в этом старом скелете и в этом воре-карманнике. Да-да, когда Вейн впервые приехал в Каир, он был всего-навсего мелким преступником. Как знать, может, он успел побывать и на галерах. Во всяком случае, жизнь у него была нелегкая. Он не вел себя как синьор и ученый и не рассуждал, как ныне, со знанием дела о физике и метафизике. Нет, он был карманником – умным и честолюбивым, но все же карманником. Он пришел в Дом Сна, и Кошачий Отец, должно быть, по достоинству оценил его возможности, ибо дал ему образование, как собственному сыну. Вейн занимался с ним языками цивилизованного мира – арабским, персидским и древнееврейским. Он научился хорошим манерам, изучил алхимию, медицину, гематрию, натурфилософию и толкование снов. Но прежде всего он научился служить своим хозяевам.

– Вы хотите сказать…

– Я сам не уверен в том, что хочу сказать… Возможно, Вейн работает на султана и его чиновников – в качестве шпиона. Как, думаю, и Кошачий Отец. Из Дома Сна в Цитадель давно дорожка протоптана. Наверняка они торгуют информацией. Откуда они берут эту информацию, понять нелегко. Быть может, ее предоставляют клиенты, которые приходят за толкованием снов и предсказанием будущего? Постарайтесь как можно скорее уехать из города. Кошачий Отец – человек опасный, и как друг, и как враг. Простите мою настойчивость, но должен сказать, что прошлое Кошачьего Отца едва ли менее позорно, нежели, как я полагаю, прошлое Вейна. Позвольте мне рассказать одну историю.

Йолл отхлебнул изрядное количество вина и продолжил.

– Я услышал ее из уст самого Кошачьего Отца много лет назад, еще до того, как он стал такой важной персоной, как ныне. Кошачий Отец не всегда был хозяином Дома Сна. В молодости, когда он только приехал в город и здесь были люди куда более искушенные в тайных науках, чем он, ему приходилось перебиваться колдовством и торговлей снадобьями. Специализировался он на зельях, возбуждающих половое чувство, и изображениях, предназначенных для того, чтобы завлекать мужчин в постель. Заниматься этими изображениями было очень опасно, ибо он имел обыкновение рисовать их на телах своих клиенток. Он постоянно рисковал, что мужья заметят на телах своих жен эти знаки и дознаются, кто их изобразил, но ремесло это приносило доход, ибо знаки были могущественные, они достались ему от Арбателя Магии. Однажды к нему явилась женщина, назвавшаяся Фатимой и поведавшая обычную историю о том, что муж перестал испытывать к ней влечение, и тогда он изобразил у нее на пупке, на внутренних сторонах бедер и меж грудей соломоновы знаки. Она щедро заплатила и удалилась. Через некоторое время в Ниле обнаружили уносимого вниз по течению юношу с перерезанным горлом. Подобные вещи иногда происходят, и никто не обратил на это особого внимания.

Через несколько дней нашли еще одно тело, потом еще и еще – все мужчины и все с перерезанным горлом. Это напоминало эпидемию чумы, и когда бедствие из бедняцких кварталов города распространилось на более фешенебельные районы, что ниже Цитадели и на берегу реки, оно начало вызывать у правительства некоторое беспокойство. По ночам на улицу стали отправлять отряды бдительных граждан. Несколько раз эти отряды в последнюю минуту спасали жертву от приставленного к горлу ножа. По городу начали ходить нелепые слухи. Многие говорили,

что это ритуальные убийства, совершаемые иудеями или коптами, и некоторым членам иудейской общины пришлось на время покинуть город.

А однажды ночью Кошачий Отец бродил в одиночестве по Поселку Женщин. То ли он рассчитывал заработать там деньги, то ли потратить – об этом можно только догадываться. На нем был джаллаба с капюшоном в магрибском стиле. Говорят, Кошачий Отец родом с гор Атласа, расположенных далеко в западных землях. Так вот, он миновал женщину в чадре, стоявшую на краю поселка, очевидно, в ожидании клиентов. Пройдя несколько шагов, он обернулся, ибо непостижимым образом почувствовал сильное влечение. Он подошел к ней поближе. Она открыла лицо. Потом, улыбаясь, она достала спрятанный в складках рукава длинный серебряный кинжал. Но даже увидев это, он все еще был очарован и сексуально возбужден. Он понял, что она хочет убить его, но не мог сдвинуться с места. Не в силах пошевелиться, он смотрел, как сокращается расстояние между ними.

«Ах, вы этого не сделаете», – прохрипел он.

Вместо ответа она обнажила верхнюю часть тела, и там он, не веря своим глазам, увидел тот афродизийский символ, который несколькими месяцами ранее изобразил меж грудей женщины по имени Фатима. Когда сей магический знак открылся взору, противоестественное влечение усилилось. Отец понял, что ему грозит убийством одна из сотворенных им самим искусительниц. В последней отчаянной попытке спастись он воскликнул: «Ах, несчастная, кто это с тобой сделал?! Тебе суждено погибнуть, ибо ты носишь меж грудей знак Азраила, ангела смерти!»

Налетел внезапный порыв ветра, и женщина скрылась, убежав во тьму одной из боковых улочек. Он попытался догнать ее, ибо все еще испытывал страшное влечение, но она исчезла. После той ночи убийства прекратились. Лишь теперь, спустя годы, в саках Каира вновь начали рассказывать неприятные истории и опасаться возвращения Фатимы Смертоносной. Если она вообще когда-либо существовала, – задумчиво добавил Йолл.– Кошачьему Отцу ни в коем случае нельзя ни верить, ни доверять. Но история хорошая. Я ее уже много раз рассказывал.

– Странная история, – осторожно заметил Бэльян.

– Вы в нее не верите?

– Я верю в то, что Кошачий Отец с какой-то целью ее рассказал.

– Отец безумен, – непоследовательно продолжал Йолл.– Сон – такое приятное, праздное времяпрепровождение. Мне мало известно и еще меньше понятно, чем он там занимается, но

сдается мне, его наука превращает сон в испытание и опасность для его учеников и пациентов. Когда я засыпаю, мне нравится засыпать. Проснувшись, я разберусь в своих видениях и сумею правильно их оценить. Люди приходят в Дом Сна в поисках чего-то, возможно – неких духовных сокровищ. В этом городе сокровища людям так и мерещатся. Народ Каира думает, будто сокровища можно найти, забравшись в постель и уснув, и тогда джинн, быть может, поведает, где они или уж не знаю что. Похоже, Кошачий Отец как раз и сулит всем лентяйский путь в рай.

– Лентяи тоже хотят попасть в рай, как и все прочие.

– Но с закрытыми глазами, видя сны, к тому же с непереваренной пищей в желудке, пути в рай не отыщешь. Сны вызывают у людей желание спать. Мои истории будут вызывать у людей желание бодрствовать. Мало того, они сделают сон ненужным.

Стремительный поток вновь сделался неудержимым. Йолл полагал, что должна отыскаться возможность отобрать сны у темного царства, коим правит Кошачий Отец, и вынести их на солнечный свет радостной фантазии. Поэтому он с неистощимым усердием (Бэльяну с трудом верилось, что человек, который так много пьет, может быть неистощимо усердным) трудился над историями о носильщиках, которые женятся на принцессах, о тещах, превращенных в мулов, и сокровищах, возникающих при повороте волшебного колечка. Суть всех этих историй состояла в том, что с обычным человеком должны неожиданно происходить необычные вещи.

– Манит к себе женщина из незнакомого дома. Вдруг начинает говорить человеческим голосом животное. Я – творец более великий, нежели Мутанабби или Мутазз, но суть моего творчества заключается в его утаивании.

Бэльян подумал о том, что Йолл и Кошачий Отец не особенно отличаются друг от друга в своих странных замыслах и стремлениях, но оставил эту мысль при себе. Йолл продолжал:

– По правде говоря, большинство людей влачат здесь столь жалкое существование, что изменить их жизнь можно лишь чудом. Это в основном в моих сказках и предлагается. Однако недавно реальный мир вступил в соперничество со сказителем.

– Что вы имеете в виду?

– Трудно сказать. Есть некоторые знаки, надо только суметь их истолковать. Каждую ночь происходят убийства, особенно в вашем квартале, Эзбекия. Кроме того – ваша болезнь. Ну да, вам говорят, что это болезнь, но я в этом совсем не уверен.

– Я тоже. По-моему, это попросту кровотечение из носу.

– А по-моему, это может быть и предзнаменованием. Всего неделю тому назад неподалеку от Цитадели родился ребенок с двумя головами и сорока руками. Подобные вещи являются предвестниками беспорядков, сражений и голода, а возможно – и новоявленного святого…

Но на этом месте Йолла прервали. Снаружи раздался оглушительный грохот от удара металлическим предметом по дереву, потом звук повторился – чем-то колотили в дверь. Лицо Йолла перекосилось от страха.

– Кто это? – спросил Бэльян.

– Не знаю. Должно быть, ищут вас. Вейн и Кошачий Отец. А может, мамлюки. Однако нам это выяснять ни к чему.– Йолл наклонился и задул свечу.– Им незачем видеть нас вместе. Держитесь друг за друга и идите за мной.

Бэльян почувствовал, как Мария схватила его за руку, потом протащила через несколько слоев шелковых драпировок, и они оказались у лестницы, которая вела на крышу. Они стремительно поднялись по ней на цыпочках, стараясь потише дышать. Была уже глухая ночь. На крыше Йолл повернулся к ним.

– Здесь придется расстаться. Вы спуститесь вон там, а я вернусь в дом и открою дверь нашим гостям. Постараюсь сделать вид, будто меня только что разбудили.– Казалось, Йолл переполнен детским восторгом.– Мария отведет вас к Бульбулю. Я тоже приду туда, как только смогу.

Он торопливо заговорил с Марией по-арабски. Мария открыла было рот, но не произнесла ни слова. Легко спустившись по боковой стене дома, она жестом велела Бэльяну следовать за ней на некотором расстоянии. Потом она уверенно направилась вперед, то и дело переходя из одного переулка в другой. Улицы были почти безлюдны, если не считать фонарщиков да изредка встречавшихся солдат. Изредка оказываясь в открытом месте, Бэльян мог разглядеть Цитадель Кайтбея, смутно видневшуюся над стоявшими слева от них глинобитными и деревянными домиками. Они удалялись от тех районов Каира, которые были ему хорошо знакомы. Внезапно, выйдя из узкого прохода между домами, он обнаружил, что они идут по берегу Нила. Его мутная поверхность зловеще шевелилась, мерцая в свете луны. Вскоре они оказались на мосту, который вел к острову на реке.

– Рода.

Строений на острове было немного, и почти все они теснились у берега. Они вошли в лес, который оказался еще и кладбищем. Чтобы не заблудиться, Бэльяну приходилось пристально следить за силуэтом Марии. Что-то мягкое и липкое касалось его лица; ветви деревьев были увешаны тканями и

тряпьем – приношениями людей, потерявших близких. Даже в этот час кладбище не было безлюдным, ибо средь деревьев метались похожие на привидения фигуры в чадрах и со свечами в руках. Мария замедлила шаг и взяла его за руку. Рука у нее была горячая. Они вышли на поляну, а на поляне теснились такие же мазанки, какие Бэльян уже не раз видел в бедняцких кварталах Каира. У одной они остановились. Вероятно, это был дом Бульбуля. Оттуда вышел человек, и Мария обратилась к нему. Сказала она очень мало, но говорила так медленно, что Бэльян успел хорошенько рассмотреть стоявшую перед ним фигуру: два ярко блестящих глаза, глубоко посаженные по бокам огромного крючковатого носа, изгибу которого более широкой дугой вторил изгиб живота. Когда он отвечал, язык его метался во рту, как у ящерицы. Потом он начал подкреплять свои слова жестами. Широко развел руки (ну конечно, будьте моим гостем) – знак селяма Бэльяну, рукой поманил их в дом, вскинул брови, как бы осуждая убогость своей ужасной лачуги, и наконец уставился в глаза Бэльяну долгим взглядом, который говорил больше, чем можно было перевести. Они вошли в дом. Бульбуль принялся едва ли не вприпрыжку носиться по комнате, мимически изображая свое ремесло и демонстрируя гостям плоды своей искусной работы. Он был письмописцем и, более того, каллиграфом. Лучшим в Каире, – бил он себя кулаками в грудь.

Когда эта шарада закончилась, он уселся на корточки в углу готовить чай – еще одна небольшая шарада. Пока он этим занимался, Мария подавала руками знаки, означавшие, что ночевать им предстоит в этом доме. Бульбуль вернулся к ним с чаем и коническим куском сахара, который он принялся колоть маленьким молоточком. Были церемонно выпиты три чашки чая. Бульбуль непрестанно говорил с Марией, отвлекаясь на Бэльяна лишь для того, чтобы подлить ему чаю или предложить кусок пирога. Мария почти все время молчала.

Наконец были принесены ковры, и они улеглись спать. По крайней мере так поступили Мария с хозяином, но Бэльян лежал настороже, глядя в потолок и погрузившись в раздумья. Он уже дважды видел сны после приезда в Каир и боялся увидеть вновь. Поэтому он непрестанно менял позы и лениво размышлял об искаженной симметрии своих приключений, снов и всех взаимосвязанных событий: два султана, две красивые женщины, два состояния сознания и так далее. Неужели каждая вещь на свете составляет пару с вещью себе подобной, как правая рука и левая рука? Может, и у него есть некий ущербный двойник? Ему становилось все труднее сосредоточиться; мысли медленно вращались вокруг одного и того же, словно на вертеле в жарком

ночном воздухе.

Потом в лачуге послышалось шарканье ног, и, слегка изменив позу, Бэльян осознал, что над ним, Бульбулем и Марией стоят две фигуры. Его замутило от панического страха, когда в этих двух силуэтах он узнал Кошачьего Отца и Майкла Вейна. Вейн заслонил ладонью пламя свечи.

Отец повернулся к Вейну и как бы вскользь заметил:

– Люди, страдающие бессонницей, смертельно боятся уснуть. Они опасаются, как бы неприятности, которые грозят им в период бодрствования, не навалились на них, когда они будут лежать без сознания.– Потом, опустившись на колени и приблизив лицо, отвратное из-за дурного стариковского запаха изо рта, вплотную к лицу Бэльяна: – Но вы же не знаете, спите вы или нет, верно? Ну, здравствуйте, неужели вы думали, что мы не сумеем вас найти? Неужели вы думали, что я учительствую только в Доме Сна? Неужели вы думаете, что на ваших новых друзей можно положиться? Полагаю, это возможно, но скорее всего вы заблуждаетесь. Если вас могут посещать во сне святая Катарина и красотка Зулейка, то, несомненно, можем и мы. Вейн!

Он нетерпеливо щелкнул пальцами. Вейн взял стеклянный стакан и молоточек, которым ранее кололи сахар. Он поставил стакан на сухой земляной пол и сильно ударил по нему молоточком. Стакан с остатками чая стоял неподвижно еще достаточно долго, чтобы Бэльян успел резко вздохнуть от удивления. Потом он внезапно разбился вдребезги, и по всей комнате разлетелись осколки стекла и чаинки. Спящие фигуры Бульбуля и Марии не шевельнулись.

Вейн не сводил взгляда с его лица, а Отец снова заговорил:

– Это был ваш первый урок: как определить, спите вы или нет. Мир, в котором вы находитесь, близок к реальности, но, как показывают некоторые опыты, лишь до определенной степени. Стакан является доказательством того, что вы видите сон. Более того, если вдуматься, я говорю с вами на языке, который вы понимаете. Безусловно, вы больше не находитесь в мире реальности, в мире, которым правят законы Бога и логики. Нет, вы попали в Алям аль-Миталь, что в переводе есть Мир Образов или Подобий. При вашем содействии мы рассчитываем научить вас навязывать Алям аль-Миталю свою волю, но прежде всего, разумеется, – диагностировать свой недуг и устанавливать причину кровотечения. Вам следует знать, что, не появись мы здесь первыми, появилось бы нечто куда более неприятное.

Вейн опустился тем временем на колени над двумя другими спящими фигурами и прошептал что-то на ухо сначала одной, а потом другой. Отец продолжал:

– Полагаю, необходимо обследовать вас в моем доме, но прежде чем мы туда отправимся, вы должны принять от меня посвящение и, кроме того, должны доверять нам, когда мы говорим, что желаем лишь исцелить вас и дать добрый совет. Вы нам доверяете?

– Да.– Свое неохотное согласие Бэльян выразил хриплым, дрожащим голосом. На самом деле он испытывал не доверие к своим ночным визитерам, а лишь безотчетный страх перед ними.

– Это хорошо, – спокойно сказал старик, соскреб длинными ногтями с пола немного земли и собрал ее на ладони. Потом, стоя над Бэльяном на коленях и тяжело дыша, он сказал: – Посмотрите на меня…

Бэльян посмотрел, и старик сдул пыль ему в глаза.

Старик поднялся, шумно пыхтя и отдуваясь.

– Идемте с нами, – сказал он, и они вышли в ночь. Воздух был спертый, тяжелый, а сине-фиолетовое небо нависало над ними, почти касаясь куполов минаретов. У Бэльяна было такое чувство, словно он дышит через соломинку. Вскоре они уже шли по самому краю острова. Луна скрылась, и в почти непроглядной тьме они ориентировались только по маслянистому поблескиванию воды да глухому плеску, с которым волны бились о земляные насыпи. Порой Бэльян спотыкался о что-то мягкое и шевелящееся – об одного из тысяч каирских бедняков, которые ночевали на улицах.

– Придется сделать крюк, – извиняющимся тоном сказал Кошачий Отец, когда они переходили мост. На другом берегу они ускорили шаг, ибо дорога была лучше освещена. По пути им то и дело попадались ночные дозоры и бродяги фонарщики. Три неприметные фигурки, они с трудом поднялись к стенам Цитадели.

– Это квартал Татарских Развалин, – сказал Отец, – и здесь вы должны кое с кем познакомиться.

Вейн и Бэльян вошли вслед за ним в шатер. В центре шатра, на ковре, неуклюже шевелилась в странной позе некая фигура. Что-то было не так, но в темноте трудно было разобрать, что именно вызывает тревогу.

– Это Саатих. Он – каахин, прорицатель, но Бог проклял его и постепенно превращает его кости в желе. Голова размягчится в последнюю очередь. Разумеется, в реальной жизни вам его не встретить. Подобные личности существуют только во сне.

Бэльян присел на корточки, чтобы взглянуть повнимательней, и поспешно поднялся вновь, с трудом сдерживая подступившую тошноту. Каахин раздувался, колыхался и пузырился над ковром, беспокойно расползаясь в разные стороны. Лишь голова с

немигающими глазами неподвижно застыла в центре. С ковра раздался гортанный голос:

– Добро пожаловать в Алям аль-Миталь.

– Саатих хотел повидаться с вами, чтобы выяснить, не вы ли тот человек, который страдает Арабским Кошмаром. Похоже, не вы, – сказал Отец.

– Да поможет вам Бог, если вы когда-нибудь повстречаетесь с собратом Саатиха, Шикком, – сказал Вейн.

– Время пророчества истекло, остались лишь сны, – сказал Саатих.

Кошачий Отец опустился подле него на колени, и несколько минут они тихо, вполголоса совещались.

– Сюда мы пришли не ради Саатиха, – сказал Отец, когда они вновь вышли в ночь.– Мы ведем вас к давадару, туда, – и он показал на стены Цитадели, которые, казалось, парили над ними.

– Зачем к давадару? Почему сейчас? Не лучше ли увидеться с ним утром, когда мы оба проснемся? – Бэльян был уже заметно раздражен и решил отгородиться от странных прихотей этой нелепой парочки логическим барьером.

– Потому что мы хотим вас ему показать. Он задаст несколько вопросов, только и всего, – твердо сказал Отец.

– В таком случае, думаю, мне стоит проснуться, – сказал Бэльян.

– Глупец! Это же смертельно опасно! – вскричал Вейн, набросившись на Бэльяна. Отец с несвойственной его возрасту ловкостью последовал его примеру. Вейн схватил Бэльяна за ноги, а Отец крепко вцепился ему в спину, и они кубарем покатились вниз по тропинке, которая вела прочь от Цитадели.

– Где бы вы ни были, от меня вам не отделаться! – вскричал Отец, но Бэльян уже начинал удаляться от своих противников, удаляться от пыли и от ночи под стенами Цитадели.

Однако избавление от кошмара особого облегчения не принесло. Трудно было что-либо разглядеть в этом темном и душном месте. Казалось, он лежит в волосяном шатре. Он не мог пошевелиться, не мог вздохнуть. Глаза его казались открытыми, но убедиться в этом было нелегко. Что-то большое, мягкое, но тяжелое давило ему на руки и грудь, душа и парализуя. Лишь один его член не был парализован: пенис. Он поднимался и болезненно распухал. Что-то лежало на нем, что-то близкое и знакомое, злобно настроенное. Что бы это ни было, Бэльян чувствовал, что это живое существо, но, хотя и близкое физически, бесконечно далекое от существа человеческого, от людских забот. Судя по тому, как тесно оно прижималось,

влечение его наверняка было сексуальным, однако глаза на этом лице, если это было лицо, Бэльян представлял себе в виде впадин абсолютного, безграничного небытия. Бэльян принялся молча молиться. Давление постепенно ослабло, и Бэльян обрел способность различать предметы. На руки ему давили чьи-то колени. На груди у него, уткнувшись ступнями в его промежность, стояла на коленях женщина, чьи волосы рассыпались по его лицу. Она склонялась над ним, что-то вполголоса напевая. Постепенно, пока Бэльян приходил в себя, она непостижимым образом исчезла. Там, где она была, не осталось ничего, кроме серых жемчужин фальшивой зари.

Он находился в беседке Зулейки. Она мирно спала рядом. «Зачем кому-то приходить на рассвете и стоять на коленях у меня на груди? – подумал он.– Вероятно, все это из-за жары». Он полежал еще немного, обливаясь потом, и растормошил Зулейку.

– Зулейка, ты стояла только что у меня на груди на коленях или это мне приснилось?

Она серьезно посмотрела на него широко раскрытыми глазами:

– Кто-то, кажется, следил за тобой, когда ты вернулся с кладбища Рода. Глупо ночью ходить на кладбище.

– Но кто за мной следил и зачем?

– Думаю, что некогда оно было женщиной и что оно пыталось забрать твое семя – впрочем, едва ли я ей что-то оставила.– Зулейка лениво рассмеялась и добавила: – Число мертвецов растет очень медленно, и они хотят производить потомство. Давай еще немного поспим.

– Но ведь по кладбищу я ходил только во сне, правда? – Однако, сказав это, он осознал кое-что еще.

Глава 4
Цитадель

А где же был я, когда Бэльяна увели на остров Рода? Так вот, ускользнув от преследователей – а погони в этом городе происходят постоянно, – я удалился в кофейню на берегу Нила, где надеялся побыть наедине со своими мыслями. Как выяснилось, надежды мои были напрасны, но это уже другая история. Теперь же я только хочу сказать, что мне часто необходимо уединение, дабы собраться с мыслями и восстановить ход событий. Если за день со мной происходит слишком многое, я чувствую некоторое беспокойство. Избыток материала для какой-либо из моих историй ничуть не лучше, чем его недостаток, и после стольких волнений я опасаюсь, что не сумею сжато и складно все это изложить и буду спать тревожным сном.

На основании только что описанных мною эпизодов нельзя не прийти к выводу, что моя сестра Мария – женщина весьма привлекательная. Сомнений это вызывать не должно, однако в дальнейшем рассуждать о ее прелестях я не намерен. По крайней мере в одном отношении я разделяю восточную щепетильность своих сограждан. Я не считаю нужным позволять посторонним людям разглядывать мою сестру с головы до ног и на основании ее манер строить догадки, девственница она или нет, или же пытаться по блеску в ее глазах и форме лодыжки установить, в какую цену она обойдется, если станет невестой. Лишившись таинственности, женщина утрачивает и все свое очарование. Я постараюсь сделать так, чтобы моя сестра вообще не имела отношения к этой истории, которую еще предстоит рассказать, – если, конечно, это возможно…

Он проснулся, едва не захлебнувшись в собственной крови. Услышав его сдавленные крики, к нему вскорости подошли Бульбуль и Мария, однако они ничего не предприняли, а только смотрели, как кровь брызжет у него изо рта и ноздрей; так они и дождались, когда кровотечение таинственным образом остановилось. Потом они вывели его на поляну, и Мария пошла за водой, чтобы смыть медленно свертывавшуюся кровь. Бульбуль прислонил Бэльяна к стене лачуги. Уже рассвело, хотя небо и хмурилось. Воздух в лесу Рода был очень влажный, он покалывал кожу. Бэльяна мутило, кружилась голова. Первоначальное облегчение от того, что он наконец вне опасности, быстро сменилось чувством полнейшей беспомощности. Он не

представлял себе, какими сложными жестами сумеет передать своим иноязычным собеседникам то, что недавно испытал.

Вернулась Мария с полным кувшином воды, и они принялись его тщательно мыть. При свете дня, под открытым небом, Мария казалась пышущей здоровьем и сладострастной. Он с горечью подумал о том, что Мария с Бульбулем, похоже, провели отнюдь не беспокойную ночь. Почему жертвой должен быть именно он?

Наконец, когда ему стало немного лучше, он языком жестов выразил желание покинуть их и вернуться в Каир, но они в свою очередь начали энергично жестикулировать, доказывая, что ему следует – нет, просто необходимо – остаться.

– Йолл. Йолл, – упорно твердили они.

Бэльян ответил по-английски:

– Простите, но я не стану его дожидаться и не желаю больше быть замешанным в ваших интригах, что бы вы ни замышляли. Я возвращаюсь в караван-сарай. Благодарю за гостеприимство.

Бэльян кивнул на прощание Бульбулю – в глаза Марии он не взглянул – и торопливо зашагал прочь. Мария с Бульбулем, так и оставшись сидеть, смотрели на него, пока не потеряли из виду.

Войдя тем утром в караван-сарай, Бэльян едва не расплакался. Да, он находился в тысячах миль от дома, зато здесь по крайней мере был крошечный анклав христианских и европейских ценностей, знакомых с детства фигур: купец, монах, капитан корабля, паломник и прочие. Бодрствуя в стенах караван-сарая, он чувствовал, что пребывает в мире, коему нет никакого дела до судьбы и сновидений Востока.

Но это приятное возбуждение длилось недолго. Вскоре он почувствовал, что все постояльцы караван-сарая всячески стараются его избегать – то ли из-за его болезни, то ли потому, что видели, как он уходил вместе с Вейном, оставалось только догадываться. Правда, когда он шел мимо венецианского консула, тот окликнул его: «Где вы были ночью? Надеюсь, не к шлюхам ходили?» Но в приподнятом настроении консула было нечто наигранное. Повсюду царила невообразимая суматоха. Всеобщие праздники в честь обрезания султанова внука закончились, и должны были вновь открыться правительственные учреждения.

У входа в караван-сарай формировалась группа паломников, направлявшихся к давадару за визами, необходимыми для того, чтобы продолжить путь в монастырь Святой Катарины. Бэльян, в полном сознании и в компании братьев-христиан чувствовавший себя более уверенно в отношении подобного визита, пристроился к группе. Так он вновь отправился в Цитадель. Группа, как он обнаружил, состояла не только из паломников, в нее входили и венецианцы, которым консул доверил подать протест по поводу

ареста Джанкристофоро и просьбу о его освобождении.

И вот двадцать или тридцать приезжих с Запада по запруженным народом улицам направились к Цитадели. Небо очистилось от туч и стоял ясный день. На густо-голубом фоне неба четко вырисовывались фигурные контуры зданий Каира. Там, где на улицы проникал солнечный свет, он слепил глаза. Когда они при свете дня приблизились к Цитадели, Бэльян обнаружил, что она мало походит на то исчадие ада, каковым казалась крепость прошлой ночи. Он опустил глаза и прислушался к почти профессиональной болтовне шедших рядом паломников: качество постоялых дворов в Компостелле, состояние рынка церковных реликвий, повышение генуэзских паломнических тарифов и так далее.

– Монастырь Святой Катарины отсюда всего в шести днях пути.

– Там, в пустыне, можно обрести покой.

Бэльян, почти единственный из паломников, был одет по последней моде, в бургундском стиле. В большинстве своем, с их широкополыми черными шляпами, косматыми бородами и светло-серыми плащами, на которых был грубо нашит паломнический красный крест, они являли собою однородную темную массу, когда волочили ноги вверх по склону холма. С головы до пят они были в пыли и вдобавок смердели. Умолкнув, они, ведомые вперед и вверх внутренним священным огнем, сверкали глазами, вероятно, размышляя о тайне четок или действенности реликвий. Бэльяну захотелось и вправду сделаться одним из них.

На вершине холма, у первых ворот, пришлось долго дожидаться, пока совещались начальники караула. Паломники присели на корточки. В тот день это было первое из многочисленных длительных ожиданий. В глаза Бэльяну непрерывно струился пот, вызывая своею солью сильное жжение. При быстром передвижении в такую жару вполне можно было упасть в обморок. К немалому своему удивлению Бэльян обнаружил, что с ним наконец-то намерен поговорить Эммануил, коего он считал одним из самых опытных и стойких паломников. Эммануил уже бывал в Египте, бывал, как он сказал, таинственно посмеиваясь, в верховьях Нила, где разыскивал его истоки.

– Впрочем, вашему другу наверняка об этом известно.

– Моему другу?

Эммануил не дал прямого ответа, а лишь плотно сжал губы и, положив руку Бэльяну на плечо, обратил его внимание на панораму Каира, открывавшуюся от ворот Цитадели. От ипподрома, конюшен мамлюков, саков, дворцов знати и мечетей

взгляд переходил на другой берег Нила и останавливался на пирамидах Гизы, совсем не казавшихся массивными в мерцающей дымке. Эммануил показал на них.

– Большинство местных жителей считает, что это зернохранилище Иосифа, что он приказал рабам построить их для хранения зерна семи урожайных лет.– Он крепко сжал плечо Бэльяна.– Но при их безбожии и вульгарной суетности подобное мнение весьма для них характерно. Я бывал в Гизе и однажды провел там ночь: спал на вершине одной из пирамид, лишь закутав шею, дабы уберечься от ножа убийцы.

Он откашлялся, брызнув слюной.

– Эти сооружения никогда не были зернохранилищами, да и не творения это рук человеческих. Ничем, кроме волшебства, нельзя было воздвигнуть их на земле, да и те, кто суетен в мыслях своих, не ждут злаков обильного урожая.

Наконец он сплюнул, и совсем рядом с ногой Бэльяна упал искрящийся плевок. Рука Бэльяна машинально потянулась к левому бедру, где, находись он в христианской стране, висел бы его меч. Эта реакция не ускользнула от внимания Эммануила, и, когда они входили через внешние ворота в первый внутренний двор, он заговорил более примирительным тоном:

– Я только хотел, чтобы вы знали, как мы, истинные, верующие христиане, относимся к вашему другу Вейну. Так вот, по моему мнению – нет, это больше, нежели мнение: я это знаю, – внутри этих каменных громад лежат тысячи мертвецов, дожидающихся Судного дня и Воскрешения. Им неведомы ни гниение, ни могильные черви, они лежат, нетронутые, в ожидании, когда прозвучит трубный глас и разверзнутся небеса. Некогда в этой стране бальзамировали умерших, а ныне арабы торгуют в Гизе их телами. Сотни лет назад эти трупы были пропитаны бальзамирующим составом, который здесь называют мумие. Вейн – один из тех, кто платит за подобные мерзости немалые деньги. Такие торговые сделки, как и большинство предприятий этого человека, подвергают опасности его бессмертную душу, и я дружески советую вам с ним не связываться.

Бэльян ответил, что это совет, последовать коему есть его заветное желание, и разговор постепенно перешел на более приятные темы. Словарный запас Эммануила и присущая ему манера говорить все еще напоминали о его мореходном прошлом, да и впечатления его о том времени были не менее разнообразными и яркими, чем словарный запас. Пока они стояли или сидели на корточках – сначала в одном большом белом внутреннем дворе, потом в другом, – он рассуждал о египетских

вельможах, побывавших у Папы Римского Пия, о храме Феникса в Гелиополисе, о гробнице Пророка в Медине – гробнице, которая, дабы поражать легковерных, подвешена в воздухе с помощью огромных естественных магнитов.

Пока Эммануил увлеченно рассказывал о неведомых морях, летающих лошадях и городах на краю света, незаметно летело время. Во втором дворе им разрешили заглянуть в Колодец Иосифа. Там и сям стояли маленькие будки, белые от голубиного помета; назначение будок было загадочным, но Эммануил сказал, что это, вероятно, наблюдательные пункты. Затем он выразил мнение о том, что можно, а чего нельзя с уверенностью сказать о пресвитере Иоанне и о содействии, которое сей великий монарх мог бы оказать новому крестовому походу, после чего перешел к рассказу о том, как совершал путешествие к верховьям Нила в поисках его истоков.

Эммануил продолжал свое путешествие через глубокие расселины и узкие ущелья, по ту сторону последнего водопада, пока не добрался до бесплодной земли, где река плавно течет меж крутых берегов и почти отсутствуют места для водопоя. По этой причине, сказал Эммануил, в таких редких местах собирается на водопой множество животных и происходят совокупления и скрещивание разных видов. Чем ближе он подбирался к верховью, тем безобразнее делались эти твари.

Наконец Эммануил приблизился к Счастливой Долине, где расположены замки Веселых Дервишей.

– И там, на пороге Счастливой Долины, я познал нечто еще более ужасное – столь безобразные замыслы вынашивались в их помутненных рассудках. Это сообщество людей, предающихся грубому надувательству. Принимая новых членов, они загадывают загадки и постоянно выдумывают каламбуры. У них есть шейх, чья личность держится в такой тайне, что даже ему неведомо, кто он такой.

Бэльян хохотнул, и Эммануил улыбнулся.

– Ну да, нам смешно, однако существует такое понятие, как опасная бессмыслица. В восточных странах жара и праздная жизнь порождают у обывателей досужие и смертоносные фантазии. Однако не об этих ужасах я намеревался вам рассказать. В их тайной книге «Галеон» я прочел…

Но на этом беседу пришлось прервать, ибо их уже начали небольшими группами пропускать в наиболее удаленные от середины дворца коридоры, где наконец-то повеяло прохладой. Внутри их тщательно обыскали на предмет припрятанного оружия.

К ним приставили драгомана, и они начали долгий подъем

через покатые сводчатые галереи в зал аудиенций. Обычно там устраивал приемы султан Кайтбей, но в тот день принимать иноземных гостей, а при необходимости и подвергать их проверке, должен был давадар. По коридорам, выкрикивая приказания, носились взад-вперед шавуши в элегантных мундирах и с жезлами в руках. Каждый раз, как в зал одна за другой входили небольшие группы, стражники со звоном скрещивали пики. Наконец раздвинулись тяжелые драпировки, и группа Эммануила и Бэльяна вошла в зал. Это была огромная мраморная пещера, испещренная черными и желтыми полосами, увешанная длинными сетчатыми гирляндами, которые ниспадали из центра свода, точно паутина обезумевшего паука. Там и сям на полу вертелись медные гироскопические курильницы с благовониями. Трон в центре зала пустовал, он был зарезервирован для султана на дни аудиенций. На сей раз, немного в стороне, в кресле из рога и слоновой кости сидел казавшийся крошечным в огромном зале для аудиенций давадар. Разумеется, когда паломники вошли, он не поднялся, чтобы их поприветствовать. Рядом с ним стоял его оруженосец, который демонстрировал эмблему на гербе давадара, а сзади сидел оркестр, исполнявший на лютнях, ребеках и альтах музыку, режущую слух. Драгоман принялся бешено жестикулировать, и паломники пали ниц. Продвинувшись на несколько шагов вперед, они вновь пали ниц. И вновь. Пол был очень холодный и пропах неприятным благовонием, вероятно пачулями. В третий раз оторвав голову от пола, Бэльян холодно воззрился на давадара.

Давадар был молод и не очень старателен. Он утопал в своем кресле, небрежно свесив с подлокотника руки с длинными ногтями. На нем были белый камзол, белые брюки и желтый кушак. Голова его была выбрита на обычный мамлюкский манер, но веки были подведены розовато-лиловой краской. Никаких дел он не вел. Этим, в сущности, занимались его переводчик и расположившаяся в углу зала комиссия писцов. Давадар только наблюдал, явно без особого интереса. Один за другим, шаркая ногами, пилигримы направлялись к комиссии получать визы, но когда настал черед Бэльяна, давадар подал знак рукой и что-то прошептал переводчику.

Переводчик вышел вперед и сказал Бэльяну:

– Мой господин говорит, что для вас, к сожалению, визы сегодня нет. Он просит вас прийти послезавтра.

Бэльян знал, что возражать и задавать вопросы бесполезно. Давадар уже открыто его разглядывал, с трудом сдерживая улыбку. Бэльян поклонился и пошел прочь из зала, проталкиваясь мимо венецианской делегации, все еще дожидавшейся

возможности поднять вопрос об аресте Джанкристофоро, и ощущая при этом на себе взгляд давадара. Другие просители продвинулись немного вперед.

– Я должен молить святую Катарину, чтобы она избавила меня от тенет таинственности и волокиты, – сказал он вслух самому себе.

Праздная жизнь в Каире с целью сбора разведывательных данных больше не казалась ему заманчивой.

Несколько часов он брел по городу куда глаза глядят, пока не начал обращать внимание на окружающую местность и не осознал, что понятия не имеет, где находится. Тогда он попытался пойти по прямой дороге в надежде, что она приведет его к Нилу или одной из городских стен, но лишь заплутал по разветвлявшимся и ведущим в обратную сторону дорожкам. Он постоянно чувствовал необходимость присесть и отдохнуть. В городе было жарко, как в печи, да и сон в прошедшие ночи не освежил его. Он попробовал спросить дорогу у нескольких ватаг маленьких ребятишек, но ответом ему были лишь жесты непонимания.

Вскоре стемнело. Ему вспомнились слова Эммануила: «Все улицы в Каире очень похожи, особенно ночью, но заплутавший путник может ориентироваться по звездам. Берегитесь, однако, ибо звезды нередко держат свой курс для того, чтобы неосторожные сбивались с пути».

В таком случае не стоило даже пытаться, поскольку Бэльян был убежден, что окажется одним из тех рожденных под несчастливой звездой странников, чей жалкий жребий был предрешен Эммануилом.

То и дело он обнаруживал, что пересекает Площадь ворот Зувейла с ее оживленным скоплением развлекателей и развлекаемых, однако ни танцующие медведи, ни сказители, ни укрощенные невольники в клетках, ни театр теней, ни вечерняя музыка Бэльяна не прельщали. Он хотел спать.

Выйдя на площадь в последний раз, Бэльян заметил узкий проулок, по которому еще не ходил, и углубился в него, спасаясь от огней и толпы. Темнота его вполне устраивала. Весь день было жарко и сухо, но здесь стены сочились влагой. Он медленно двигался вперед, ощупью пробираясь вдоль стен, думая о каждом следующем шаге. Стена кончилась, и он ощупью повернул за угол. Сделал он это очень осторожно. Его одолевало смутное опасение, что рука может наткнуться на нечто приятное, нечто мягкое, живое – и неведомое. Во тьме расстояния и препятствия кажутся непомерно большими, он это знал. Он шел, как будто

нащупывал языком фурункул во рту.

Крики уже сделались обнадеживающе слабыми. Все еще касаясь стены, он опустился на землю и свернулся калачиком в темноте, намереваясь переночевать в этих трущобах. Ему не давали уснуть мысли о насекомых, собаках и, прежде всего, о разбойниках. Он лежал под стеной, дрожа и уставившись невидящим взором наверх. Денег у него с собой не было. У него не было ничего, кроме тела и одежды, в которой он улегся спать. «Им нечего взять у меня, разве что жизнь», – подумал он, выгнув шею навстречу воображаемому кинжалу скрывающегося во тьме грабителя. Никакой кинжал его горла не коснулся.

– Никто не хочет умирать, но спать хочется всем, – произнес он в полудреме.

Успокоиться и уснуть оказалось не так-то просто. Он подергивался и ворочался с боку на бок. Лицо его обдувал легкий ветерок – а может, это шушукались по-арабски? Он открыл глаза.

Светила луна, и происходило нечто необычайное. Чтобы увидеть все своими глазами, он вернулся на Площадь ворот Зувейла. Между Цитаделью и самым высоким минаретом был натянут канат. Высоко над Каиром, легкими, неслышными шагами ступая по канату и устремив взгляд на башни Цитадели, шел человек. Толпа охала и ахала.

Впереди Бэльяна стояли два низкорослых человека, и он услышал, как один говорит другому:

– Не жалеешь, что ты – не он?

– Не говори глупостей, – сказал другой.– Он и сам не знает, что он – это он. Смотри, он же спит!

Бэльян посмотрел, и это была истинная правда. Канатоходец шел с закрытыми глазами, он был сомнамбулой. Стоит ему проснуться, и он упадет, подумал Бэльян. Потом он увидел, как сквозь толпу к нему проталкиваются две знакомые фигуры – одна в сером бурнусе, другая в пальто из крысиных шкурок и широкополой фетровой шляпе.

Под воздействием страха он решил выбраться из сновидения. Его беспокоила туманная мысль о том, что он все-таки задремал. Представление уже началось. Оказалось, что он все еще находится на Площади ворот Зувейла, в шатре театра теней. Перед ним была освещенная пламенем свечей ширма, а за ней приплясывали на палочках призрачные ажурные силуэты. Пьеса, как водится, была про одноглазого плутишку Карагоза. Карагоз нанялся слугой в дом эмира Фулаана и, непрерывно ворча, трудился под надзором дворецкого эмира, Сайда Али Анны.

Карагоз, помимо того, что имел всего один глаз, был наделен крючковатым носом, большим животом и чудовищным фаллосом.

Он стремился покончить с работой и уйти из дома, дабы истратить заработанные тяжким трудом деньги, но бдительный Али Анна не давал ему спуску. Мимо эмирского дома шли дама и врач, доктор Сайд, остановившиеся посмотреть, как трудится Карагоз.

– Он много работает, – сказала дама.

– Работай он меньше, ему бы не удавалось так уставать, чтобы спокойно уснуть, – сказал доктор, – а спать он любит больше всего на свете. Ведь на самом-то деле этот типчик весьма ленив, но он просит меня рекомендовать его вашему вниманию и передать, что надеется на скромное место в ряду ваших привязанностей.

– А я и не замечала, что он занимается подобными вещами.

– Быть может, это потому, что вы не знаете Языка Цветов? Видите желтые левкои и ивовые ветви, букет из которых он составляет в вазе? Ветка ивы означает прекрасную даму. Левкой означает несчастного влюбленного.

– Ну вот, он уже закончил составлять букет.

– Да, но теперь он поднимается на второй этаж. Это Язык Символического Действия. Оно означает, что ему хочется секса. А теперь смотрите! Он берет в руки метлу. Это символ стоячего пениса.

– А что означает его чудовищный стоячий пенис?

– Он символизирует метлу и означает, что ему хочется подмести пол.

Силуэты принялись приплясывать, а дети смущенно прыснули со смеху.

Бэльян был не в состоянии получить удовольствие от этого зрелища. Могли они его там найти? Почему бы и нет? Ведь, похоже, все это – сон? Он с трудом проснулся и оказался в постели. Лежал он с закрытыми глазами, вслушиваясь в громкий шорох. Он не знал, давно ли уже смутно осознает эти звуки. В какой-то момент шорох сменился частым, прерывистым стуком, сопровождаемым пронзительным писком. Не решаясь слезть с тюфяка, он открыл глаза и нехотя скосил их вбок.

В соседней постели, дрожа мелкой дрожью, лежал человек. Казалось, что он наполовину погрузился в тюфяк. Завидев, что Бэльян проснулся, он тотчас же принялся кричать тонким голоском: «Помогите мне встать, помогите мне встать!» – и протянул Бэльяну руку. Бэльян, уже встав на колени и вглядываясь в полутьму, с некоторой неохотой взялся за нее и дернул. Одно резкое движение, и он увидел, что это такое. Отпустив протянутую руку, он вновь повалился на свое ложе.

Существо, правда, уже встало и на одной ноге скакало по комнате, продолжая попискивать. Не скакать оно не могло. У него были одна нога, одна рука, один глаз, полголовы и полтуловища. Бешеными скачками оно кружило и кружило вокруг тюфяка, постоянно поворачиваясь к Бэльяну в профиль – сверкающим глазом, оскаленными зубами и рукой, которую оно то и дело в не поддающемся истолкованию жесте подносило ко лбу и вновь опускало. Его блестящий глаз и мертвенно-бледная кожа наводили на мысль о лихорадочном нервном возбуждении. Вскоре оно покинуло комнату – по чьему-то зову, предположил Бэльян.

Он стряхнул с себя наваждение и обнаружил, что сидит в беседке и рассказывает Зулейке свой сон. Зулейка сидела на полу, поджав ноги и скрестив руки на груди. Она без труда назвала имя призрака и поведала его историю.

– Это был Шикк аль-Инсаан, близкий друг и собрат Саатиха ибн-Рабии, с которым ты тоже встречался. Когда они были детьми, их матери плевали им в рот, чтобы наделить их способностью видеть вещие сны, но теперь они состарились и запятнали себя неблаговидным поведением. Саатих постоянно размышлял и задавал людям вопросы, на которые не следует отвечать, вопросы, ответы на которые убивают. Движимый своим пытливым умом, он отверг все телесные инстинкты, после чего тело начало отвергать его и разлагаться. Вот он и посиживает, как ты видел, на своем ложе из листьев и пальмовых ветвей, погрузившись в раздумья. Гниение уже начинает поражать подбородок, и скоро вся его жизнь сосредоточится в черепной коробке.

Таков же и Шикк. Саатих и Шикк принадлежат к одному из бесчисленных видов сомнительного происхождения. Каждого мужчину Бог наделил женской душой, а каждую женщину – мужской, но Шикк отверг свою душу, за что и проклят. По утверждению аль-Идриси, он родом с берегов Китайского моря, или, ходят такие слухи, из лесов Йемена. Последнее мнение вернее, ибо на нашем языке слово «Йемен» означает правую руку. Когда паломники и торговцы пряностями, плывущие из Ост-Индии, попадают в Арабское море, Йемен оказывается справа от них, а Африка – слева. В Африке и живет его вторая половина. Африканцы зовут ее Барин Мутум, и половина эта – левая. В Африке все отличается от того, что ты видишь в странах ислама. В Африке волосы, растущие на макушке мужчины, закручиваются влево, а в странах ислама – вправо.

Тебе повезло. Шикк безжалостен и скор на расправу, ибо у

него нет сердца, а с помощью своего полумозга он мыслит и разговаривает, но никогда не знает, о чем думает, что говорит или делает. Барин Мутум столь же своенравен и жесток, как и он. Им не бывает скучно, зато у них нет совести. Шикк несчастен. У него слишком маленький пенис, и, хотя есть он может правой рукой, задницу в арабских странах можно подтирать только левой. Так предписано правилами этикета, поэтому Шикк непрестанно ищет мужчин, дабы поработить их в их сновидениях и заставить выполнить за него эту работу.

За последнюю сотню лет Шикк и Саатих стали намного могущественнее. Всего двадцать лет назад в Каире еще жили многие члены Тайного Общества Учителей Сна, помимо Кошачьего Отца. Здесь жил Рабанус, иллюзионист, который показывал фокусы, дабы продемонстрировать свойства души человеческой. Жил человек по прозвищу Старец, придумавший систему обозначения снов, которой мы пользуемся до сих пор. Талеб Хайтам, который каждую ночь декламировал во сне весь Коран, даруя посредством этого благословение творениям Алям аль-Миталя. Судами, магистр углубленного созерцания. Рассыльные Сна. Школа толкователей культа небесных светил и многие другие.

Даже десять лет назад кое-кто из этих людей был еще жив, но Шикк и Саатих не давали им покоя, довели их до бессилия и в конце концов убили. Некоторые погибли совсем молодыми. Лишь Кошачий Отец сделался их господином и превратил в гончих псов, с коими охотится по ночам. Одного за другим он уничтожил всех своих собратьев. Он последний из Тайного Общества.

– А как выглядит Шикк, – спросил Бэльян, – с того боку, где нет ни руки, ни глаза?

– Ту половину тебе никогда не увидеть. Она в Африке.

– Зулейка…– начал он.

– Да? Продолжай. Неспособность задать вопрос всегда губительна.

Но лицо его обдувал знакомый ветерок, и он уже знал ответ на вопрос, который собирался задать. Он проснулся в трущобах, кровь начала приливать к голове и изверглась наружу.

Глава 5
Панорама города

Все мечети похожи. В каждом квартале города – одни и те же трущобы. Жители указывать дорогу не желают или не в состоянии. Заблудиться проще простого, а человек, заплутавший в незнакомом городе, зачастую ненароком возвращается туда, откуда пришел, но, вернувшись, не узнает своего отправного пункта и поэтому, вновь направляясь по собственным следам, пускается в путь с того же места. Я не могу предоставить ни карты, ни плана. Таковых у меня никогда и не было. Быть может, стоит окинуть город беглым взглядом. С большого расстояния многое видится отчетливее…

Опасаясь, как бы не заблудиться вновь – в тот день, да и в многочисленные последующие, – Бэльян вознамерился досконально изучить географические особенности Каира – задача не из простых, ибо почти все дороги походили друг на друга и петляли, кружили меж зданиями без видимых цели и направления, однако он ориентировался по контурам города и очертаниям зданий на фоне неба.

Во-первых, была Цитадель, прилепившаяся на своем известняковом утесе в южной части города и видневшаяся почти отовсюду, – ветхое нагромождение фортификационных сооружений и увеселительных заведений, которые накрепко срослись за прошедшие три столетия.

Перед горой Цитадели нередко были видны странные и весьма замысловатые минареты, принадлежавшие мечети султана Хасана. Еще южнее виднелись возвышавшиеся и над мечетью, и над Цитаделью меловые скалы горы Мукаттам.

На севере и на востоке были своды и купола Города Мертвых, некрополя, мавзолеев и кладбищ. Некоторые склепы наиболее знатных мамлюков представляли собой дворцы из мрамора и фарфоровой глины. Днем – место увеселительных прогулок, по ночам этот район делался излюбленным пристанищем головорезов и нищих. Население Города Мертвых увеличивалось за счет еженощных насильственных и голодных смертей. За Городом Мертвых почти на такую же высоту, как гора Мукаттам, взметнулась гряда белых холмов, тянувшихся с севера на юг вдоль восточной оконечности города. Эти холмы были искусственными образованиями из вековых отбросов и строительного мусора. Когда дул восточный ветер, по холодным,

безлюдным улицам Города Мертвых расползался запах гнили и по всему Каиру носилась тонкая белая пыль, от которой спирало дыхание и слезились глаза. Это могло длиться неделями, особенно в конце лета; венецианцы называли это явление трамонтаной. Порой, чаще – ночью, одна из этих мусорных куч самовозгоралась, извергая в воздух живописные снопы пламени и струи отбросов.

На севере город исчезал за стеной в зарослях низкорослых пальм. Именно там торговали домашним скотом и выгуливали верблюдов.

Северо-запад, район между Нилом и старым городом, пока еще не был обнесен стеной. Речные суда становились на причал в Булаке, а оттуда их груз доставлялся собственно в город на вьючных животных. Эмиры и знатные каримские купцы жили на западе. Немного южнее находился Эзбекийя, новейший из окраинных районов, поднявшихся на болотах, которые образовались в результате того, что русло Нила сместилось к западу. Там стоял дворец эмира Эзбека (уже несколько обветшавший) с его конюшнями и большим, окруженным увеселительными шатрами, искусственным озером, по которому катались на лодках проститутки. Еще южнее находились Слоновье озеро и остров Рода. Наконец, акведук Саладина и возвышенность Зейнхом – еще одна мусорная свалка, увенчанная ветряными мельницами, – приближенно обозначали собою юго-западную границу населенного города, но почти со всех сторон окраины отступали перед чумой и кочевниками с их стадами.

В тот год иноземным гостям не разрешалось переправляться на западный берег Нила и осматривать пирамиды. По утверждению властей, слишком большую опасность представляли собой бедуины. Даже на восточном берегу бедуины порой совершали набеги на Город Мертвых. Что же до самого Нила, то, даже если он был скрыт из виду, за его течением ниже Роды можно было проследить по ястребам и коршунам, которые то парили над рекой, то камнем устремлялись вниз, ибо воды Нила несли на север, к морю, остатки мертвечины из каирских боен.

Границы старой части города очерчивались рекой и горами отбросов, замком, акведуком и заброшенными трущобами. Базары по большей части располагались в густонаселенных кварталах северо-востока, угнездившись и паразитируя средь бутовой кладки старых фатимидских дворцов, а в глубине торговых улиц находились маленькие внутренние дворики и большие жилые дома, где теснились общины, связанные между собой религиозными и клановыми узами. Это и был старый Каир, населенный столь плотно, что человеку и его мулам зачастую

приходилось целый день протискиваться из конца в конец. Главная улица, Касаба, шла через его центр от самых ворот Победы и меж разрушенных дворцов вела через ворота Зувейла на юг, к Цитадели. Еврейский, коптский и армянский кварталы располагались в стенах старого города. Вне этих стен беспорядочно тянулись вдоль Касабы кварталы чернокожих и татар.

Бэльян неожиданно для себя стал много времени проводить близ ворот Зувейла, где собирались танцоры и лицедеи. Привозили туда и преступников, дабы казнить их с помощью гарроты или обезглавить; тела их потом сажали за воротами на длинные колья, которые под их тяжестью угрожающе гнулись.

Пойдя от ворот Зувейла по Касабе на юг, мимо Татарских Развалин, путник попадал в зону казарм и отборных воинских частей: рынки оружия, лошадиные рынки, конюшни, учебные плацы и, наконец, – Черный Ипподром, где мамлюкские воины ежедневно упражнялись в ритуальных учебных боях. Город напоминал помрачившийся рассудок, отражение увядших желаний и смутных воспоминаний о вымерших династиях.

Обыкновенно Бэльян ложился спать в узком проходе между домами, неподалеку от ворот Зувейла. Однажды ночью пришел Йолл и сел подле него на корточки. Мартышка цеплялась ему за спину, крепко обхватив передними лапами шею.

– Да это же англичанин! Что с вами стряслось? У вас ужасно больной вид.– Йолл тоже выглядел больным, усталым и возбужденным, но Бэльян умолчал об этом, опасаясь показаться невежливым.

– Эти сны… Йолл, может быть, у меня Арабский Кошмар? Что такое Арабский Кошмар?

Йолл вздрогнул и, прежде чем начать, уселся на землю, рядом усадив свою ношу.

– Арабский Кошмар – это болезнь. Говорят, она передается во сне, от одного спящего – другому, лежащему рядом. Ее выдыхают изо рта, как дым. Ходят слухи, что человек, который заболел первым, приехал в Каир, даже не подозревая, какую беду несет с собой.

А предание гласит вот что. Несколько лет назад жила в Дамаске семейная пара, у которой не было детей. Дело в том, что муж был импотентом и, похоже, совсем не испытывал влечения к жене. Не могу сказать, колдовство ли было тому причиной или Божья кара, только жене взбрело в голову, что их проблему можно решить с помощью магии, и тогда, порасспросив многих городских знахарей, прознала она о могущественном волшебнике и отправилась к нему за помощью.

А волшебник тот жил в замке, на согретом солнцем холме близ Мекки. Путь из Дамаска был опасен и долог, но когда она приехала, волшебник принял ее благожелательно и показал все чудеса своего замка, кроме одного. Он показал ей обезьянку, которую держал на серебряной цепочке и которую научил играть в шахматы.– При этом Йолл вздрогнул второй раз.– Показал ложе из атласа, которое плавало в бассейне со ртутью, показал орлов, которых разводил в башнях замка и с которыми ходил на охоту.

Кроме того, он согласился продать ей волшебное афродизийское средство в виде облака дыма в бутыли. Однако сей возбуждающий субстрат был еще не готов, ему требовалось много недель возгонки, а волшебник должен был уехать по неотложным делам. Тогда, подумав, он нашел выход из положения, хотя при этом и вынужден был побороть некоторые дурные предчувствия. Женщине следовало оставаться в замке и в благодарность за гостеприимство волшебника кое-что для него сделать. Ей предстояло присматривать за последним и величайшим из всех чудес замка. Волшебник привел ее в комнату, которую прежде не показывал, и представил ей своего сына.

Мальчик и вправду был чудом красоты человеческой: длинные ресницы, пухлые щеки, брови полумесяцем и губы алой дугой. Мальчик продемонстрировал ей знание языка птиц, и она поверила словам волшебника о том, что его сын будет Пятым Мессией.

– Пятым Мессией?

– В наши дни эта ересь в Каире весьма распространена. Ее поборники полагают, что с тех пор, как Пророк Магомет предсказал пришествие Мессии и Конец Света, было уже четыре Мессии и четыре Конца Света, но огромное большинство непосвященного человечества слишком бестолково, чтобы обратить на это внимание, поэтому почти ничего не меняется. Но когда придет Пятый Мессия, он отомстит тем, кто оказался неспособным признать четырех Незримых Мессий. Это ужасная ересь. Они полагают, что он свергнет калифа и султана и посадит на их место новых. Он помирит мусульман с христианами и иудеями, помирит льва с агнцем. Его приверженцы утверждают к тому же, будто ныне он уже в Каире, под чужой личиной, и лишь дожидается подходящего момента, чтобы возвестить о себе.

Но вернемся к вашему первому вопросу. Волшебник досконально изучил древние пророчества о рождении Мессии и знамения, которые должны его рождению сопутствовать. Потом он купил молодую невольницу-абиссинку и, воспользовавшись своими познаниями в области астрологии, в предопределенное время заставил ее зачать от своего семени.

Итак, волшебник оставил своего чудесного, хранимого как сокровище сына вдвоем с женщиной и отправился в путь. Однако женщина, как нетрудно догадаться, страдала от многолетней сексуальной неудовлетворенности и страстно желала юношу, а тот, со своей стороны, отродясь не видел ни одной женщины, кроме собственной кормилицы (которая была в летах), и поэтому очень заинтересовался гостьей. Так они сошлись, и всего через несколько дней женщина его соблазнила. Много недель подряд блаженствовали они вдвоем, занимаясь любовью на ложе, которое плавало в бассейне со ртутью.

А в один прекрасный день они увидели со стен замка, что волшебник возвращается домой. Женщина взяла с мальчика клятву хранить молчание, но волшебник, едва войдя в замок, сразу увидел по лицу сына, что произошло и как Избранный был лишен целомудрия, и все же, будучи человеком коварным, он ничего не сказал. Вместо этого он продолжал оказывать женщине радушный прием, пока наконец не вручил ей коричневую бутыль, сообщив, что афродизийский газ для ее мужа готов. Безрассудная женщина рассыпалась в благодарностях, а потом, попрощавшись с волшебником и его сыном, поспешно вернулась в Дамаск, где ее с некоторым нетерпением дожидался муж. В ту ночь они впопыхах откупорили бутыль и несчастный муж, восторженно пофыркивая, принялся вдыхать цветные пары. Затем они обнаружили, что содержимое бутыли на потенции мужчины никак не сказалось. Но чего они так и не узнали – в силу самой природы недуга, – так это что сначала мужа, а вскорости и жену поразили нескончаемые муки Арабского Кошмара. Вот как была ниспослана роду человеческому сия страшная кара.

– Что за нелепая история!

– Да, подобные выдумки годятся только для базарной площади.

– А Арабский Кошмар – неужели от него нет никакого средства?

– Абсолютно, разве что опозоренный Мессия и вправду еще способен исцелять увечных да прокаженных и в силах снять проклятие своего отца.

Бэльян ненадолго задумался. Потом:

– Йолл, зачем у вас на спине сидит мартышка?

– Ах да, сидит, верно. Так вот, это тоже целая история…

Но Бэльяну не хотелось больше внимать историям Йолла, и он удалился в иные видения. Солнце с луной кружили над городом, день и ночь сменяли друг друга с головокружительной быстротой, а он погружался то в одно, то в другое. Какие-то женщины попросили его заглянуть в бездонный колодец; он

отказался. Сфинкс, коего арабы зовут Отцом Страха, преградил ему путь к законсервированным сокровищам пирамид. Его подвели к изображению дамы в маске – дама кормила грудью двоих младенцев. В книге, которая досталась ему от Джанкристофоро, он прочел о мозге «цвета ламповой сажи или нубийца». На ухо ему шептали арабские голоса. Он мельком увидел Вейна с Кошачьим Отцом и скрылся от них. И так далее, и так далее, пока перед самым рассветом вновь не встретил Зулейку. Зулейка фактически изнасиловала его, обучив между делом способу «абиссинских клещей» и Скорбному Поцелую.

Когда с этим было покончено, Бэльян рассказал ей о своей встрече с Йоллом и спросил:

– Если история о волшебнике из Мекки годится только для базарной площади, зачем он мне ее рассказал?

– Йолл любит рассказывать истории, но эту на базарной площади никто не слышал. Это аллегория, которой он метил в тебя.

– Зачем у Йолла на спине сидела мартышка?

– Никакая это не мартышка. Это особая обезьяна, совсем другое животное. У таких обезьян нет хвостов.

– Так зачем же она там сидела?

– Советую тебе отдохнуть от этих вопросов. Ты больше выболтаешь, задавая их, нежели почерпнешь из ответов. Обезьяна – гений Йолла. Только он этого не сознает. Ты правильно поступил, что отделался от этой парочки. Но если вдруг доведется снова повстречать Йолла, спроси его про мою китайскую коробочку. Он взял ее без разрешения.

– Зулейка, может быть, у меня Арабский Кошмар?

Прежде чем ответить, она нахмурилась и принялась грызть ногти.

– Наяву Арабский Кошмар забывается. Ты уже проснулся, но можешь вспомнить ночные сны. Это доказывает, что ты – не жертва Арабского Кошмара.

– Но я еще не проснулся. Пока.

Он проснулся в трущобах, весь окровавленный. Но сны свои он все еще помнил. Он уже начинал об этом жалеть. Он снова направился в Цитадель на прием к давадару, но оказалось, что давадар дает аудиенции в другой день.

Он устало побрел прочь – продолжать изучение города. Был Каир зданий и памятников, и был иной Каир, который о них понятия не имел. Второй город жил вечным движением босых, покрытых мозолями ног: повара, торговцы водой, дровосеки, письмоносцы, лудильщики, носильщики и молочницы

занимались своим ремеслом, бегая из квартала в квартал и обслуживая клиентов всюду, где тем было удобно.

Ночью же город преображался. Многие улицы и кварталы отгораживались прочными воротами от набегов бесчинствующих мамлюков. Прочие части города, особенно западные районы, берег Нила и Эзбекийя, до самого рассвета ярко освещались тысячами смоляных факелов.

На Байн-аль-Касрейн, единственной широкой, открытой площади в старом Каире, в прохладе сумерек обыкновенно прогуливались мужчины и даже некоторые женщины. Позднее, когда почтенная публика расходилась по домам, на улицах оставались только фонарщики, подгулявшие мамлюки, проститутки и спящие. Бэльян ночевал на улице отнюдь не в одиночестве. Едва ли не весь Каир, огромное большинство его бедняков, спало под открытым небом. Днем большие семейства цыганскими таборами располагались на углах улиц и в заброшенных развалинах; ночью эти люди становились жутковатыми сгорбленными фигурами в бесформенных кучах тряпья.

И днем, и ночью человеку приходилось продираться сквозь бурлящую массу пропитанного потом тряпья и лоснящейся плоти, причудливое скопление перезрелых тел. Однако, даже безостановочно идя по улицам Каира, город было невозможно узнать. Настоящий город находился, вероятно, где-то в другом месте, в мире частных интерьеров, этикета и семейных обязанностей, оберегаемых массивными, обитыми гвоздями двойными дверьми, привратниками, дежурившими на скамейках, и решетчатыми оградами мешрабийи – тысяч скрытых от посторонних глаз цветников и садов. Мольбы нищих, крики уличных торговцев, музыка военных оркестров – то были звуки, доступные всем. Лишь изредка, поздней ночью, да и то случайно, можно было услышать семейную перебранку или голос женщины, убаюкивающей ребенка.

Днем и ночью Бэльян изучал арабский – как язык улицы, так и более сухую, бледную речь своих призрачных ночных учителей. Впрочем, скорее не он овладевал языком, а язык – им. Он обнаружил, что думает на языке, в котором существительные незаметно переходят в глаголы, на языке, который, похоже, игнорирует настоящее время, на языке с особой глагольной формой для оттенков и физических недостатков, на языке ритмического синтаксиса и многочисленных пластов смысла, передаваемых с помощью внезапных пауз, гортанных звуков, необычных ударений и повторов.

Краткие звукосочетания порождали искаженное эхо и

туманные образы. Одна такая совокупность, которую ему пришлось изучить досконально, вращалась вокруг буквенной последовательности К, Р, Д. Слово «кирд» означало обезьяну, но означало также и Иблиса – дьявола. «Карада» значило быть источенным червями, сбивать масло и хранить молчание. «Карида» – нагонять тучи. «Каррада» – удалять у верблюда клещей, обманывать и призывать дьявола проклятиями. Наконец, «такаррада» значило туго закручивать и сплетать, а «макруд» – измученный.

Бэльян обнаружил, что арабский, на котором все говорят, не содержит в себе смысла, а лишь намекает на него, точно палец, указующий куда-то в другую сторону. Он научился воспринимать и истолковывать их речь, подмечая и оценивая жесты. Голос мог сказать «да», но отведенный в сторону взгляд говорил «нет». Протянутая ладонь с растопыренными пальцами означала согласие на компромисс. Оттопыренные указательный и безымянный пальцы оберегали от Дурного Глаза. Палец, почесывающий нос, соответствовал предостережению. Рука прижималась к сердцу в знак благодарности. В неумолчном гомоне разноязыкой речи Нового Вавилона – арабской, турецкой, монгольской, итальянской, армянской, берберской и прочих – был один бессловесный язык, подкреплявший собой все остальные. Им пользовались все, однако наиболее выразительно делали это Бульбуль и Йолл.

Бэльян вступил в международное братство нищих, собравшихся в Каире, более того – занял в нем едва ли не самое скромное место, ибо и среди бесприютного, неимущего отребья существовала своя элита – харафиш – шайки нищих и мелких преступников, организованные под покровительством того или иного богатого эмира. Именно харафишу поручалось устраивать демонстрации в защиту своего эмира, если того вызывали вдруг в Цитадель, собирать сведения и слухи и препятствовать деятельности харафишей других эмиров.

Взамен зарегистрированные сторонники ежедневно получали у дверей эмирского дома хлеб. Также ежедневно возле домов эмиров играли военные оркестры, так что по утрам район Цитадели оглашался зловещими громовыми раскатами барабанов и нестройными хоровыми песнопениями харафиша.

Летом все были грязные и сварливые. Если ветер дул в неудачном направлении, то со зловонных белых искусственных гор за стенами в город летели тучи пыли, а по широким оживленным улицам и плацам для военных парадов текли реки грязи. Происходили драки между соперничающими шайками харафиша. Порой нападению подвергался и чужестранец – копт

или иудей. Урожай выдался бедный, ходили слухи о продажности высшей знати, и в народе закипала ярость.

Бэльян старался держаться подальше от караван-сарая и своих собратьев по вере. Он боялся, что для них он заколдован или заражен чумой. Из опасения, что его выследят Кошачий Отец и Вейн, он никогда не оставался на одном месте подолгу. От сна он лишь чувствовал еще большую усталость и поэтому стал много спать днем. Сон овладевал им быстро: сначала зрение затуманивали колышащиеся черные волны, а потом он камнем погружался в абсолютно бессознательное состояние. Так же внезапно наступало и пробуждение. Вдруг он с отвращением обнаруживал, что лежит, растянувшись в лучах солнца и в крови. На голодный желудок, с тяжелой от сновидений головой, еще полусонный, брел он по городу. Зато ему больше не приходилось ориентироваться ни по минаретам, ни по пыльным холмам; дорогу ему подсказывали наклон земли под ногами или угол, под которым солнце светило на стену в определенное время дня.

Однажды он почувствовал, что нечто его преследует – за ним, непрерывно скуля, неслышно плелась ленивая белая собака, сука с набухшими сосками. Когда Бэльян в изнеможении садился в тени домов, собака вертелась вокруг, тяжело дыша и подвывая, и скалила зубы в некоем подобии лукавой улыбки. На улицах, в безлюдных развалинах и на запруженных народом базарных площадях Бэльян сознавал, что за ним тащится робкая белая тень, а ночами, когда Бэльян спал под открытым небом, собака ложилась поодаль, часто и тяжело дыша нагретым ночным воздухом.

Но постепенно в Бэльяне крепла уверенность в том, что собака – призрак, который виден только ему. Сосредоточенно обдумав этот вопрос, он начал понимать, что в белой суке отражается внутреннее растление его собственной души, умственно и духовно пассивной, ленивой и легко ублажаемой. Отмахнуться от этих свойств его души было так же невозможно, как отделаться от белой суки. Он лежал в тени Татарских Развалин, начиная бредить от усталости и потери крови. В лицо ему, сидя на солнце, как сфинкс, смотрела белая сука, и с морды ее сочилась в песок слюна. Внезапно она с трудом поднялась и, пошатываясь, неслышно направилась к нему. Вот и пробил мой последний час, подумал он. Он поднял руку, чтобы заслонить лицо, и неожиданно коснулся шерсти. Сука действительно существовала. Она лизнула его в лицо, обдав затхлым дыханием и запахом тухлого мяса, и поковыляла восвояси, навсегда скрывшись из виду.

И все же это знамение, подумал он. Он больше не был уверен

в себе. Иные голоса, уцелевшие в ночи, старались привлечь к себе внимание.

Всю ночь напролет человек, который страдает Арабским Кошмаром, беспокойно ерзает под одеялом. Он видит, что происходит. Он знает, что происходит, но ничего не может поделать, ибо он забывает. Ему снится, что пенис его разрезан пополам, как банан, что голову ему от уха до уха пронзает раскаленная докрасна кочерга и что его сухо рвет натощак. Ему снится собственный обморок; снится, что он теряет сознание и в бессознательном состоянии обнаруживает, что не в силах утолить боль мыслью. Восприятие обострено и многократно усугубляется. Ему снится, что он видит сны в своем измученном теле. Ему снится, что тело его мечется и корчится на узком ложе, а рассудок терзают страшные видения. Он подозревает – нет, он ужасающим образом абсолютно уверен, – что человек, который мечется в постели, видит во сне, как его пенис разрезают пополам, словно банан. Не будь боль такой нестерпимой, не будь все это во сне, он сумел бы что-то с этим поделать. Если бы он только мог разбудить человека в постели! Если бы человек в постели только мог разбудить его!

Потом эти двое как будто бы трясли друг друга, пытаясь разбудить, дрожа от боли в свете зари. Был разговор, который они поняли только наполовину. Страшнее всего было то, что они знали: это уже не Арабский Кошмар, но он неизбежно наступит вновь. Он рос в них самих, а может, парил в сумраке комнаты. Мой брат, мой двойник – он приносит Кошмар с собой, думали они друг о друге. Человеку, который мечется в постели, удается, хотя и не без труда, отвлечься от них и сосредоточиться на другом, ибо логическое пространство сужается.

Инструменты, которыми ему приходилось работать, были очень мелкие, почти невидимые, как сложные переплетения нитей, и, как нити, они легко рвались. Он сделал несколько шагов, логичных шагов, как казалось, в определенном направлении и обнаружил, что расстояние сокращается. Потом начало сжиматься кольцо клаустрофобии, и он начал опасаться, что все его действия в любом случае ведут в тупик. Становилось все труднее отличать мысленные образы от зримых. И те, и другие причиняли боль. И все же существовал, как он смутно припоминал, парадокс с двумя спящими, которые снятся друг другу. А может, на самом деле речь шла об одном спящем, которому снятся двое спящих, видящих друг друга во сне? Трудно было в этом удостовериться. Если подобная проблема существовала, то как же ему удалось ее избежать? Перед ним

мелькнул образ человека, ступившего на вертящийся круг и подхваченного вихрем его кружения. Скорее всего, это был он. Он был уверен, что это именно так.

Ему стало интересно, с какой стати он пришел к этому весьма сомнительному заключению, и он попытался мысленно вернуться назад. Потом он понял, что бредит и вовсе не желает вновь пережить все, что уже пережил этой ночью.

Затем он решил, что его страдание, будучи незримым, бескровным и логичным, делается только невыносимее, и стал пытаться лежа представить себе город, в котором находится. Каир. Каждая улица была тем, что необходимо пересечь, каждая дверь – тайной. Его кости раскалились от боли, как тлеющие угли. Где-то в этом городе он лежал и видел сны, вернее сказать, исключительно ясно мыслил – в городе, очень похожем на этот. Вдалеке, в углу базара, под мечетью султана Хасана он увидел двух низкорослых мужчин, торговавших сладостями, – а может, он просто заставил себя их увидеть?

«Я проверю их, – подумал он, – посмотрим, хорошо ли им удается корчить из себя реально существующих людей. Задам им вопрос, на который не знаю ответа». Он помедлил, задумавшись о том, сумеет ли понять истинный смысл подобного ответа, потом двинулся в сторону мужчин. Те увидели его и заулыбались.

– Как меня зовут?

Один обнажил в улыбке редкие зубы:

– Меня зовут Барфи, а его – Ладу.

– Да нет же, меня как зовут?

– Простите, я, кажется, не расслышал. Вы что, действительно просите меня назвать ваше имя?

– Да.

Барфи почесал в затылке:

– А вы знали наши имена до того, как мы вам представились?

– Нет, не думаю. Не уверен.– Знал ли он, прежде чем они заговорили? Если знал, тогда ему наверняка известно и то, что скажет Барфи дальше. Он испытал неприятное ощущение фатальной неотвратимости.

– Вы задали очень странный вопрос.

Казалось, Барфи неминуемо должен был это сказать, и все же знал ли он, что услышит именно эти слова? Да и что это может доказать? В конце концов он и сам не всегда знает, что скажет в следующую минуту – и наяву, и во сне. В чем он рассчитывал удостовериться? Быть может, ему поведают об этом Барфи или Ладу? Его начали одолевать смущение и скука. Из общих сетей боли выпуталась одна особая боль; ему страшно захотелось справить малую нужду, однако это расследование необходимо

было довести до конца.

На сей раз заговорил Ладу:

– Наверное, вы – Юнис, старьевщик.

Барфи странно посмотрел на Ладу:

– С Юнисом мы не знакомы. Будьте добры, скажите, вы – Юнис, вы просто нас проверяете?

Барфи и Ладу придвинулись ближе друг к другу. Они казались озадаченными и напуганными. Он же, со своей стороны, почувствовал, что судьба бросает ему некий неясный вызов. Начиналось то неведомое, через что предстояло пройти.

– Да.

Нет, то была не судьба, а некая неумолимая и неприятная логика, только на сей раз облеченная в форму явной угрозы. Он в отчаянии огляделся в поисках людей, животных или птиц.

– Если вы Юнис, то ведете вы себя очень странно.

Спектакль надо было доиграть до конца. Давление в мочевом пузыре было мучительным. Он не представлял себе, что сможет ответить и как Барфи с Ладу отреагируют на его ответ, и на миг ему показалось невозможным продолжать без какого-либо, хотя бы смутного, представления о том, чем может обернуться эта авантюра. Пределов возможностей и вероятностей, в которых он мог бы действовать, не существовало. И все же он каким-то образом ухитрился прохрипеть, подумав при этом, как странно звучит его голос в неподвижном рассветном воздухе:

– Может быть, я и Юнис. Я вышел на улицу, надеясь пообщаться с людьми.

Слова эти показались такими необычными, что он даже представить себе не мог, как можно было бы ответить на них наяву.

Разговор снова не клеился. На миг он задумался о том, посмеет ли помочиться у них на глазах. Он мог бы с самого начала избежать всего этого, порасспросив их о том, как идет торговля. Но, вероятно, он был слишком смущен. Быть может, они заметили, что он немного не в себе, и не придали этому вопросу особого значения, но, подняв глаза, он увидел, что ошибся. Они перешептывались.

– Ночами мне очень тяжело. Умоляю вас, поговорите со мной несколько оставшихся часов. Правда, буду очень признателен.

«Нет смысла ловить их на слове, – подумал он.– Я знаю, что они мне снятся. Следует попросту быть благодарным за то, что они составили мне компанию».

Ладу кивнул, и, хотя в их взглядах все еще сквозило недоверие, Барфи заговорил. Он повел рассказ об их торговых делах и о прибыли, которую можно извлечь, работая по ночам,

хотя этой ночью они как раз ничего и не продали. Да и небезопасно было работать ночами. Мамлюки норовили оказывать подобным коммерческим предприятиям покровительство за немалую долю доходов. К тому же происходили зверские убийства. Поговаривали, что по улицам снова бродит Фатима Смертоносная.

– Говорят, она разрезает мужские пенисы пополам, как бананы, – весело вставил Ладу.

Человек провел рукой по лбу.

– Прошу вас, помогите мне. По-моему, у меня Арабский Кошмар.

Потом он вспомнил о предстоящей встрече с Обезьяной и понял, что ночь только начинается.

Глава 6
Из давадарова сада - в Аркану

Одна из тайн моей истории – в том, кто же тот человек, который страдает Арабским Кошмаром? Из самой природы недуга следует, что это может быть кто угодно, даже вы. Нет-нет, я вовсе не хотел сказать, что у вас Арабский Кошмар. Мягко говоря, это была бы неслыханная дерзость, к тому же я непозволительно отвлекаюсь. Нет, я всего лишь имел в виду, что повесть, за которую я взялся, оказалась более запутанной, чем я ожидал. Бэльян, итальянский художник, таинственная проститутка, моряк по имени Эммануил, давадар, Кошачий Отец, Вейн, моя сестра Мария, мой добрый друг Булъбуль – так много персонажей, а ведь появятся и новые. Мы не повстречались еще с Фатимой Смертоносной, а лишь знаем о ней по слухам. Я уже начинаю беспокоиться, удастся ли мне удержать все это в голове и благополучно довести их сюжетные линии до конца. Наверное, лучше всего сейчас перевести дух и заодно познакомиться с некоторыми из персонажей поближе.

Давадар сидел в своем саду, откинувшись на груду подушек. По обе стороны от него стояли на коленях две его красивые круглолицые дочери.

В саду начинали сгущаться сумерки и вновь запели птицы. В траве зашуршал лебедь. Больной, полусонный, он близоруко уставился на них. Жара ничуть не шла на убыль, даже продолжала усиливаться. Мысли кипели в голове давадара. Он рассеянно кромсал пальцами пальмовый лист, оставляя от него лишь скелет. В такую жару трудно было даже пошевелиться, и все же он слышал, что город за стенами шумит, как всегда. Город так утомлял, что хотелось прогнать даже его мысленный образ. Девушки, как водится, болтали о мужчинах и сексе.

– Бинт Араз говорит, что в землях франков все совсем по-другому. Они никогда не бреют причинные места, и муж с женой всю ночь спят в одной постели, а когда они занимаются любовью, жена лежит на спине. Как по-твоему, может, и вправду лучше, если муж необрезанный?

Давадар был огорошен, но виду не подал.

В ответ сестра с презрением бросила:

– Спать с франком! Да лучше уж с обезьяной! У обезьяны по крайней мере стоит.

– А тебе-то откуда известно?

Давадар не сдержался:

– Вон! Вон отсюда! Домой! Пошли вон!

Он немного оттаял, и на ум ему пришли строки Хафиза Ширазского:

О зеленый попугай,
Что о тайнах без конца рассуждает,
Да будет вечно вдоволь воды в твоем клюве.

Он знал, что зеленый попугай служит символом опиума. Взяв с бронзового блюда еще одну пригоршню вещества, он с задумчивым видом ее проглотил. Он созерцал зады дочерей, которые вялой походкой удалялись в сторону дома. Опиум был горький, противный на вкус и оставлял сухой налет во рту. По мнению давадара, истинного удовольствия опиум не доставлял. Он просто-напросто облегчал боль пребывания в теле – боль от застоявшейся в жилах крови, от царапанья сухожилий о кости, от всякого вздора, что лезет в голову, – все составляющие повседневного уровня боли, которую можно заметить лишь тогда, когда ее смягчает опиум. Удовольствие для давадара означало отсутствие боли, а добро могло определяться только как отсутствие зла.

Он вслушался в возгласы и шепоты, доносившиеся из-за стены, голоса Каира, чьи опасные волны бушевали по краям сада со всех сторон – порой, правда, лишь в его воображении.

– Каир хуже Багдада, здесь полно проституток и пожирателей гашиша. Только рад буду отсюда уехать!

– Булка стоит два динара!

– В городе сплошь чужеземцы. Если вы верите, что они приехали сюда только торговать, значит, вы сумасшедший.

– Слушать сказителей – только время терять.

– Что это за люди отправляются на поиски зарытых сокровищ, кто они? По-моему, им попросту хочется сбежать от жен.

– Из Александрии едут Веселые Дервиши. Они утверждают, что Бог послал их высмеивать наших правителей.

– Он был молод, потому мы и не удивились, что его нашли возле Ваб-аль-Насра с перерезанным горлом.

– Я жду разрешения давадара. Вот уже два года, как я подал прошение.

– Терпение украшает.

– Знаете, что будет дальше?

Веки у давадара стали слипаться, а потом задрожали – он пытался бороться со сном. Существовали проблемы, которые, как он полагал, можно было без риска обдумать лишь в полном

сознании. К примеру, Кошачий Отец и его погоня за молодым англичанином, который так хлопочет, чтобы уехать из города. У давадара было смутное предчувствие, что рано или поздно вся эта история непременно кончится плохо. Англичанин – прирожденная жертва, Отец – господин, мучитель, манипулятор.

Большую часть дня давадар обычно дремал под воздействием опиума. Того, что он видел в жизни, едва хватало на то, чтобы питать его сны: сотня-другая лиц, вид с Цитадели, два-три происшествия, бережно хранимые в памяти и непрерывно возникающие вновь в сокровенных мыслях. Весь мир сотворен из единой субстанции; вполне достаточно тщательно исследовать любую ее частицу.

Давадар окинул сад прищуренным взглядом. Дочери все еще удалялись от него по тропинке, а кусочки опиума все еще прилипали к зубам. Сад был прекрасен, но ничто там для него не имело названия; это была сплошная масса цветов и колосьев, переливчато-лиловая в полумраке, источающая сильный смешанный аромат. Он мысленно приблизился к безымянным ветвям и, оглянувшись из глубокой тени деревьев, увидел себя, одинокую фигуру, в неуклюжей, уязвимой позе сидящую посреди сада с перезрелой дыней лица, глубоко рассеченной дурацкой опийной улыбкой. Наркотическое воображение ослабло, и, слегка пошатнувшись, он вновь оказался посреди сада. Он провел тонкими пальцами по затуманившимся глазам и бледной коже, увидев наяву сон о том, что могло бы произойти, обернись все совсем по-другому. Меж двадцатью годами сурового воинского аскетизма в казармах Цитадели и будущим, которое изобиловало любовными интрижками и политической метафизикой, наступило сонное затишье.

Он закрыл глаза и погрузился в дремотные раздумья. Город разваливается на части. Невозможно обеспечить поставки хлеба. Ночью небезопасно ходить по улицам. Предсказан конец султаната. В Каир съехались странные люди. Доктора из аль-Азхара говорят, что сейчас в Каире находится человек, страдающий Арабским Кошмаром, но откуда им это известно? Неминуем приезд Веселых Дервишей. Да еще этот англичанин…

Давадар был предан идее сиесты, то есть того, что считал освежающим сном, сном ради красоты – почти в профессиональном смысле. Он писал книгу о сохранении красоты и косметике для солдат, должностных лиц и других деятельных людей. Предварительно он назвал ее «Ключ к пригожести и путь к украшению для рабов султана и воителей веры». В ней он доказывал важность сиесты для расслабления мышц лица и разглаживания морщин. Какие бы страсти ни бушевали в душе,

лик всегда должен оставаться ясным. Кроме того, он утверждал, что приступ потливости, которым сопровождается наркотическое полузабытье, прочищает поры и избавляет от прыщей, делая кожу гладкой и чистой.

Книга отличалась широтой охвата проблем и глубиной их постижения. Как всаднику сохранить в походе свои естественные кожные жиры? В каком случае рекомендуется татуировка? Какой косметикой следует пользоваться, чтобы пленять женщин, а какой – чтобы пленять других мужчин? Применение смолы в качестве средства для удаления волос. Массаж. Фальшивые локоны. Гульфики. Краска для век, хна и лаки. Не забыл он и о психологических аспектах. Например, в борьбе за красивую внешность, как и в сражении с оружием в руках, крайне важно чувствовать себя молодым. Столь же важно иметь вид человека преуспевающего, казаться богатым, поскольку богатство возбуждает желание более сильное, нежели аромат духов… Пытливый мыслитель, он не склонен был недооценивать трудности работы с крупными турецкими чертами лица, нередко обезображенного боевыми шрамами и изборожденного морщинами заботы о государственных делах.

Проснулся он, как и всегда после сиесты, дрожа от холода, с чувством возвращения из бездонных глубин. И вновь на него навалилось бремя все тех же будничных забот. Город разваливался на части. Невозможно обеспечить поставки хлеба. Ночью небезопасно ходить по улицам. Предсказан конец султаната. Доктора из аль-Азхара говорят, что именно сейчас в Каире находится жертва Арабского Кошмара, но откуда им это известно? Неминуем приезд Веселых Дервишей. Да еще этот загадочный англичанин, и с тем итальянцем пора что-то делать…

Джанкристофоро проснулся и вновь обнаружил, что его разглядывает стоящая почти у него на ногах темная фигура, закутанная в саван и сгорбленная. Потом она исчезла. Это был единственный его посетитель. Еще до приезда в Каир он был с ним знаком и знал его имя; звали его Азраил, Ангел Смерти. Азраил приходил ко всем, но не все его видели. Он появлялся в критические моменты человеческой жизни. Чем ближе подходил он к ногам лежащего человека, тем ближе тот был к смерти. Когда он склонялся над головой, смерть уже была неминуема. Азраил извлекал душу из тела, начиная с пальцев ног; это причиняло страшную боль. Каждый раз Джанкристофоро просыпался, охваченный ужасным предчувствием. И каждый раз, открыв глаза в пустой комнате, он вздыхал с радостным облегчением. Но комната не всегда бывала пуста. Раз десять

стоял уже Азраил перед Джанкристофоро, с каждым разом все ближе. Ближе, ближе и ближе – Азраил был тенью его жизни, неумолимо делающейся короче.

«Миллионы ныне живущих никогда не умрут», – говорили ему в прошлом. Неприятное известие, ибо он уже знал, что одним из них ему не бывать. И все же осознание, что он там не один, что кто-то наблюдает за ним, пока он спит, приносило некоторое утешение. Цветные пятнышки, которые образовывали фигуру Ангела, скользнули по его зрачкам и мгновенно рассеялись, оставив лишь бледные отражения горящего в наружном помещении факела.

Он находился в Цитадели, в подземелье, известном как аль-Джубб; точнее, он узнал, что находится в той его части, которая по вполне понятной причине известна как Аркана – Сочащаяся Влагой. Он насквозь промок, хотя и страдал от жары. Зловонная жара ползала по его телу полчищами сладострастных муравьев. На стенах, очень близко, поблескивала вода. Он вяло провел руками по своему липкому телу, а потом пощупал давящие стены этого неестественного тесного чрева. Он был противен самому себе. Безвольно опустив руки, он погрузил их в обступавшую его со всех сторон воду. Ему смутно вспомнилось, как много лет назад, в подсолнечном мире, лежа с друзьями на склоне холма близ Павии, он поклялся себе, что, как бы ни сложилась в будущем его жизнь, неизъяснимое наслаждение, испытанное в тот миг, заранее с лихвой вознаграждает его за все. И вот теперь он понял, что Бог услышал его много лет назад на том холме близ Павии и принял вызов. Ныне он терпит такие страшные муки, что тело его, душа и вся жизнь всегда будут хранить глубокие следы перенесенной боли. Ничто ничем не компенсируется, подумал он. «Я», которое смеется, и «я», которое плачет, – это два разных «я»… В то утро, в кофейне, Бэльян, должно быть, решил, что он не в своем уме от жары. Его и самого удивлял тот порыв, поддавшись которому он подозвал к себе этого глуповатого, далекого от жизни молодого человека и завел с ним столь откровенный разговор. Возможно, он углядел в нем нечто общее для них обоих. Так или иначе, это, наверное, было ошибкой. В то время Джанкристофоро еще не сознавал, сколь пристально следят за ним учитель сна и его люди. После того разговора на Бэльяна могло пасть подозрение. К тому же они, вероятно, искали книгу; Джанкристофоро похитил ее из багажа Вейна.

Прочтя название книги на изысканном рифмованном арабском– «Сон Старого Паломника, разыскивающего Безоаровый Камень Мудрости, в коем на пастбищах невежества дается воля языку вдохновенного красноречия», – он поначалу не был уверен,

то ли нашел, что искал. Вступление, однако, его убедило.

Он сказал: «Старый Паломник пробудился от долгого сна и спросил:

– Скажи мне, в каком из животных отыщется Безоаровый Камень Мудрости?

Возникла фигура Доброго Советчика, и он сказал:

– Безоаровый Камень есть продукт секреции Руха.

– Хорошо, а что есть Рух?

– Рух есть птица с именем, но без тела».

Потом Добрый Советчик посоветовал Старому Паломнику ни о чем больше не спрашивать, но на этом допрос, безусловно, не кончился. На миг Джанкристофоро воскресил в памяти продолжение диалога и прилагаемый комментарий, но поспешно отправил воспоминание в ту область рассудка, которой запретил себе думать о своих намерениях в отношении Бога. Попытавшись подумать о чем-нибудь другом, он подумал об истинной цели своего приезда в Каир. И вновь попытался как можно скорее подумать о чем-то другом.

Несомненно, этот старый дурак консул то и дело заявляет протесты. Единственным результатом этих протестов будет то, что они в конце концов побудят власти вытащить его из темницы и подвергнуть пыткам, дабы установить, что он за важная птица. Джанкристофоро без особого удовольствия ожидал встречи с давадаром и его палачами, но кого он и вправду боялся, так это Отца и его подручных. Однако у его друзей в Каире имелись кое-какие возможности, и отнюдь не исключено было, что, прежде чем он предстанет перед инквизицией мамлюков, будет организован побег и он еще наглядится на синее небо до последнего свидания с Азраилом.

Глава 7
В доме Кошачьего отца

В начале я назвал свою историю романом, и в каком-то смысле так оно и есть, но, безусловно, это и правдивая история. Слушателям может показаться, что присутствие рассказчика в сновидениях спящего англичанина вносит в повествование элемент фантастичности. Однако вы тоже могли бы фигурировать в снах своих знакомых. Никогда не задумывались о том, в каком виде вы могли бы при этом перед ними предстать?..

Вейн вновь пересекал город, поддерживая под руку Кошачьего Отца. На периферии его поля зрения, с трудом рассекая тяжелыми, словно налитыми свинцом крыльями густой мерцающий воздух, кружили птицы. В этом густом мерцании застывала поднимаемая их ногами пыль. Издалека доносились крики уличных торговцев. Был конец дня, и предзакатные цвета казались приметами чужого солнца. Все было неслышным и замедленным, как в подводном городе. Они разыскивали Бэльяна.

– Рашид, похоже, видел его прошлой ночью во сне, но не сумел определить, где именно.

Они миновали район Эзбекийя и вышли на улицу Сидящих Портных. Завидев их, сидевший у ее ворот человек поднял в мольбе обрубки рук. Пройдя по улице немного дальше, они вошли в Сак Парфюмеров. В саке трое детей с жутко запущенным конъюнктивитом попытались заманить их в некий дом; объяснения этому они не нашли. Вмешался какой-то человек и прогнал детей. Выслушивая их благодарности, он повернулся, и они увидели, что половина его лица покрыта гниющими багровыми нарывами. Двинувшись в обратный путь к Цитадели, они миновали гревшуюся на солнце кошку. Один глаз ее вывалился из глазницы и висел.

– Замечали когда-нибудь, – спросил Кошачий Отец, – что бывают дни, когда на глаза попадается куда больше сумасшедших и калек, чем обычно?

Вейн не ответил. Этого трудно было не заметить.

– Это демонстрация могущества моего врага. В определенные дни он в качестве предостережения выводит их из предместий и подвалов на улицы, дабы показать нам, сколь велики пределы его царства. Сегодня в городе больше прокаженных и парализованных, чем здоровых. Недалек тот день, когда он подаст сигнал, и они восстанут, чтобы всех нас убить.

Вейн внутренне содрогнулся. Он вспомнил, что слышал разговоры о том, будто Гильдия Воров не всегда довольствуется деньгами. Обнаружив, что денег у жертвы маловато, они могли заодно отхватить руку или нос, приняв таким образом жертву в свое сообщество. Особенно уязвимы были христиане и иудеи, ибо на территориях, подвластных султану, им не разрешалось носить оружие.

Кошачий Отец всюду усматривал зашифрованные знаки грядущих беспорядков. Глубоко в Алям аль-Митале, в дальнем краю, где больше примет, нежели значений, больше причин, нежели событий, нараставшее давление перетекало из резервуара в резервуар, пока не начинало, как ныне, просачиваться в реальный мир, но Отец знал обо всем этом больше, чем готов был поведать Вейну.

Вейн представлял его себе сморщенной мыслящей жабой, сидящей в центре паутины бесстрастных отношений… жабой-пауком. Он уже двенадцать лет общался с Кошачьим Отцом, однако характер и намерения последнего так и оставались глубокой тайной.

Отец никогда не говорил ни о своем прошлом, ни о том, как сам обучался толкованию снов и родственным наукам. Предметом его гордости, как считал Вейн, была способность больше узнавать о людях, чем выбалтывать им о себе. Холодный, скрытный и суровый, он, казалось, никогда не оттаивал, принимая посетителей, пока не убеждался, что они в его власти или уже превратились в преданных учеников. Школа процветала, а Отец был, несомненно, знатоком всех уровней сновидений, насколько их знал Вейн, и все же Вейн никогда не считал, что Отец озабочен исключительно Школой и ее таинствами. Казалось, его постоянно занимает какой-нибудь новый замысел. Иногда к нему приходили мамлюкские чиновники, торговцы и другие люди, по чьим лицам и манерам было ясно, что интересуются они отнюдь не внутренним миром. Отец, как подозревал Вейн, вынашивал планы – планы поразительной сложности, планы внутри планов, связанных с дальнейшими планами, замыслы, крушение которых было необходимо для успеха иных, более сложных махинаций, а те, в свою очередь, со всех сторон прикрывались и обеспечивались ложными ударами и отвлекающими маневрами, и все это выливалось в некий грандиозный план, о чьей цели никто не мог даже догадываться, да и сам старик наверняка имел весьма смутное представление. Все это можно было понять лишь по случайным намекам.

Временами интриги, если это и в самом деле были интриги, терпели крах, и тогда Отец отрешенно и угрюмо сидел в углу

своей комнаты, словно позабыв имя Вейна, словно едва ли помня и собственное. Однако в последнее время он чаще казался уверенным в себе.

Возникало нечто, чему никак не суждено было ускользнуть от внимания старика. Тогда он делался сметливым и проворным. Вейн считал, что слушает Отец не ушами, а своими глубоко запавшими глазами, после чего и дает не терпящие возражений, нередко язвительные указания. В каком бы он ни пребывал настроении, в нем всегда было нечто жесткое. Вейну пришла в голову непочтительная мысль, что он слишком тощий и жилистый, чтобы его можно было с аппетитом съесть. Трудно было вообразить его спящим, да никому и не разрешалось видеть, как он спит.

Вейну вспомнилась их первая встреча. В Дом Сна вели потайные ворота; за углом дома Вейна кивком пропустил сгорбившийся в нише привратник. Входя, Вейн заметил над воротами каллиграфическую вязь, гласившую: «О, ты, готовый уснуть, вверь душу свою Богу, который не спит никогда» (дань общепринятой набожности, как обнаружил впоследствии Вейн, Отцу абсолютно не свойственной). Слуга неопределенным жестом показал, где можно найти Отца, и Вейн вошел без доклада. Отец сидел спиной к нему на полу.

– Я ждал вас.

– Откуда вам известно, кто я?

– Ночью мне снилось, что вы придете.

– Весьма странно!

– Отнюдь. Вот уже пятнадцать лет я каждую ночь вижу этот сон.

По этому образцу и складывались их отношения в последующие годы, ибо при обучении Вейна Отец, как правило, пользовался смесью лести и язвительности.

В молодости Вейн приступил к изучению теологии в Оксфорде. Студентом он был восторженным, но поскольку к тому же и бедным, приобретению знаний способствовали мелкие кражи, которые привели лишь к тому, что, как было объявлено в конце первого года обучения, недостойное поведение и сомнительный нравственный облик навсегда лишили его права на получение степени бакалавра. Тогда он переехал в Европу, где сначала служил ландскнехтом, а потом стал обстряпывать всевозможные грязные делишки, но времена были тяжелые, а предприятия его – опасные.

Временный общий интерес к кладбищенским грабежам свел его с евреем Элиасом де Мединго, из чьих уст он впервые услышал оброненное вскользь упоминание об учителях сна, которые под

видом ремесленников бродили по дорогам Европы и Азии. По словам Элиаса Каббалиста, эти учителя сна жили толкованием сновидений, но посвященных обучали искусству владения сознанием и самоосуществления во сне. До той поры деятельность Вейна на преступном поприще не принесла ему ни богатства, ни столь же вожделенных женщин. Возможность потакать собственным прихотям в некоем таинственном внутреннем мире показалась ему чрезвычайно заманчивой.

Так начались странствия Вейна по обоим берегам Дуная и Карпатам в поисках учителей. Сначала он поступил в ученики к одному турку в Салониках; там он выучил все, чему турок мог научить, в том числе и его язык. Потом, в поисках новых наставников, он двинулся дальше на восток – в Константинополь, Эрзинджан, Тебриз и Хиву. Существовала, как он обнаружил, незримая сеть учителей, которые передавали его из рук в руки.

Делая успехи в учении, он путешествовал не только днем, но и ночью. Начали смешиваться ландшафты его странствий: причудливые сопки, подземные города, татарские пирамиды черепов и дымящиеся озера. Наконец, в Бухаре он прослышал о великом учителе, который преподает и практикует в Каире. С грустью повернул он вновь на запад, в сторону Каира, наслаждаясь путешествием с его опасностями и страшась того мига, когда окажется лицом к лицу с тем, кого, как убеждал себя, так долго искал, – с учителем. Вновь путешествуя по странам турок Белой Овцы и турок Черной Овцы, он уже тогда почувствовал, что исламскому миру грозит неминуемый кризис, поскольку две великие империи – Оттоманский и Мамлюкский султанаты – все чаще действуют наперекор намерениям друг друга в анатолийской нейтральной зоне. В Каире уже царила атмосфера тревожного ожидания.

Кошачий Отец, в отличие от тех учителей сна, с которыми Вейн сталкивался ранее, практиковал открыто, под покровительством султана и некоторых его наиболее знатных эмиров, хотя в целом особой популярностью в городе не пользовался. В тяжелые времена, каковые как раз и настали, он бывал жертвой проповедей улемы и дервишских шейхов, но всякий раз ему и его ученикам удавалось не только уцелеть, но и преуспеть. Там, в Доме Сна, началось, наконец, серьезное обучение Вейна.

Весь дом провонял кошачьей мочой, ибо те кошки, на которых опыты не проводились, могли бродить где угодно. Тех же, которые были отобраны для опытов, держали в подвале, в плетеных клетках. Кормившие их невольники надевали толстые кожаные перчатки, ибо в тот период Отец изучал на кошках

последствия лишения сна и вынужденная бессонница делала их непредсказуемыми, а подчас и свирепыми. С Вейном невольники не общались; они молча взирали на него с тем же благоговением, что и на своего господина. Так что первое время единственными друзьями Вейна были эти измученные твари.

Работа поначалу была нелегкой. День проходил, как правило, в изучении толкований и комментариев, приведенных в «Книге снов» Иосифа Иудея и в трудах Артемидора и Ибн-Сирина, но самые напряженные занятия начинались для Вейна ночью. Отец научил его вызывать сновидения, выуживая их в ночи, как рыб. Он научил его удерживать запомнившийся сон в голове, не упуская ни малейшей подробности. Затем он научил его видеть сны ясно, в полном сознании. Когда это было достигнуто, Отец стал возникать в его снах и обучать его всю ночь напролет.

Когда это произошло впервые, Вейн услышал во тьме размеренный шепот: «Сновидения подобны морю. Они накатываются на мозг легкими волнами, а потом отступают, но отступают туда, где плещутся вечно, – в Мир Образов, Алям аль-Миталь. Дабы не ждать, когда эти волны захлестнут вас, повинуясь неизменному ежедневному ритму, можно, если желаете, уплыть в море и исследовать его глубины».

Пока Отец говорил, Вейн так ясно, словно и вправду стоял у кромки воды, увидел странное море, темно-зеленое и вязкое, а волны его были увенчаны белыми усиками, которые медленно, маняще колыхались, наклоняясь в сторону берега. Старик стоял рядом, приветливый, сияющий благодушием. Он закатал свою галлабийю и при этом заметил:

– Море снов – это больше, чем метафора. Это один из образов Алям аль-Миталя.

В ту первую ночь Вейн последовать за ним не решился.

По утрам обучение продолжалось за завтраком, состоявшим из больших ломтей хлеба, которые окунались в миски с медом, и образы, пробужденные ночью, обстоятельно обсуждались в дневное время. В голове находится свеча, внутренняя свеча зрения. Свеча эта струит свои невидимые лучи сквозь глаза, позволяя нам видеть окружающий мир, но эти лучи можно направлять и на иные цели. Например, можно погружать человека в транс или насылать чуму на людей и животных. Ночью эти лучи не способны проникать сквозь глазницы во внешний мир, ибо голова окутана испарениями, поднимающимися из желудка. Таким способом Алям аль-Миталь оберегает свой свет. Лишь хорошо обученный человек может стать господином Алям аль-Миталя.

Затем Вейн обучился искусству распознавать сон, вызванный

снадобьями, или отравленный сон, искусству отдыхать и спать в сновидениях и искусству в точности воспроизводить реальный мир в голове – постепенно, с помощь изнурительной тренировки зрительной памяти. Потом Отец повел его за собой в бездну, и Вейн узнал, что спящий разум может нисходить сквозь множество уровней. Наименее глубокий назывался Зоной Собаки – состояние растерянности, едва отличимое от бодрствования; Зона Слона была в целом более причудливой и полноценной; за ней была Зона Ящерицы, менее красочная и более умозрительная; и так далее, и так далее. В каждой зоне пространство казалось теснее, а цвета – однообразнее. Где-то в глубине всего этого, как сказал учитель, находился центр, бесконечно малый и темный, приближаться к которому можно было лишь с благоговейным трепетом. Но еще до этого Вейн научился со страхом относиться к Зоне Обезьяны.

Прошел не один месяц, прежде чем Отец позволил Вейну оказывать ему практическую помощь. Тогда он начал понимать, почему Отец столь охотно взял его в ученики. Дело было не только в том, что богатырское телосложение Вейна помогало ему переносить тяготы учебы или могло пригодиться в общении с некоторыми из не вполне довольных клиентов Отца. Хотя Дисциплина Сна основывалась прежде всего на силе ума, в некоторых случаях требовалась и помощь лекарств. Порой Кошачий Отец месяцами пропадал, собирая и закупая подобные снадобья. И вот Вейн по распоряжению Отца стал сопровождать его в этих поездках. Снадобья и химикаты требовались самые разнообразные, однако товаром, ради которого Отец выбирался в самые отдаленные районы Верхнего Египта, было мумие, и Вейн наконец осознал, что превыше всех его прочих достоинств Отец ценит в нем опыт, приобретенный им в бытность кладбищенским вором. (Мумие – это отвратительная смесь битума, натра и сохраненной тем или иным образом человеческой плоти, черная, как смола. Говоря о мумие, Отец сказал: «Плоть – это не мертвая оболочка, оживляемая неким духом. Это сама жизнь!») Поиски были опасными – случались стычки с бедуинами и другими кладбищенскими ворами, приходилось скрываться от мамлюкских правителей, а подчас, когда им уже почти улыбалась удача, внутри самой гробницы срабатывал некий тысячелетней давности механизм, приводя в действие западню. Вейну эти приключения пришлись по душе, а по мере того, как пополнялись запасы мумие в Доме Сна, поднималось настроение у Отца.

Отец ослабил дисциплину в Доме. Он даже сводил Вейна в безмятежную страну подобострастных одалисок, расположенную в той области сновидений, что зовется Зоной Кобры. Наяву

заполнение огромных урн на верхнем этаже Дома отмечалось более торжественно. Отец устроил в честь мумие пир.

Молодым ученикам Отца поднесли набальзамированные части тела, обсахаренные или вымоченные в вине. Отец сказал им, что, уничтожая своих предков и употребляя их в пищу, они вершат таинства смерти и воскресения, сна и пробуждения. В смятении они внимали ему и жевали малопривлекательные кусочки.

– Какое это окажет воздействие? – спросил, набравшись храбрости, Вейн.

– Мумие сохраняет видимость жизни в смерти, так же как сновидение сохраняет видимость бодрствования во сне. Следовательно, мумие обостряет восприятие сновидения. Оно делает это, заставляя сон размножаться, в результате чего каждый сон носит в своем чреве новый сон. Это внутренний образ бесконечности. Сейчас вы едите вечность.

Он снисходительно улыбнулся. Все продолжали жевать. Как только были съедены последние кусочки, обстановка сделалась непринужденной, завязался оживленный разговор и люди принялись плясать и дурачиться. Ритуальный пир превратился в подлинный праздник. В конце вечера наевшиеся наркотических снадобий и пьяные ученики с веселым гиканьем носились по всем комнатам Дома Сна, выставляя в каждом окне свечу и вывешивая на каждом наружном подоконнике коврик. Потом, когда дело было сделано, Вейн и все остальные вышли полюбоваться плодами своих трудов. Были два окна, где не висел коврик и не горела свеча. Мгновенно протрезвев, они внимательно посмотрели на эти зарешеченные окна и вернулись в дом. О других обитателях Дома Вейн еще ничего не знал.

Глава 8
Климатические условия

Неужели я и вправду имею в виду климатические условия? Нет, боюсь, это не совсем так…

Разыскать Бэльяна Вейну и Кошачьему Отцу было бы непросто. Он затерялся где-то средь сотен тысяч каирских бедняков и калек, которые шуршали по всему городу, как опавшие листья. Эти полуживые люди едва ли обладали способностью мыслить. А вместе с ними перемещалось по Каиру все, в чьих голосах разум отсутствовал изначально, – ветры, животные, настроения, духи.

С юго-востока дул хамсин, пятидесятидневный ветер, приносивший пыль, из Нубии задувал симум, горячим языком вылизывавший улицы, но был и северный шамал, коего чернокожие и прочие политеисты почитали за животворящего бога. Подчиняясь неслышным приказам, носились по городу тучи мух, собирались, разбегались и вновь собирались своры диких собак. Вдобавок в Каир приводили стада, в основном коз и овец. Огромные стада коз, находивших пищу в отбросах, арабы пасли среди Татарских Развалин. Засушливым летом в городе валялось столько гниющих отбросов, что совладать с ними не в силах были ни козы, ни ночные мусорщики, и тогда с ядовитыми их испарениями вырывались на волю джинны, дабы, бризом повеяв в толпе, принести с хамсином и собачьими ветрами чуму. Каждое лето кого-то из горожан ветры сводили с ума, поэтому благоразумнее всего было выходить на запыленные улочки, повязав лицо платком.

Почти ничем не отличались от джиннов настроения, чаще всего злобные и гнетущие, которые вдруг охватывали город с непостижимой быстротою грозы. Опасны бывали и демоны пыли, хлеставшие неосторожного путника по лодыжкам, стремясь выманить его на незнакомые тропинки. По этой причине все радовались, когда наступал период дождей, ведь дожди усмиряли пыль, появлялись пауки, порожденья дождя, и воздух, очищенный от былых страстей, был вновь напоен ароматом свежести.

Мало-помалу, бесцельно слоняясь по улицам и слабея день ото дня, Бэльян стал замечать, что уже не всегда способен отличить Каир ночной фантазии от реального города. Ему казалось, что людские голоса, которые он слышит на улице, звучат отнюдь не на улице, а у него в голове. Голоса то рокотали,

то шелестели в желудочках его мозга – одни возле самых ушей, другие вдали, но все исходили изнутри. Смысл сказанного уловить было трудно. Лишь изредка звучал в черепе оглушительный голос – обычно одно слово, не больше, – заставлявший его встрепенуться и насторожиться.

И цвета. Однажды, в каком-то оцепенении, он целый день смотрел на стену сада в тени. Коричневая она или серая, голубая или с оттенком оранжевого? Какого цвета стена, а какого – тень? Все это его огорчило, и в конце дня он решил, что не посмеет больше задавать подобные вопросы из страха увидеть, как обесцвечивается постепенно пейзаж, – пускай листья будут зелеными, а небо синим.

Люди, на коих он взирал с еще большим недоверием, ирреальные люди, превращались один в другого. Мамлюкский эмир, которого он видел во время учений на Черном Ипподроме, в тот же день на другом конце города превратился в сапожника. Негр-муэдзин возле мечети Ибн-Тулуна оказался тем же негром, который, как видел Бэльян, поливал водой ступени купальни в армянском квартале. Всюду ходили парами карлики. Совершенно сбитый с толку, он заподозрил, что не менее пятисот человек носятся по всему городу, обмениваясь головными уборами, плащами и бородами, постоянно готовые повстречаться с ним в новом обличье и следовать за ним неотступно.

Он подумал, что в таком случае, войдя не в ту дверь или сказав нужное слово, вполне можно развалить весь Каир. Дома, дворцы, сады и мечети могли бы с шипеньем испариться, а демоны города с воплями взметнулись бы ввысь. Он пропустил меж пальцев тонкие струйки пыли. Вблизи все казалось почти реальным. Не было ни демонов, ни двери, лишь грязный, больной чужеземец, ворчащий в пыли.

Фонтан все бил и бил, и струи его журчали.

Был полдень пятницы, время главной молитвы мусульманской общины в мечети султана Хасана. Давадар стоял в первых рядах верующих, бок о бок со своими соратниками. Стояли они под открытым небом, во внутреннем дворе нещадно палило солнце. Их окутывал запах влажного, пропитанного потом белья. Давадар тайком понюхал висевший у него на рукаве ароматический шарик. Богослужение подходило к концу. Уже была провозглашена хутба во славу султана. Затем имам прочел с минбара проповедь о Семерых в Пещере. Теперь же, сойдя с минбара, имам руководил заключительными ракатами молитвы, заставляя собравшихся произносить непостижимые суры. Тысячи тел синхронно поднимались и опускались, головы исчезали,

касаясь ковриков, и возникали вновь.

– Воистину мы сотворили сей мир не ради шутки или обмана.

Внезапно раздался смешок, вначале почти потонувший в массовом речитативе суры, но не затихший, а, несмотря на шумные попытки окружающих урезонить насмешника, перешедший в глуповатый заливистый смех. Он доносился откуда-то из задних рядов. Потом захихикал кто-то еще.

Давадар обернулся, чтобы свирепо взглянуть на возмутителя спокойствия, и его примеру последовал имам, но зараза уже распространялась. Одни и в самом деле открыто разразились неудержимым хохотом. Другие, побагровев, молча сотрясались от неслышного смеха, из последних сил пытаясь его сдержать. Смех звучал все громче и громче. Оглянувшись еще раз, давадар уловил и ощутил слабое щекотание нервов, к коему примешивалось страшное и вместе с тем сладостное предчувствие. Он увидел, что в толпе молящихся там и сям мелькают красно-желтые остроконечные колпаки Веселых Дервишей. Сумев набраться еще большей наглости, чем обычно, они намеревались устроить один из своих праздников во время пятничной молитвы, к тому же в главной мечети Каира.

Молитва была сорвана окончательно. Некоторые отвратительно тряслись, обхватив руками колонны на краю крытой аркады; большинство валялось на земле, задыхаясь от смеха, с отталкивающими гримасами бурного веселья на лицах.

Не миновала сия зараза и давадара, и, удивляясь, над чем тут, собственно, можно смеяться, он все же начал хихикать, а потом и истерически гоготать. Он пытался устоять на ногах, но хохочущий демон внутри него то и дело швырял его на пол. На миг он почувствовал отрезвление и, устыдившись, прижался залитым слезами лицом к каменным плитам. Ему хватило времени спросить себя: «Над чем мы смеемся, если не над самой мыслью о смехе без причины?» – после чего и его, и соседей захлестнула новая волна смеха. Не будь он одержим теми же бесами, что и все, увиденное и услышанное казалось бы поистине ужасающим, но всеобщее помешательство охватило и его. Только дервиши стояли прямо, сдержанно посмеиваясь над собственной шуткой.

В конце концов тела не выдержали длительного напряжения. Невыносимо заныли ребра и животы. Смех сделался прерывистым и глуховатым, а потом и вовсе затих, только не сразу, ибо в отдельных частях двора то и дело слышалось фырканье взглянувших друг на друга насилу успокоившихся людей. Однако, когда наконец воцарилась тишина, миновало исступление и его обессиленные жертвы уже упивались своею вновь обретенной

умиротворяющей серьезностью, прозвучало откровение.

Человек средних лет, не дервиш, поднял голову от пола и болезненно хриплым голосом произнес:

– У меня было видение. Я избран поведать вам, жители Каира, что Мессия Пятой Печати, новый и последний Мессия, пребывает ныне в вашем городе. Он постиг Арабский Кошмар и очистился беспредельным страданием. Ждите его, ибо он поведет вас в Цитадель.

Едва человек договорил, как его схватили враждебно настроенные мамлюки. Дервиши, по-видимому, украдкой удалились из мечети, пока он говорил.

В очередной раз они продемонстрировали свое могущество.

Давадар поднялся и направился к выходу. Он чувствовал страшную слабость, чувствовал себя так, словно кто-то воспользовался его телом для занятий тяжелым физическим трудом. Когда давадар, пошатываясь, ковылял домой, в голову ему пришла занятная мысль о том, что человеком, страдающим Арабским Кошмаром, вполне может оказаться и он. Устыдившись самого себя, он улыбнулся и отбросил это нелепое предположение.

Второй возмутительный случай произошел три дня спустя, перед заходом солнца. Давадар дремал дома во время сиесты, когда за дверью послышались крики и стук и привратник впустил двоих мамлюкских всадников.

– Мир вам и вашему дому, – они церемонно поклонились.

– В чем дело?

– Пожалуйте с нами, ваше превосходительство.

– Что случилось? Куда я должен идти?

– К озеру. К озеру Эзбекийя. Там, на озере, человек. Вашему превосходительству следует отдать приказ о его аресте.

– С какой стати?

Но тут всадники подхватили его под руки и торопливо повели к расположенному неподалеку озеру. На том берегу озера, куда они вышли, толпился народ. На берегу стояли увеселительные дворцы некоторых знатных эмиров, и многие слуги подошли к самой кромке воды полюбоваться забавным зрелищем. Давадар, заслонив глаза от солнца, взглянул на середину озера, где, казалось, бесцельно дрейфовала лодка, которая, по-видимому, и приковывала к себе всеобщее внимание. Потом он в изумлении отшатнулся и выругался. В лодке были двое мужчин. Маленький, похожий на хорька человечек сушил весла; второй сидел выпрямившись, играл на лютне и во весь голос горланил песню:

Большой бамбук – он толст и крепок,
Большой бамбук…

Он был явно пьян. Поющие пьяницы были в общем-то обычным явлением на увеселительных водоемах Каира. Но что потрясло давадара и забавляло всех прочих, так это внешность человека: серебристые волосы, впалые щеки, клочковатая бороденка, черная мантия, декоративная перевязь и черный тюрбан с рогатой короной. Неужели этот пьяница – султан? Или его двойник? Самозванец. Помимо давадара, вызвали уже и других чиновников, и несколько воинов под дружный насмешливый свист слуг и черни спускали на воду лодку. Завидев это, сидевший в лодке субъект отложил лютню и довольно неуверенно поднялся, чтобы обратиться к толпе.

– Слушайте воззвание прекраснейшего, победоносного и славного избранника Божьего. К вам обращается Саиф аль-Дин Кайтбей ибн-Абдалла аль-Насири, аль-Мансури, аль-Азизи, аль-Каймай, султан Каира и Дамаска, властелин Нубии, Йемена, Сицилии и Барки, настоятель двух Святых Обителей, хранитель Загробной Завесы, покровитель халифа, полководец джихада, повелитель арабов, турок и персов, защитник обездоленных, да продлит Господь дни его царствования и покарает врагов его, ибо есть таковые. Мы разоблачаем и проклинаем самозванца, что спит в Цитадели, и обещаем всем верноподданным нашим…

Но тут он умолк, не сумев договорить, ибо лодка мамлюков уже подплыла и стала борт о борт. Гребец, видя, что дело плохо, прыгнул в воду и уплыл на другой берег, где ему удалось скрыться в баобабовой роще. «Султан», однако, был, очевидно, настолько пьян, что даже не помышлял о подобной попытке. Давадар и некоторые из его соратников приказали отвести его для проверки и допроса в Аркану. Сходство с настоящим султаном было поистине потрясающим, даже вблизи. Наружность двойника внушала давадару суеверный страх – более того, глубоко его встревожила, – ибо давадар издавна был убежден в том, что тело есть зеркало души, что тело олицетворяет во плоти и субстанции душевные свойства. Мы любим красивое тело, потому что видим в нем красоту души, которая придает телу столь безукоризненную форму. Поэтому физическое сходство – признак немаловажный. Быть может, у этого пьяного фигляра имелось с султаном некое общее свойство.

Кроме того, вызывало тревогу и еще кое-что. Под одеждами у человека оказалась проказа. Дабы заставить его заговорить, ему нанесли несколько слабых ударов палкой по пяткам (ибо сильная

бастонада приводила к смерти), но он быстро протрезвел и не сказал ни слова.

К султану послали гонца с вопросом о том, не желает ли он полюбоваться на своего двойника, но гонец вернулся с приказом незамедлительно подвергнуть его мучительной казни. Тогда его посадили на повозку и отвезли к месту казни, за ворота Зувейла, после чего, к великому удовольствию собравшейся черни, из царской сокровищницы был извлечен Мельземут. Мельземут представлял собой автоматический механизм, медную куклу семи футов высотой, приводимую в движение кольцами и пружинами. Приговоренного привязывали к кукле ремнями – ногу к ноге, грудь к груди, руку к руке. Затем куклу заводили, и она начинала свой забавный механический танец, который постепенно переходил в дикую пляску. Наконец, когда уже кончался завод, Мельземут душил своего партнера гарротой и останавливался.

Лишь в самый последний миг, когда лже-Кайтбея уже привязывали к механизму, он нарушил свое молчание и с помоста обратился к народу.

– Да простит вас Господь. Вы совершаете страшную ошибку. Если вы убьете меня, вскоре за мной последует мой близнец. Мы делим с ним одну общую участь.

Жест отчаяния. Мельземут начал свои неуклюжие танцевальные па. Давадар не стал дожидаться окончания казни и в мрачном расположении духа вернулся к своим обязанностям во дворец. Ему казалось, что образ султана, подвергнутый разрушительному действию проказы и алкоголя, означал нечто большее, чем просто роковую шалость или проявление безрассудства. Быть может, казненный был символом злодеяний государственной власти. Быть может, он даже был талисманом, который отвращал от султановой персоны приступы порока и недуга. «Ибо все на свете имеет левую руку и правую руку». Может, где-то есть и другой давадар, его гений?

Третий возмутительный случай произошел на другой день в Цитадели, хотя о его последствиях давадар узнал лишь некоторое время спустя, и еще больше времени прошло, прежде чем он сумел установить какую-то связь между этим событием и двумя предыдущими.

В недрах Цитадели, когда Джанкристофоро был погружен в свои путаные мысли, яркое пламя факела, внезапно отразившееся в водах темницы, привлекло его внимание к решетке двери. С другой стороны стоял надзиратель.

– Это просил передать вам друг. Он просит, чтобы вы это внимательно изучили. Я оставлю вам здесь побольше света.

Надзиратель исчез.

Друг. Безусловно, это мог быть только Йолл. Джанкристофоро принялся с опаской разглядывать подарок Йолла – маленькую деревянную коробочку с наклееным сбоку клочком бумаги,. Он прочел то, что было написано на клочке. «Это ваше освобождение. Ибо сказано, что «над отверстием каждого женского лона начертано имя мужчины, коему суждено войти». Это Коробочка Экстаза из Китая. Откройте ее и найдете свое имя».

Он колебался.

– Это необходимо сделать, Бульбуль.

Бульбуль угрюмо взглянул на Йолла и кивнул. Из всех, кто совершал в тот день попытку приведения в транс, называемый сирром, Бульбуль был единственным, у кого уже имелся опыт участия в этом процессе, и поэтому именно Бульбуль был бледен как смерть.

– Пока нам везет, – продолжал Йолл, – но если мы оставим все как есть еще хотя бы на день, за ним придут, начнут его бить, угрожать ему Мельземутом, и он заговорит. Это неизбежно. Ему даже не совсем понятно, почему он с нами заодно, к тому же он трус. Он обязательно заговорит, а когда он заговорит, мы пропали.

Всего несколькими днями раньше строились сумасбродные планы его вызволения, предусматривавшие подделку пропусков и приказа об освобождении, использование лже-Кайтбея и даже каната, все еще натянутого между минаретом султана Хасана и Цитаделью, но в конце концов возобладал здравый смысл. Поэтому Бульбуль снова кивнул, но при мысли о том, что должно случиться, он содрогался, причем страшила его не столько участь жертвы, сколько то, чем все это может обернуться для оказывающего воздействие. Все разновидности сирра страшно изнуряли; некоторые могли оказаться смертельными. Бульбуль уже научился испытывать благоговейный страх перед этим ощущением погружения все глубже и глубже, сквозь образы и слова, которые потом исчезают, страх перед медленным, осторожным самовнушением, заставляющим постепенно утрачивать всякий контроль над внешней реальностью с тем, чтобы манипулировать тайным миром.

Неподалеку, в том же квартале, на улице, уже приступила к процессу воздействия женщина, а где-то в другом месте города сидели на стене, с явным удовольствием греясь на солнышке и размышляя, трое прокаженных.

– Начнем, – сказал он.

Мальчик, сидевший в углу развалясь, принялся перебирать струны лютни. Для предстоящей работы у Бульбуля с Йоллом имелся рисунок, автопортрет Джанкристофоро; поперек рисунка был нанесен узор из каллиграфических червячков. Сев рядышком у окна, они сосредоточились сначала на лице, потом на узоре и вновь на портрете, не упуская ни малейшей подробности. Узор и лицо влекли Бульбуля к себе до тех пор, пока его черное сердце не забилось в унисон с сердцем Джанкристофоро.

Прочтя записку, Джанкристофоро еще долго продолжал на нее смотреть. Завитушки рукописного шрифта были замысловатыми и прерывистыми; почерк принадлежал Бульбулю – не Йоллу. Чернила казались необычайно черными, а бумага – ярко-желтой. Присмотревшись, он увидел, что средь черноты зияют под запиской бездны желтого цвета, песчаниковые ущелья, затерявшись в безмерности коих оставалось лишь стоять да восхищаться проносящимися наверху в стремительном танце черными буквами.

Сделав над собой усилие, он переключил внимание с бумаги на коробку. Потом он вновь мельком взглянул на узкие кривые закоулки, образовавшиеся в промежутках витиеватого шрифта Бульбуля. На освещенной солнцем стене сидели и приветливо улыбались ему три бледнолицых человека. Рука его нависла над коробкой. И резко дернулась, чтобы ее открыть. На мгновение в глазах его застыл последовательный образ червеподобного почерка, черный на фоне желтого пламени факела. Потом он понял, что коробка пуста. Ему почудилось только, будто он слышит какое-то шуршание, столь тихое, что это могло быть и шелестевшее у него в голове сновидение. Он нерешительно поднес коробку к уху. Потом ему показалось, будто он уголком глаза увидел, как поднимается на хвосте длинный желтый червяк и, растягиваясь, перегибается через стенку коробки, увидел – мельком, искоса посмотрев – некое подобие рта, сотворенного, чтобы сосать и пронзать, черно-желтое пятнышко, которое тут же исчезло. Он опустил пустую коробку на поверхность лужи, разлившейся посреди его темницы.

Наклонившись над плавающей коробкой, он почувствовал, как в ухе у него что-то с хлюпаньем копошится. Он сунул в ухо палец. Что бы это ни было, палец, казалось, загнал его еще глубже. Тогда он подумал о черве, но мысль эту поглотила мучительная острая боль. Боль расползалась и пожирала все его мысли. Все, что он знал, отдано было на съеденье червю. Именно в поисках мысли рылся червяк в мертвечине его черепной коробки и перегонял эту мысль в могильный напиток – в каковом

виде она тоже моментально уничтожалась. Потом боль оказалась в глубине левого глаза. Что-то пронзило глазное яблоко и присосалось к нему, как к сырому яйцу. Тогда началась борьба между восприятием левого глаза и восприятием правого. Правый глаз видел его руку, трясущуюся над коробкой в пустой темнице. Левый видел червя в голове, видел, как он плывет в жидкой субстанции мозга к покачивающейся на поверхности этих вод коробочке. Коробочка открылась, и через край ее выбрался, дабы сочлениться со своим собратом, скрывавшийся там второй червяк. Боль охватила уже оба глаза, внутренность черепа Джанкристофоро стала его темницей, внутренность темницы – черепом. Появилась еще одна коробочка и, когда она открылась, – еще один червяк, а внутри той коробочки – еще одна темница, которая была также и черепом, и еще червяк, и еще. Поверхность его мыслей покрылась копошащимися червями, черно-желтыми, как арабская каллиграфия. Последнее, что он запомнил, были края его мозга, которые зыбились и вздымались под напором червивого пиршества.

Нагрузка на действовавших снаружи была чудовищной, но ими руководил Бульбуль. Вхождение, как всегда, оказалось трудным. Сначала было лицо с упрямым профилем, расплывавшееся перед глазами Бульбуля, и он только понапрасну скользил из стороны в сторону по краю черепа. Потом, совершенно неожиданно, лицо округлилось и обрело объем, после чего Бульбуль и все остальные сумели проникнуть внутрь. Они червями вползали в полости Джанкристофоровой головы, овладевая ее структурой. Затем, освоившись с ее устройством, они взялись за дело. На последующих, наиболее увлекательных стадиях тот, кто руководил процедурой, начинал осознавать, хотя всякий раз и смутно, что в центре мозга, вне досягаемости мысли и памяти, далеко за пределами сознательного осмысления существует нечто совсем маленькое – возможно, первичная материя сознания. Можно было с большого расстояния мельком углядеть ярко освещаемую внутренними вспышками молний область, где в ослепительном сиянии жезлов и красок носились мерцающие крошечные человечки с буквами, эмблемами и цифрами в руках. Это было за пределами всякого смысла. Бульбуль дорого бы дал за то, чтобы немного задержаться на этой территории запредельного смысла, но остальные вынудили его удалиться.

Охранник был настолько заинтригован, что даже вошел в камеру и присел, чтобы немного посмотреть. Джанкристофоро бился в непрекращающихся судорогах. Он исцарапал себе лицо,

пытаясь содрать с черепа кожу. Периодичность припадков постепенно, незаметно ускорялась. Охранник отправился обедать. После обеда он доложил о случившемся своему начальнику. Начальник сообщил о болезни узника – возможно, смертельной – архивариусу, которого эта новость обрадовала. После отправки Джанкристофоро в Аркану запись о его местонахождении была утеряна. В подвалах Цитадели содержалось более девятисот узников, живых и недавно усопших, и имелось место для новых. Каждый день давадар передавал архивариусу послания от Майкла Вейна, настаивавшего на скорейшем обнаружении и допросе итальянского шпиона. Был объявлен розыск, но старший надзиратель следовал указаниям не торопясь, соблюдая собственные сроки. Поэтому то, что архивариусу доложили о болезни итальянца, было как нельзя более кстати. На следующий день архивариус отправил донесение давадару, и через некоторое время давадар спустился в Аркану. Но, разумеется, было уже слишком поздно. В ярком неровном свете факелов обнаружилось, что узник мертв – он скорчился и был крепко-накрепко опутан оковами трупного окоченения.

– Сирр.

Спустя еще немного времени давадар, войдя в обсаженный косыми рядами деревьев сад, доложил обо всем султану, и султан, как он и опасался, разгневался. Потом, после недолгого умиротворяющего молчания, они сошлись на том, что, прежде чем отдавать приказ о розыске, аресте и допросе этого англичанина Бэльяна, следует еще раз обратиться за советом в Дом Сна.

Глава 9
Как выбраться из Каира

Жаль того глупца в лодке. Я имею в виду Кайтбеева двойника. Зато вы по крайней мере получили представление о прелестях катания на лодке по озеру Эзбекийя – на тот случай, если вам доведется когда-нибудь побывать в Каире…

Бэльяну снилось, что он пробудился от тревожных снов и неожиданно увидел человека, который парил над ним в воздухе лицом вниз, примерно в паре футов от кессонированного потолка. Человек был белый с головы до пят, и волосы развевались у него на голове языками яркого белого пламени.

– Кто вы?

Человек ответил дуновением ветра:

– Телом моим владеет ночь.

– Как вас зовут?

– Телом моим владеет ночь.– Он покружил под потолком, потом снова заговорил: – Поднимайтесь ко мне.

– Не могу.– Но тут Бэльян с кротким удивлением обнаружил, что уже стоит подле кровати.

– Вы должны попробовать, ибо при желании это возможно. Воздух тяжелее, чем вы думаете, а дух ваш – легче.

– Не могу.

– Выверните лодыжки и очень резко отталкивайтесь ногами.

Бэльян повиновался.

– Теперь разведите руки в стороны и вновь опустите. И еще раз.

Сперва Бэльян заскользил по полу. Потом начал подниматься. Постепенно он добрался до потолка.

– Нельзя недооценивать свои силы, – голос еле слышно прошелестел у него в голове.

Бэльян и белый человек подлетели ближе друг к другу. Человек показал в окно на город – сплошь шпили и купола.

– Вы пока неуклюжи. Надо еще подучиться. Все это должно принадлежать вам.

– Научите меня летать как следует. Будьте моим наставником.

– Мое место здесь. Я не буду ни вашим наставником, ни господином… ни слугой, что, собственно, вы и имеете в виду.

Бэльян, коему все это давалось с большим трудом, ответил:

– Но с какой стати я должен летать? Мне это вовсе не

нравится.

Бэльян был раздражен, но человек улыбнулся:

– Полет – всего лишь символ чего-то иного. Если здесь вы не добьетесь успеха в этом, то где-нибудь еще потерпите неудачу в чем-то другом. Вы должны укреплять волю, ибо не нуждаетесь в наставнике. В самом деле, у вас их и без того слишком много. Говорят, что вас учат все.

С этими словами человек или дух выпорхнул в окно и, пару раз ринувшись вниз, скрылся в саду. Бэльян упал прямо в постель, погрузившись в сон и дальнейшие сновидения.

Позже он расспросил об этом Зулейку. Зулейка сказала, что полет может символизировать только одно – сам полет.

– Этот человек постоянно городит вздор. Он всего лишь учитель полетов, причем слегка помешан на чересчур высоком мнении о своих весьма ограниченных способностях.

Потом она вновь стала убеждать Бэльяна не задавать так много вопросов, а сосредоточиться на том, чтобы как можно лучше проявить себя в постели.

Проснулся он с рассветом, чувствуя себя слабее обычного. Дни становились жарче и желтее; казалось, два громадных шара – Земля и Солнце – со скрежетом трутся друг о друга.

Необходимо было выйти пораньше. О том, чтобы вновь отправиться в Цитадель, не могло быть и речи. Даже попытка вернуться в караван-сарай за вещами и «Сном Старого Паломника» могла оказаться опасной. После того, как Бэльян увидел колесование святой Катарины, он утратил былой энтузиазм в отношении посещения ее обители в Синае. К тому же он, можно сказать, уже нанес ей визит и исполнил таким образом свой обет. Поэтому из Каира он решил направиться в Александрию – пешком, прося подаяния. Он повернул на север, намереваясь выйти к Булаку через парки и фруктовые сады на окраине квартала Эзбекийя. В длинных тенях раннего утра все еще веяло приятной прохладой. Отчего утренний свет так отличается от вечернего? Лавочники разбрызгивали перед своими лавчонками воду, чтобы прибить пыль. Бэльян даже ощущал запах солнечного света на камне и воды на земле. Он приободрился. Миновав лавчонки, он пошел по узким, устланным листьями тропинкам, вдоль которых росли бамбук и тростник, темные и влажные. Он обернулся и посмотрел на минарет султана Хасана и башни Цитадели, уже видневшиеся в легком тумане. Вокруг царила полная тишина. На узкой тропинке посторонилась, пропустив его, группа направлявшихся на работу людей.

Выбраться из Каира! Это было похоже на сон. Вероятно, ему следовало ущипнуть себя, дабы убедиться в реальности

происходящего. На память пришло высказывание из «Сна Старого Паломника» о том, что двух вещей нельзя сделать во сне: посмотреть на тыльную сторону своих ладоней и вспомнить собственное имя. Он смог бы.

Он не сбился с шага, взглянув на свои руки, – по крайней мере, так ему показалось. Но открыв глаза, он увидел, что руки его погружены в пыль, и пыль эта всего в нескольких дюймах от его лица. Из носа на тыльную сторону ладоней капала кровь. Высоко в небе светило солнце, а он еще даже не выбрался из Эзбекийи. Он поднялся и вновь решительно двинулся на северо-восток, в направлении Булака. Однако на сей раз дороги нагрелись и покрылись пылью, народ уже был на ногах, и в глаза ему то и дело попадал песок. Дыхание было затруднено. Стали ватными ноги. Надо было тронуться в путь пораньше, а не спать до полудня. Сон ему на пользу не шел. Но выбраться из Каира! Если бы он только мог…

Он торопливо двинулся дальше, надеясь вскорости добраться до рощ и фруктовых садов, которые отчетливо помнил по предыдущему сну, но тело его с каждым шагом тяжелело, а веки казались такими же ватными, как и ноги. В глазах у него все поплыло. Он решил посидеть у фонтана, а потом, сочтя, что это стоит ему непомерных усилий, прилег. Он еще надеялся найти в себе силы, чтобы продолжить путь. Почувствовав, как покачивается на волнах зноя его тело, он представил себе, как быстро и неравномерно открываются и закрываются поры на коже. Сознание растворилось в его крови, потекло вместе с ней по сосудам, замерло, сотрясаясь от громоподобного хруста костей, и наконец запуталось в тонкой паутине настроений и чувств. В нем не было средоточия сил. Был лишь глубокий наркотический сон. Он спал.

Он проснулся, вновь направился той же дорогой, уснул, пробудился, пошел и снова уснул. И так без конца. Порой ему казалось, будто в бессмысленной этой повторяемости он находит большее утешение, нежели в надежде на бегство из Каира. Иногда, увлекаемый бесами пыли, он сбивался с пути. Пару раз путь ему преграждали Кошачий Отец с учениками, высматривавшие его среди бродяг, которые заполняли открытые площади города. Он видел, что мамлюки тоже наводят справки о нем, но указанные им приметы молодого чужеземца, элегантно одетого на бургундский манер, столь плохо вязались с его нынешним положением, что опознать его было почти невозможно. И действительно, он лично сумел запутать их, отвечая на их расспросы.

Его попытки выбраться из города делались все более

нелепыми и безнадежными. Он вспомнил наставления белого человека и решил улететь из Каира. Скрывшись от посторонних глаз за стеной, он встал, широко развел руки, растопырил пальцы, поднялся на цыпочки, вывернул лодыжки – и ничком рухнул на землю. «Все дело в воле, – сказал он себе, – но как я могу заставить себя проявить волю, которой не обладаю?» Он попытался вообразить себя потрепанной птицей, парящей, приковывая к себе все взгляды, над многолюдными базарами, плывущей в вязком, тяжелом воздухе и незаметно подлетающей к Цитадели, но от всего этого голова закружилась так сильно, что какое-то мгновение он был даже не в состоянии подняться с земли.

Однажды – всего лишь минутный триумф – он вышел, или ему приснилось, будто он вышел из предместий Каира на устланные листвой тропинки в фруктовых садах близ северной оконечности города, но, пройдя еще немного, обнаружил, что вновь все чаще видит дома, что домов все больше и больше, а потом и в самом деле оказался неподалеку от ворот Зувейла, центра второго Каира – зеркала первого.

«Такие города подобны падающим каплям воды, отражающимся друг в друге».

Он пошел дальше. Какой-то мальчишка запускал бумажного змея и бежал вдоль гряды пыльных куч, чтобы тот не терял высоту. Он остановился посмотреть. Зрелище было необычное. В Каире дети не играли. Эти угрюмые, похожие на карликов маленькие взрослые толпились на улицах и на все лады предлагали на базаре свои услуги в качестве тайных посыльных и ненадежных проводников. Змей кружился, подпрыгивая, средь бурых грозовых туч. Мальчишка, не останавливаясь, повернулся лицом к Бэльяну и обнажил зубы в злобной улыбке, показав при этом на своего змея. Потом он скрылся за пыльной грядой, оставив Бэльяна в подавленном настроении.

«Я больше не в силах вообразить мир за пределами Каира», – спокойно подумал он, но предчувствие, что воображение его может стать еще более убогим, глубоко его опечалило.

Глава 10
Каирские уродцы

Все приезжие испытывают трудности, пытаясь выбраться из Каира. Он разворачивается, точно история, которая никогда не закончится. Слушатели мои в этом городе чужие. Он привлекает их (если вообще привлекает) именно своим экзотическим характером. До сих пор я всячески старался особо выделять экзотические элементы своей истории. Как и на сей раз, в случае с уродцами. Называя их уродцами, я никого не хочу обидеть. Есть люди, которые и меня сочли бы уродцем…

Карлик спал и думал. По крайней мере думал, что спит. Он прислушивался к ритму своего храпа. Да, он спит. Однако подождите минутку. Его ли это храп? Он вслушался в этот ровный ритм повнимательней. Не Ладу ли издает эти гнусавые скрипучие звуки? Нет, постойте, быть может, он имел в виду Барфи, а он-то и есть Ладу, слишком утомленный, чтобы думать в столь поздний час? «Если я не могу ясно мыслить, – подумал он, – так это наверняка потому, что я сплю. Во сне трудно мыслить как следует. Нет – попросту невозможно. Я уверен, что сплю. Во-первых, потому что не думаю. Во-вторых, потому что храплю, а если и не я, тогда храпит кто-то, кого я не могу отличить от себя самого, так что никакой разницы нет. В-третьих, я не шевелюсь. В-четвертых, я ничего не вижу.

Разумеется, – подумал он в миг ночного озарения, – это не исключает возможности, что я вижу сон и снится мне, будто я сплю. Это, конечно, странно, но вполне вероятно. Прохожие правильно делают, что не верят словам, которые спящие произносят во сне. Будь я моим напарником Ладу (а может, я имею в виду Барфи?), я бы, безусловно, не поверил мне, услышав, как от моей лежащей фигуры доносится голос: «Я сплю». Я бы сказал себе, что человек, коему принадлежат очертания лежащей фигуры, либо притворяется, либо заблуждается и заслуживает хорошего пинка, который прочистит ему мозги».

Тьма оглашалась храпом. Он лежал, взвешивая доводы за и против получения пинка – то ли от друга, то ли просто от случайного прохожего. Конечно, физически это больно. Но зато потом наступило бы значительное просветление рассудка.

Затем в голову ему пришли досужие мысли о том, чей пинок вызвал бы у него меньше возражений – Барфи или Ладу? Возможно, это был один из способов установить, кто из двоих –

он. Возможно. По зрелом размышлении он решил, что предпочел бы получить пинка от Барфи. Так означает ли это, что он – Барфи и что только ему, Барфи, надлежит и подобает корректировать и прояснять его мыслительные процессы, или же это означает, что теперь он признает Барфи его, Ладу, лучшим другом?

Ох уж этот храп! Неужели ото и в самом деле храпит он? Если так, то храп мешает ему уснуть, а это невыносимо. Судя по тому, что приходило ему на память о склонностях и чувствительности явно похожих натур Барфи и Ладу, вряд ли кто-нибудь из них стал бы терпеть подобный шум даже одну минуту. Если, конечно, они не спят. «Если мы с ним не спим, – уточнил он.– И все равно храп кажется оглушительно громким. Наверное, он уже одного из нас разбудил?»

– Ты не спишь? – крикнул он в темноту.

– Нет. Я уже проснулся, – прозвучал утешительный ответ.

– Это не я тебя разбудил?

– Сам не знаю.

Потом он вдруг осознал, что храп уже прекратился, но кто из них перестал храпеть, дабы принять участие в разговоре? Затронуть этот вопрос было бы непросто. По двум причинам. Во-первых, ни один человек не любит, когда ему намекают на то, что он храпит. Во-вторых, еще меньше нравится человеку сталкиваться и общаться с индивидами, которые, жестоко заблуждаясь, полагают, будто они – это он. Оба утверждения могут быть истолкованы как оскорбительные.

– Говорят, храп добродетельного человека – услада для слуха Божьего.

Долгая пауза, затем прозвучал ответ:

– И еще говорят, что Бог никогда не спит.

Следовало избрать другой путь.

– А знаешь, я сейчас проснулся и не мог понять, кто я такой. Так и лежал в темноте, безликий и безымянный. Я даже подумал, что, быть может, я – это ты! Такова была степень моего смятения после пробуждения от снов, что я не мог припомнить ни одной черты, которая отличала бы меня от тебя.

– Должно быть, это очень мучительно. Случись такое со мной, я бы страшно расстроился. Умоляю, скажи мне, что в конце концов помогло тебе провести решающее различие между двумя нашими натурами?

Ответить было трудно. Потом он вспомнил, что вместе с ними в комнате теперь живет некто третий. Этой ночью, как и в последние несколько ночей, человек, страдающий Арабским Кошмаром, сопровождал их домой от лотка со сладостями близ ворот Зувейла.

Человек, страдающий Арабским Кошмаром, лежит в углу их комнаты, свернувшись калачиком и дрожа. Для него их еженощный диалог – всего лишь продолжение его страшного сна, их мысли и слова – всего лишь эхо его бреда. Ибо в кошмаре своем он тоже не в силах отличить ни Барфи от Ладу, ни вздор, что они городят, от вздора, который бормочут во сне. Столь жалкие плоды фантазии Алям аль-Миталя едва ли существуют вообще. Мысли его путаются от боли, но в голове продолжает шелестеть и посвистывать причудливая бессмыслица.

– Но быть Барфи – значит не быть Ладу. Быть живым как Барфи – значит быть мертвым как Ладу. Быть живым как человек – значит быть мертвым как лошадь. Быть мертвым. Не знать, что ты мертв. Не быть, не быть даже тем, что само не знает о собственной смерти.

Когда-нибудь он непременно умрет и, будучи мертвым, не станет тревожиться даже по поводу того ужасного состояния, которое так тревожит его сейчас. Лучше веками лежать во тьме, чем быть по-настоящему мертвым.

– И все же, когда я сплю здесь, сейчас, я не знаю, султан я или нищий. С таким же успехом я мог бы и умереть.

Человек, страдающий Арабским Кошмаром, ворочается и всхлипывает.

Перед ним возникают широко раскрытые глаза и утиные носы Барфи и Ладу. Он видит, что карлики на него набросились. Они решили, что это он храпел, и теперь пытаются его растормошить. Он силится сопротивляться, но все его усилия лишь приближают пробуждение, и мысли его начинают превращаться в образы.

Ему снится, будто он будит людей, которым снится, что они трясут видящих сны людей, пытаясь их разбудить, – все вместе напоминают вереницу спотыкающихся слепцов, рука каждого лежит на плече впереди идущего. Он слышит, как червяк созывает своих собратьев и как собратья червяка домогаются своего мерзкого пиршества.

Обезьяна гремит своими цепями. Он заглянул в «Сон Старого Паломника» и прочел там, что ему нельзя туда заглядывать. Наяву его разыскивают, и если его опознают и выволокут на свет Божий его ночные кошмары, то он научится со страхом ожидать каждого сна. Ночь от него ускользает.

Поиски Бэльяна Отец с Вейном вели бессистемно, ибо Отца уже занимали новые планы, а Вейну так толком и не объяснили, зачем вообще его надо разыскивать. Замыслы Отца были, казалось, близки к осуществлению, он стоял рядом с Вейном и с таким видом, словно, как отметил про себя Вейн, неминуемо

приближался конец его жизненного пути, благодушно предавался воспоминаниям.

Они стояли перед клеткой сомнамбулы, неподалеку от ворот Зувейла.

– Я создал его, пока вы были в Константинополе, – едва не мурлыча от гордости, произнес Отец и внимательно посмотрел Вейну в глаза, дабы выяснить, оценен ли по достоинству его талант, и убедиться, что Вейн не посмеивается про себя над стариковским тщеславием. Вейн, однако, уже научился никогда не улыбаться, если того не требовалось Отцу, поэтому Отец продолжал: – Один из улемы аль-Азхара заявил, что люди видят сны только за миг до пробуждения, а развитие событий и ощущение продолжительности действия – это ретроспективно возникающая после пробуждения иллюзия. Вот я и решил публично доказать, что он не прав. Я приобрел этого субъекта в качестве раба – кстати, его настоящее имя Хабаш – и разослал приглашения докторам из аль-Азхара, попросив их прийти в одну из ночей месяца мухаррама в Дом Сна и увидеть, как продемонстрирую истинную природу сновидений. Демонстрация состоялась в подвале. Я велел снадобьями довести раба до бессознательного состояния, и Хуссейн привязал его ремнями к полу. Ему обрили голову над средней частью черепа.

Цель моя была в том, чтобы вырезать железу, благодаря которой человек способен отличать сон от яви. Поэтому я сделал надрез – так близко к макушке черепа, как только мог в неровном свете факела. Хотя до этого мне уже доводилось делать трепанацию, проникнуть в череп, а потом удалить кость оказалось намного труднее, чем прежде, но железа, к счастью, находится у самой поверхности черепа, и я почти не уклонился от сделанной мною отметки. Я удалил железу, а пациент продолжал дышать так же тяжело, как на протяжении всей операции.

Долгое время ничего не происходило. Мы выпили чаю, и доктора принялись нести всякую околесицу об определении местонахождения духа в теле. Затем один из моих слуг обратил наше внимание на тот факт, что пока мы болтали, глаза Хабаша открылись. Я бы сказал, скорее расширились, ибо раскрылись они до последних возможных пределов, и белки вокруг зрачков были видны целиком.

Зрачки, однако, безостановочно двигались из стороны в сторону, и все тело Хабаша тряслось и подергивалось под ремнями. Я распорядился, чтобы его развязали и поставили на ноги. Так и было сделано, хотя он, казалось, абсолютно этого не осознавал. Он стоял посреди подвала, пристально глядя в угол, где никого не было. Слов его нельзя было разобрать. Он стоял,

говорил и столь убедительно улыбался, глядя в этот темный угол, что мои невольники, дабы доказать самим себе, что там никого и ничего нет, принялись тыкать туда факелами.

Кроме того, всем нам было ясно, хотя никто и не осмелился по этому поводу высказаться, что у него началась эрекция. Доктора из аль-Азхара были в панике. Да и некоторые из моих невольников тоже. Они решили, что он разговаривает с джинном.– Отец улыбнулся.– Но к джиннам с улыбкой и эрекцией не обращаются. Я встал и объяснил, что вырезал своим ножом тормозящий орган, который мешает нам пользоваться нашим телом, а также и разумом, в сновидениях. Некоторые считают, что театр сновидений расположен только в голове, но мой негр во всех отношениях грезил у меня в подвале. Думаю, доктора были слишком потрясены, чтобы внимательно слушать мои объяснения, и один из них возразил, сказав, что пациент не спит, а находится под действием снадобий. Мы наблюдали, как он обращается с просьбой к своей невидимой даме, как получает категорический отказ и как затем совершает явно успешную попытку ее изнасиловать. Потом он в изнеможении рухнул на пол.

Доктора признались, что все это вызывает у них отвращение, и ушли, но, как выяснилось, на подобные зрелища существует спрос, и здесь, у ворот Зувейла, Хабаш уже выручил немалые деньги.

– Интересный эксперимент, – учтиво пробормотал Вейн.

– Демонстрация, а не эксперимент. Результат был мне известен заранее.

Вейн стал наблюдать. Клетка Хабаша занимала центральное место в ряду прочих аттракционов. Здесь были заклинатели змей, шпагоглотатели, йоги и им подобные. Хабаш-сомнамбула спал (ибо уже было поздно) на ногах и в движении – приплясывая, испуская вопли и шевеля пальцами высоко поднятых рук. Время от времени, совершив резкое, неуправляемое телодвижение, он с грохотом ударялся о прутья клетки и стоял, вцепившись в прутья, ненадолго проснувшись, после чего вновь с хныканьем погружался в сон. Одни зрители отпускали язвительные замечания, другие сидели, разинув рты. Вейн почувствовал слабую тошноту. Тошнило его не от жестокости, а от вульгарной чванливости его наставника, безусловно ученого и умелого.

– Это первый из каналов, по которым Алям аль-Миталь смог ворваться в реальный мир.– Отец энергично взмахнул рукой, потом нахмурился.– Хорошо, что его держат в клетке. Его нынешний владелец сказал мне, что в последнее время ему начали сниться убийства.

Хозяин объявил публике о присутствии Отца. В обращенных на них с Вейном взглядах толпы чувствовалась смесь уважения и неприязни. Вейн предположил, что для этих людей Отец ничем не отличается от тех хирургов, которые дают нищим заработать на жизнь, уродуя их детей.

В смущении двинулись они прочь от ворот Зувейла.

– Противоположный случай не менее интересен, и я им тоже занимался. В этом случае Дунья, реальный мир, использует некий канал для того, чтобы перетечь в Алям аль-Миталь. Чести стать таким каналом удостоился один весьма заурядный человек, но это был мой пациент – бакалейщик по имени Абуль Меджид. Ему снится, будто он лежит на своем тюфяке и спит. Когда ему снится, что за окном идет дождь, за окном идет дождь, а когда ему снится, что кто-то входит в комнату, кто-то входит в комнату. Таковы все его сны – очень скучные. Человек он странный, унылый, и снятся ему странно унылые сны, но, думаю, совсем не трудно понять, что это именно сны. Абуль Меджид видит сны с закрытыми глазами. Если кто-то входит в его комнату, а ему снится, будто он видит, как кто-то входит в его комнату, то он заблуждается, ибо глаза его закрыты.

Решается эта логическая задача легко, но бакалейщик пришел ко мне не ради уроков логики. Он пришел, потому что жизнь его пожирает чудовищная скука. Я до сих пор занимаюсь его лечением. Надеюсь, что при соответствующем питании у него вскоре начнутся кошмары.

Он помолчал.

– И все же нельзя не признать, что многие из расстройств, которые мы лечим, являются расстройствами, связанными с логикой. Стоит лишь указать пациенту причину, которая лежит в основе его заблуждения, и он как бы чудом выздоравливает. Таинственная депрессия развеивается. Вам такие примеры известны. Сапожнику Ахмеду снится, что он принц Хасан, которому снится, что он сапожник Ахмед. Эти люди открыто признают, что не способны отличить сон от яви, и говорят, что погибают от парадоксов.

Не приходится сомневаться, что подобные недуги являются результатом того, что образы, которыми привыкли мыслить эти люди, не соответствуют реальному положению дел. Сон и явь они мысленно представляют себе в виде неких вместилищ и думают, что либо сон заключен в оболочку яви, либо явь содержится внутри сна. Однако, как известно, сон и явь – не коробки, и их взаимосвязь следует рассматривать совсем по-другому. Вот почему столь важно было научить вас видеть сны в ясном сознании.

– Было?

– Было. Скоро подобные способности утратят смысл. Время не стоит на месте. Грядут перемены.

– Нет, в этом городе никогда ничего не происходит. Здесь только постоянно ждут, что вот-вот что-то случится.

Вейн надеялся увлечь Отца этой темой, но тот лишь уставился на него и принялся что-то фальшиво насвистывать сквозь сохранившиеся зубы. Потом:

– Кстати, забыл спросить. Как продвигаются ваши поиски? – Еще один загадочный пристальный взгляд.

– Да, забыли. Никак.

– Ну-ну. Похоже, и сегодняшние поиски безрезультатны. Предлагаю поручить охоту на Бэльяна мамлюкам. Тем более, что скоро его начнут разыскивать и другие люди. У меня дела в городе, но я жду вас к обеду.

И на этом они расстались.

Вейн пошел дальше, наслаждаясь прохладой предвечернего часа. Пересекать открытые пространства города было все равно, что двигаться по шахматной доске, холодной и темной в тени, ярко освещенной и теплой в местах, куда еще проникал солнечный свет. Он уже переходил темную площадь близ Баб-аль-Лука, где стояли дома богатых купцов, когда высоко в полумраке створного окна верхнего этажа увидел лицо, пристально смотревшее на него. Лицо было женское, пухлое и круглое, лучившееся серебристым светом, словно луна. Вейн остановился. Сердце у него билось учащенно и ныло, будто его стискивала и встряхивала чья-то невидимая рука. Фатима, это наверняка Фатима, но она так бледна! Женщина за окном молча показала на дверь внизу.

У двери сидела и пила пиво старая мавританка. Когда он входил в дом, она странно на него посмотрела и принялась энергично качать головой. Внутри было темно, но Вейн сумел разглядеть впереди широкую каменную лестницу и начал подниматься. Поднявшись примерно на дюжину ступенек, он почувствовал, что кто-то тихо крадется за ним, ступая шаг в шаг, но издавая при этом странные шлепки. Вейн обернулся, напружинившись и сжав кулаки, готовый, если понадобится, наброситься на своего невидимого спутника, но фигура позади него тоже замерла и громко закашлялась. Потом, на гортанном арабском:

– Ступайте наверх. Она ждет вас.

Вейн бросил вниз несколько монеток, стремительно поднялся к двери и вбежал в комнату.

– А вот и Майкл Вейн, лжерыцарь, который так и не был еще

посвящен!

Дверь у него за спиной захлопнулась.

– Привет тебе, Рыцарь Снов!

– Добро пожаловать к помощнику гробовщика!

– Ты пришел к нам.

– Ты нашел свою шлюху.

– Милости просим. Нам надо с тобой потолковать.

– Если ты еще не видел нас во сне, то сейчас мы тебе приснимся.

– Успокойся. Твоей жизни ничто не угрожает.– Смех.

Посреди пола свеча. Серебристые и белые блики. Колышущиеся белые шторы. Две пятнистые руки, сжимающие рукоять меча. Тленный запах.

Глаза Вейна освоились с темнотой. В комнате полукругом стояли, опираясь на свои двуручные мечи и едва заметно покачиваясь, восемь рыцарей в полных доспехах, но без шлемов. Один из них, стоявший в центре, заговорил:

– Я Жан Корню, Великий Магистр рыцарей ордена Святого Лазаря Иерусалимского.

– Не пойму, кто вы и что это такое?

Но Вейн знал, кто он и что это за орден. Много лет назад он видел рыцарей Лазаря на острове Родос, где их вождей взял под свое покровительство куда более могущественный родосский орден рыцарей-госпитальеров. Орден Лазаря был немногочисленным братством воинственных монахов, насчитывавшим меньше сотни рыцарей, и многие из этих рыцарей были глубокими стариками. И все же, как обнаружил впоследствии Вейн, они нагоняли неописуемый страх на иноверцев, поскольку были Прокаженными Рыцарями, которые, как считалось – без сомнения, ошибочно, – не испытывали боли в сражении. Внимательно посмотрев на лицо Жана Корню, он увидел мерцающие белые пятна, похожие на вживленные в кожу зубы.

– Сегодня мы собрались здесь, чтобы встретиться с тобой, правда, ненадолго, ибо в городе нас ждет и другая работа. Мы хотим тебе кое-что предложить.

Вейн хранил молчание.

– Мы с Фатимой, – спокойно продолжал Жан Корню, – надеемся, что взамен ты сумеешь кое-что для нас сделать.

– Вполне возможно. Но сначала скажите мне, какое отношение имеет к вам Фатима и где она?

Корню вскинул брови и многозначительно развел руками.

– К кому же ей еще прийти, как не к братьям Святого Лазаря? Ты ее довольно быстро забыл, но Братство отнеслось к ней с

большим вниманием.

От запаха и спертого воздуха у Вейна закружилась голова.

– Это неправда. Она ушла, ничего мне не сказав. Я не знал, клянусь. Где она?

– И тебе, и нам известно, что клятвы твои ничего не стоят. Она в соседней комнате. Все, что мы имеем сообщить, ты услышишь от нее.

Один из прокаженных рыцарей подошел к нему, чтобы проводить в соседнюю комнату. Когда дверь распахнулась, в лицо Вейну ударил порыв такого густого зловония, что от него, казалось, заблестел воздух. Он отпрянул, потом все же вошел. Ему пришлось пригнуться, ибо потолок был очень низкий. Фатима стояла, прижавшись к дальней стене так, словно плоть ее затвердела и впечаталась в потрескавшуюся штукатурку.

Вейн заговорил:

– Ты хотела меня видеть?

– Нет, как раз наоборот.– Она с трудом шевелила губами.– Я образ, а не тот, кто его вызывает в воображении. Ты знаешь, что я ничего не вижу, ибо существую только в глазах других людей.

– Тогда скажи, Фатима, ради Бога, чего ты хочешь? Скажи.

– Ничего. Я ничего не хочу. Желаний у меня быть не может. У сестры моей, пожалуй, одни лишь желания, но не у меня. Я всего лишь плод воображения. Существуй я в действительности, я желала бы смерти Кошачьего Отца, но я всего лишь плод воображения, а как плод воображения может желать смерти своему творцу?

– Если ты плод воображения, то воображение, тебя создавшее, прекрасно, – сказал Вейн, приближаясь к этому бледному, бесстрастному лицу.– Позволь мне обнять тебя.

– Не надо. Ощущение будет не из приятных.– Она опустила глаза и дернула левой рукой за указательный палец правой.– Но, возможно, это будет напоминать тебе обо мне до тех пор, пока я вновь не приду.

Палец оторвался, и она сунула его Вейну в руку. Он упал в обморок и, похоже, долго лежал в бреду, видя мерзкие сны. Очнулся он уже на улице и понял, что пристально смотрит на мавританку с ее кувшином пива. В руке у него ничего не было. Он с трудом поднялся и, пошатываясь, опять вошел в дом. На лестнице его догнала та же издававшая шлепки фигура.

– Все ушли, сударь. Больше вы здесь никого не найдете.

Это была чистая правда. В темноте Вейн вернулся в Дом Сна.

В ту ночь в Доме Сна был еще один гость…

Глава 11
Правители Каира

Я обещал своим слушателям, что они познакомятся с Фатимой Смертоносной, и вот это произошло. По крайней мере я их не обманул. Всему Каиру я известен как правдивый рассказчик и опытный гид при осмотре здешних чудес. Безусловно, есть у меня и свои слабости… придется на минутку умолкнуть, чтобы, достать из уха насекомое. Нет, это просто сера. Смотрите! Интересно, откуда берется это вещество? В нем наверняка есть примесь уличной пыли, но само воскообразное вещество попадает туда отнюдь не с улицы. Должно быть, оно образуется внутри головы – возможно, в мозгу. Занятно, если оно возникает в мозгу… Однако я заболтался. Как я уже сказал, есть у меня свои слабости.

Когда я обучался ремеслу сказителя, меня учили никогда не заигрывать со слушателями. Подмигивания и многозначительные жесты считались неэтичными. Касасиуны, магистры гильдии сказителей, были строги. В пору ученичества мы неизменно испытывали смертельный страх, когда неумело пытались рассказывать свои истории, ибо касасиуны время от времени, хорошенько закутавшись, никем не узнанные, смешивались с толпой, слушавшей новичков, и если кто-то из незадачливых учеников досаждал, по их мнению, публике собственным артистизмом или, того хуже, приковывал чье-то внимание к собственной персоне с целью обольщения, тогда касасиуны выходили из толпы слушателей и, сбросив бурнусы, палками вышибали из юнца спесь.

На это у нас с ними всегда были разные точки зрения. Если слушатели мои хранят молчание, я начинаю к ним взывать. Я люблю иногда прервать рассказ, дабы поговорить с кем-нибудь из публики, тогда как собратья мои касасиуны подчеркивают, что это не только является признаком дурного вкуса, но и вызывает у слушателей раздражение. Слушатели терпеть не могут, когда их подобным образом выделяют из толпы. Они предпочитают воображать, будто остаются невидимыми для рассказчика. Причем касасиунов готовили к тому, чтобы всячески им в этом потакать, но меня фантазии публики выводят из терпения. Я всегда внимательно наблюдаю за слушателями и, даже рискуя возбудить их враждебность, взываю к ним, дабы напомнить о повседневной реальности – и о себе. Грязном Йолле.

Разные точки зрения у нас с касасиунами были почти на все, и воспитывали меня в строгости. Начинал я в Татарских

Развалинах. Тогда у меня не было ни музыканта с ребеком, ни мальчика, разносящего кофе и собирающего деньги, ни трона, сидя на коем можно было бы вести рассказ, – только круг, начерченный в пыли. Когда при мне была обезьяна, я пользовался ею для привлечения публики, а рассказывая истории, я зорко следил, не появились ли касасиуны. Обычно мне удавалось узнать их, даже в хламидах, по тому, как старательно изображали они во взглядах своих вялость и безразличие. Но даже при этом в юности я не раз бывал бит, пока пытался в совершенстве овладеть искусством отступления от темы.

Но довольно обо мне. В главе, которая следует ниже, меня нет и в помине…

Кайтбей, султан Египта, боялся засыпать. Под присмотром охранников-хазакиев и лекаря он лежал с закрытыми глазами, пытаясь заставить себя уснуть, полный решимости не шевелиться, но испытывая внутри тошнотворный страх.

Частенько поднимался он такими ночами со своего ложа страданий и, накинув в целях маскировки джаллабу, выходил из Цитадели, сопровождаемый только слугой – дегустатором блюд на предмет отравы – и чернокожим евнухом Масруром. И вот вновь настала такая ночь. Выйдя за ворота потерны, он вдохнул воздух и решил, что не прочь навестить Кошачьего Отца, поэтому вся троица устремилась на север, к старой фатимидской части города. Султан упивался видом нищеты и мерзости запустения. У самых ворот потерны им встретился на дороге прокаженный с мечом. Немного подальше, в Татарских Развалинах, султан и его спутники миновали молодого нищего, спавшего на стене, и заметили, что рот его окаймлен запекшейся кровью. Сразу за пределами старой части города, на площади ворот Зувейла, они остановились посмотреть на негра, танцевавшего в клетке.

Там, близ ворот Зувейла, народ толпился всю ночь напролет. Султан старался внимательно вглядываться в лица, ибо помнил, как давадар высказал ему на днях мысль о том, что для каждого лица, какое только можно вообразить, Бог сотворил соответствующую личность. «Да, – бормотал про себя султан под своим капюшоном, – у кого-то обязательно должен быть и такой тип лица». Высказывание давадара произвело на него сильное впечатление; оно странным образом утешало.

Размышляя над этими и подобными словами, Кайтбей приблизился к Дому Сна, постучал и вошел, не подозревая о том, что за ним, как и за всеми в Каире, наблюдали при этом некие больные старые нищие.

Когда султан и его спутники величаво входили в ворота Дома

Сна, привратник почтительно поклонился. Потом ворота за ними захлопнулись, ибо в ту ночь Кошачий Отец гостей больше не ждал. Отец поднялся навстречу им из подвала. Он попытался поцеловать султанову ступню, ко султан убрал ногу под широкие одежды и поднял старика. Султана проводили в колоннаду на противоположной стороне внутреннего двора, где им постелили подушки, но султановы спутники уселись на коврики у входа, где им и предстояло провести остаток ночи за негромкой болтовней. Внесли и поставили посреди двора растопленную ради освещения, а не обогрева, жаровню. Ночь была жаркая и безветренная, и султановы слуги кротко обливались потом в своих широких одеждах. Кошачий Отец с султаном, удобно усевшись, несколько минут молча разглядывали друг друга. Они были очень похожи – два тощих, чахлых седобородых старца, каждый из которых привык пользоваться абсолютной властью.

– Мир вам, о султан.

– И вам, о Кошачий Отец.

– Мир вашему дому.

– И вашему тоже.

– Как ваше здоровье?

– Хорошо. Здоровье хорошее, хвала Господу.

– Благодарение Господу.

– А как ваше здоровье?

– Хорошо, очень хорошо, хвала Господу.

– Благодарение Господу.

– А дом как?

– Все прекрасно в моем доме, хвала Господу.

– Хвала и благодарение Господу.

– А ваш дом? Как дела в вашем доме?

– Прекрасно, как видите. Вы почтили его своим присутствием, хвала Господу.

– Благодарение Господу. Говорят, и это истинная правда, что в доме вашем оказывают столь широкое, столь безграничное гостеприимство, что гость дома этого забывает даже, гость он или хозяин.

– Султан изволит шутить. Гостеприимство дома моего пока что есть не более, чем самый тусклый из отблесков, в коих отражаются отблески гостеприимства и великодушия султана, чья слава в этом отношении простирается до границ известного нам мира и о чьей необыкновенной щедрости ходят толки даже среди животных и джиннов.

– Господь осчастливил меня многим, в том числе и славой, которую я мало чем в жизни заслужил, но не дружба ли Кошачьего Отца есть величайшее из благ, что он мне ниспослал?

– Личность султана столь совершенна, что, боюсь, никогда ему не обрести наперсников, достойных его бесчисленных заслуг.

– Такие восхваления из уст мужа столь ученого и мудрого уже превосходят все, что я заслуживаю.

– Лишь с возрастом человек мудреет. Под великодушным владычеством вашим, о султан, Господь благословил Египет, и всяк может мудреть и богатеть по своему желанию.

– Говорят, богатые и мудрые есть столпы сильной власти государственной.

– Говорят также, что основательное знание разумных принципов есть девять десятых мудрости.

– Благодарение Господу.

– Благодарение Господу.

Пара вздохов и неловкое молчание.

– Гостеприимство дома моего к вашим услугам. Не возражает ли султан, если я приготовлю ему тот напиток, что он изволил отведывать здесь во время прошлых визитов?

Очередная пауза. Подошла пара кошек, желавших, чтобы их погладили. Султан знал, что Отец имеет в виду содержащее опиум снотворное, которое он уже принимал, когда приходил ночевать в дом Отца.

– С удовольствием воспользуюсь некоторыми проявлениями вашего гостеприимства.

Отец хлопнул в ладоши и приказал приготовить смесь на глазах у султана. Пока приказ исполнялся, султан негромко откашлялся и сказал:

– Все прекрасно у меня и в доме моем благодаря благословению и покровительству Господа, милосерднейшего и всеведущего.– Он запнулся.– Но в последнее время, должен признаться, меня немного раздражают кое-какие мелочи, которые в иное время я бы безусловно счел забавными.

– А!

– В мой город прибыли Веселые Дервиши, от чьих ребяческих выходок ни один человек не защищен. Откуда взялись эти безрассудные люди?

– А-а.

– Кроме того, несколько дней назад мои блюстители порядка сообщили мне, что они арестовали человека, который был во всех отношениях моим двойником – с моим лицом, моими глазами и даже в моей одежде.

– Вашим двойником? Нашли вашего двойника? Успокойтесь, мой султан. Каждая человеческая личность существует в двух частях. У меня тоже есть двойник. Есть часть меня, что сидит здесь и разговаривает с вами, и есть часть, которая – не я и о

которой вы ничего не знаете. Крайне редко бывает так, что один осознает существование другого, хотя в некотором смысле жизнь без двойника – всего лишь полжизни. Интересно, знаете ли вы Шикка, или хотя бы слышали о нем?

– Имя, безусловно, знакомое, но не припомню, чтобы мне его представляли.

– Шикк – это полчеловека. У него один глаз, одно ухо, одна рука и одна нога.

– Хотелось бы познакомиться с этим чудом.

– Увы! Он не из ваших подданных. Они с его собратом Саатихом обитают в Алям аль-Митале. Но, возможно, вы с ним повстречаетесь. Алям аль-Миталь вплотную приблизился к земле. Случай Шикка чрезвычайный, но даже при этом можно сказать, что человека, лишенного тени, мало что держит в этом мире.

Султан не скрывал своего недоумения:

– Но в отношении того человека, который походил на меня – не хотите ли вы сказать, что я напрасно приказал казнить его за наглое самозванство?

– Ах, так вы его казнили? – Султан не заметил, что злобный старикашка смеется над ним в бороду.– Как вам известно, дела, что творятся наяву, меня не касаются. Я не визирь ваш и не давадар. Нет у меня права распоряжаться жизнью и смертью ваших подданных. Я всего лишь скромный человек, интересующийся тайнами жизни.

Напиток был уже готов и в медном кубке поднесен султану. Принесли на блюде несколько пироясных. Султан щелкнул пальцами, с другой стороны двора подошел дегустатор, отведал парочку пирожных, затем отпил глоток из кубка. Скорчив гримасу, он передал кубок султану. Султан, непрерывно гримасничая, допил содержимое. Пойло было мерзкое на вкус. Дегустатор ядов вернулся на свое место.

– К тому же возможны неприятности с нашими правами на пастбища вдоль анатолийской границы. Оттоманы будут оспаривать…

Отец грубо оборвал его:

– Говорю же, меня это не интересует. Я ваш учитель сна. Расскажите мне о вашем сне и о ваших сновидениях.

Кайтбей оперся на локоть. Он начинал чувствовать некоторое успокоение.

– Отец, мне страшно засыпать. Боюсь, у меня Арабский Кошмар.

– У вас его нет.

– Нет? – В голосе султана звучало недоверие.

– Я умею его распознавать. Жертва по-особому выглядит.

Страдания, которые он приносит, опустошают. Отдыхайте спокойно. Арабский Кошмар вас еще не затронул.

– Есть в моих снах и еще кое-что.

– Да?

– Непосредственно меня это не касается, разве что как вашего друга. Мне приснилось, будто я издалека вижу, как вы выходите из Дома Сна. Вы тоже меня увидели и направились ко мне, чтобы поздороваться. Но из Дома Сна вышел еще один человек и подкрался к вам сзади на расстояние вытянутой руки. Я видел, что в руках он сжимает кинжал, но стоял, будто пораженный параличом, не в силах спасти вас, когда он подошел еще ближе и вонзил кинжал вам в спину. Так что мой вам совет, дорогой друг, – берегитесь. У вас много врагов, а я, возможно, не всегда смогу вас защитить…

Тут Отец прервал его. Он был в ярости.

– Несчастный старик! Почему вы его не спасли? Почему не предупредили? Разве можно спокойно смотреть, как гибнут друзья? Зачем вы так поступили?

Кайтбей обиделся:

– Я же сказал. Меня парализовало, и к тому же это был сон, предзнаменование, исходящее от духа, что нас оберегает.

– Чушь! Что за вздор! Сны – это ни в коем случае не предзнаменования. В них события не предсказываются.

Но в душе Отец был встревожен, ибо знал, что хотя сны нельзя считать предсказаниями, порождать события они способны. (Вейна, который подслушивал, укрывшись в тени, султанов сон тоже встревожил.) Отец, ничем не выдав своего беспокойства, сделал негодующий жест и продолжил:

– Но сон этот вовсе не о том, о чем вы подумали. Старик, которого убили на ваших глазах, – это вы, а не я.

– Я?

– Да, вы. Вы видите сны только о себе, под какой бы личиной ни прятались. В ваших снах вас символизирую я. Мне оказана эта честь.

– Значит, мне приснилось мое собственное убийство?

– Нет. Вам снилось то, чего вы хотите. Вы всегда видите во сне только то, чего хотите, как бы это ни было завуалировано. В данном случае смерть – символ сна, старшего брата смерти, глубокого сна без сновидений. Ваше желание погрузиться в такой сон и привело вас сегодня ко мне. Ничто не означает того, что, казалось бы, должно означать. Все указывает на нечто иное. Однако, если вы в состоянии запоминать подобные сны, Арабского Кошмара у вас попросту не может быть, ибо за муками его неизменно следует блаженное забвение. Можно еще

добавить…

– Добавить? – Глаза султана уже начинали затуманиваться, хотя сидел он все еще прямо.

– Конечно, есть что добавить! Что толку было учить вас, если в снах своих вы сидите парализованный и смотрите, как убивают друзей и насилуют ваших жен, как рушатся ваши дворцы? Нет, вы должны вмешиваться, повелитель мой, и вмешиваться активно. Сегодня ночью попробуем еще раз.

Кайтбей тяжело опустился на подушки. Он слишком устал, чтобы реагировать на ярость своего учителя. Ему стало интересно, неужели Отец обижается за то, что был убит в чужом сне.

– Вы не совсем разрешили мои сомнения относительно Арабского Кошмара, о Кошачий Отец. Конечно, когда я не сплю, мне известно, что Бог никогда не допустит, чтобы защитник правоверных стал жертвой этого недуга. Лишь в снах моих я испытываю этот страх, в снах моих я столь смущен, что мне никогда не удается убедиться в отсутствии недуга.

– Только в снах своих вы боитесь, что у вас Арабский Кошмар? – Казалось, Отец был доволен.– Вот, наконец, и признак того, что вы делаете успехи. В своих сновидениях вы до известной степени начинаете добиваться некоторой ясности сознания. Теперь расслабьтесь, закройте глаза и вспомните, во сне или наяву, что вы султан.

Кайтбей не сразу закрыл глаза, и некоторое время звезды раскачивались над ним, как безумные, но потом их закрыли отяжелевшие от наркотического снадобья облака, а Кошачий Отец опустился подле него на колени и принялся что-то шептать ему на ухо.

Под утро, незадолго до молитвы фаджр, Отец спустился во двор и, убедившись, что султановы спутники ничего не видят, дал ему пинка под ребра. Потом он продекламировал все еще нетрезвому султану старую арабскую пословицу:

– Кто спит треть ночи, тот чувствует себя не хуже человека, проспавшего полночи, но тот, кто спит всю ночь, проснется идиотом.

Закутавшись в свои шерстяные одеяния и дрожа, султан и его спутники вышли на серые, туманные улицы Каира. И вновь они не остались незамеченными.

В тот же день, занимаясь сложным и в конечном счете неудачным препарированием кошачьего мозга, Отец утомленно прервал операцию и начисто вытер инструменты. Он посмотрел на окровавленную кошку.

– Каждый человек убивает то, что любит.– Потом он

насмешливо уставился на Вейна.

Вейну стало интересно, кто кого должен любить и убивать, но он нахмурился и промолчал.

Отец, однако, тему менять не собирался.

– Вы когда-нибудь убивали, Вейн?

Вейн, в ужасе от своей очевидной лжи, решительно покачал головой.

Отец вскинул брови и вяло улыбнулся.

– Напрасно! Убейте человека, Вейн. Убивать полезно. Кто убил человека, тот спит спокойно.

Вейн, с трудом ворочая языком, ответил, что, как он всегда полагал, убийцы, у коих совесть нечиста, спят очень плохо. Отец отказался признать правдивость сей базарной небылицы и заверил Вейна, что мужчине, дабы стать мужчиной полноценным, нужно сделать пять вещей: покурить опиума, переспать с чужой женой, обучиться какому-нибудь ремеслу, совершить паломничество в Мекку – и убить человека.

Когда в тот вечер Отец вышел из дома, Вейн, охваченный внезапным приступом веселья или желанием убивать – он и сам толком не знал, чем именно, – последовал за ним. Отец шел медленно, по-видимому глубоко задумавшись. Вейн на цыпочках крался за ним, вынув из-за пояса кинжал. Так они и проходили улицу за улицей – старик, державший путь к неведомой цели в западной части города, и Вейн с кинжалом, постоянно занесенным над ним, в дюйме-другом от спины. Вейн решил, что, если Отец обернется, он вонзит кинжал. И в самом деле, другого выхода у него бы не было. Потом они вдруг оказались на запруженном народом открытом пространстве перед воротами Зувейла. Отец смешался с толпой, и Вейн волей-неволей вынужден был вновь сунуть кинжал за пояс.

Затем он той же дорогой направился в сторону квартала Эзбекийя, намереваясь провести этот вечер, как и несколько предшествующих, в почти наверняка тщетных поисках беседки, где Бэльян, по его словам, встретился с Зулейкой, но, немного не дойдя до Эзбекийи, он, к радостному своему удивлению, увидел или подумал, будто увидел желтые одежды и знакомую фигуру Зулейки.

– Зулейка?

Но по запаху тлена он узнал ответ еще прежде, чем она заговорила, открыв при этом лицо.

– Нет. Проститутка подобна жемчужине. И та, и другая вводят в заблуждение во тьме. Пойдешь со мной?

Вейн соразмерил шаг с вихляющей походкой Фатимы.

– Можно до тебя дотронуться?

– Нет. Я разваливаюсь на части.

– Это проказа?

– Нет. Если бы…

– Я думал, ты уехала из Каира. Я ездил за границу тебя искать.

– Нет. Я никогда не смогу покинуть Каир.

– Что ты здесь делаешь? Общаешься с сестрой?

– Нет. После нашего побега мы расстались.

– Но о тебе заботятся Корню и его собратья. Это твои друзья?

– Нет. Поначалу я так думала, но мы лишь временные союзники. Я совершаю свои убийства, а они укрывают меня от преследования,

– Ты убиваешь кого попало?

– Нет. Ты меня удивляешь, Майкл. Я-то думала, ты или твой учитель уже усматриваете связь. И эмиры, и нищие, открыто или тайно – все они были клиентами моего отца.

– Ты имеешь в виду деда?

– Нет. Родителями моими были его мысли и ее тело.

– Ты не всегда изъяснялась так двусмысленно.

– Нет. Времена меняются. Увядает рассудок моей сестры, а с ним и мое тело.

– Так ты убьешь Кошачьего Отца?

– Нет. Для меня он чересчур силен. Я не осмеливаюсь к нему приближаться. Ты должен сделать это за меня. Если ты любил меня когда-нибудь, убей его. Убей и завладей Домом Сна. Убей его, пока со всеми вами не приключилась беда. Если ты любил меня когда-нибудь, сделай это. Спровадь старика в могилу.

Вейн чуть было не сказал, что все еще любит ее, но вспомнил слухи об убийствах, еженощно совершаемых в Каире, вспомнил передававшиеся из уст в уста отвратительные подробности. Скромная девушка, которую он некогда знал, превратилась в безжалостную вампиршу. Некоторое время они шли молча. Вейн думал о том, как крался в тот вечер за Отцом. Он не питал любви к учителю и не обманывал себя, полагая, будто учитель питает хоть малейшую любовь к нему, но мысль об убийстве Отца была ему противна. Тот был такой худой и жилистый, с высохшей шершавой кожей и почти торчащими наружу острыми костями. Он предпочел бы убить его во тьме, пока старик спит, но тот, казалось, никогда не спал. Вейн вообразил его распростертым на полу, немигающим взглядом открытых глаз уставившимся в потолок.

Они приближались к оживленной улице Байн-аль-Касрейн. Фатима обернулась и подняла руку, явно в знак прощания. Вейна охватило отчаяние.

– Пойдем со мной. Я найду место, где мы сможем пожить.

– Нет. Я же говорила, что разваливаюсь на части. Я быстро теряю силы и цвет лица.

– Мы еще встретимся?

– Нет. Разыщи мою сестру. Тебе бы стоило ее полюбить. Она испытывает вожделение к тебе и не отказывает никому из мужчин.

– Здесь я найду твою сестру?

– Нет, уже нет, но в конце дня ее часто можно найти в Городе Мертвых.– И с этими словами убийца вновь взмахнула рукой и скрылась в толпе.

Вейн вернулся в Дом Сна и в ту ночь вновь настроился увидеть сон о том, как он еще раз оказался в потайной комнате. Зулейка повернулась к нему и спросила, появится ли ее невидимая подруга. Он кивнул, и она отвернулась к стене, напевая, а он начал сосредоточиваться. Постепенно несколько трещин отделились от стены и повисли в воздухе, как завитушки дыма. Потом, тоже постепенно, эти завитушки дыма приняли некую форму, наполнились цветом, и перед ними, бледная и дрожащая, возникла Фатима, лепившая сама себя и сгущавшаяся в воздухе. Они испытали ее загадками. Зулейка забавлялась, поддразнивая духа, но Вейна, очарованного бесстрастным круглым ликом и твердыми ответами Фатимы, манили мысли более серьезные. Зулейка беспрестанно, лихорадочно его ласкала, но он сидел, не замечая этого, не сводя глаз с ее воображаемой подруги.

Приснился ему и сомнамбула у ворот Зувейла. С кинжалом в руке сомнамбула вышел из клетки. Улица ходила ходуном под громадными ногами негра, а свет и тени носились по замкнутому пространству неровными диагоналями. Один раз сомнамбула обернулся, и в свете факелов блеснули расширенные белки его глаз и серебристые разводы пота.

Глава 12
Некоторое представление о городском саде

За что, спрашиваю я себя, мне так не нравится Бэльян? Нет, все-таки это странно! Ушную серу обнаружить у себя под ногтями я предполагал, но земля там откуда? Начну сызнова. За что, спрашиваю я себя, мне так не нравится Бэльян? Материал он для моей истории идеальный – податливый, склонный витать в облаках. Но, думаю, его достоинства в качестве материала для повествования по-человечески должны считаться недостатками. По-моему, он человек бесхарактерный и пассивный. Знай себе лежит и ждет, когда его развлекут или, в качестве альтернативы, неприятно удивят. Поэтому я с величайшим удовольствием расскажу о том, что произошло с ним в дальнейшем. Ложитесь поудобнее на своих кушетках, расслабьтесь и слушайте. Сейчас вы услышите, что произошло с ним потом…

Бэльян рылся на Байн-аль-Касрейн в отбросах базара в поисках гнилых фруктов и овощей – без особого успеха, ибо сновали там и арабские мальчишки, а они, будучи поопытнее, хищными птицами бросались на сгнившие лакомые кусочки. Потом Бэльян почувствовал, как кто-то – женщина – смотрит на него и даже пытается поймать его взгляд. Он поднял голову и увидел молодую женщину с едва прикрытым чадрой лицом, с нежностью взиравшую на него. Веки ее затрепетали; она отвернулась и едва заметным взмахом руки позвала его за собой.

Вскоре они свернули с широкой Байн-аль-Касрейн и двинулись по уступчатым, мощенным булыжником переулкам, которые постепенно становились все темнее и уже. Идти в этой части Каира приходилось как бы в вечной ночи. Лишь в редких развалинах возникали свет и пространство. Женщина, ни разу не оглянувшись, торопливо шла вперед, пока они наконец не оказались в маленьком внутреннем дворике. Она постучала в дверь, глубоко утопленную в стене, и кликнула тех, кто находился по другую сторону. Дверь открыл исполинского роста нубиец, и она, войдя, обернулась и поманила Бэльяна внутрь. Бэльян следом за ней вошел в сад. Впереди тянулась прекрасно ухоженная кипарисовая аллея, в конце которой стояла садовая беседка. На ступеньках беседки сидела юная дама, почти девочка, без чадры, но с ног до головы закутанная в шелка и расшитую

парчу. Над головой у нее порхала златоглазка, а пальцы ее были унизаны кольцами с драгоценными камнями. Одной рукой она задумчиво подпирала голову, а в другой держала веер из павлиньих перьев.

Когда Бэльян вошел в сад, она не шевельнулась и продолжала все так же печально смотреть вдаль. Хотя женщина, которая привела Бэльяна, исчезла, в саду они были не одни, ибо перед беседкой сидел, греясь на солнце, старик в грязном белом тюрбане, а привратник стоял у Бэльяна за спиной. Бэльян направился было к даме, но через несколько шагов почувствовал у себя на плече руку привратника.

– Смотрите и слушайте, – сказал нубиец.

В тени беседки возникла обезьяна. На ней был золотой ошейник с цепочкой, и стояла она прямо, почесываясь. Она поклонилась даме, а потом повернулась к Бэльяну, сверкнув двумя рядами прекрасных зубов.

– Вы франк? – спросила она.

От изумления у Бэльяна отвисла челюсть, и дама прыснула со смеху.

– Смотрите, – сказала обезьяна и, повернувшись к даме, обратилась к ней, а вернее сказать, начала декламировать, ибо, прислушавшись, Бэльян определил, что обезьяна читает стихи по-персидски. Звучали они весьма торжественно и возвышенно. Потом обезьяна приблизилась к даме, погладила ее по руке и, обняв одной лапой за плечи, принялась что-то нашептывать – вероятно, ласковые слова. Дама поначалу казалась довольной, потом, судя по всему, ей это наскучило, и она оттолкнула обезьяну. Покосившись на Бэльяна, обезьяна сказала:

– Подойдите. Моя госпожа желает знать, кто способен быть лучшим любовником – обезьяна или франк. Посмотрим, по силам ли вам тягаться со мной.

Бэльян почувствовал, как разжалась рука нубийца у него на плече, и двинулся вперед. От голода и изумления у него кружилась голова. Дама смотрела на него ободряюще, но ему было трудно говорить. У него было такое чувство, будто все это он уже делал прежде – стоял в том же саду, не в силах заговорить с той же дамой. Причем, возможно, совсем недавно. Быть может, всего несколько секунд назад? А может, точнее было сказать, что он вновь окажется в той же ситуации когда-нибудь в отдаленном будущем? Или он просто ожидал, что случится именно нечто подобное? Это было невозможно установить. Чувство это было одновременно и смутным, и ярким.

– Госпожа, – заговорил он наконец, – я почту за честь быть вашим гостем, охотно поговорю с вами и исполню все, что вы

пожелаете, но умоляю вас дать мне сначала что-нибудь поесть и попить, ибо я не ел много дней и совсем ослабел от голода.

Тут выпрямился и заговорил старик в тюрбане:

– Госпожа хочет, чтобы вы обольстили ее благозвучными речами и изящными жестами. Она предлагает вам себя, надо лишь ее улестить, а улестить ее очень легко. Торопитесь. Она предлагает себя только один раз.

Однако у Бэльяна было такое чувство, что она предложит себя еще раз – а может быть, уже некогда предлагала? Он хотел возразить:

– Охотно…

– Вы же сумеете превзойти обезьяну?

– Госпожа, я не знаю, чего вы от меня хотите, но, ради Бога, дайте мне еды.

– Он ни на что не годен, – сказала обезьяна, сидевшая рядом с дамой, и принялась что-то торжествующе тараторить.

Бэльян попытался было броситься на них, но уголком глаза увидел, как пошевелился привратник. Он обернулся, и кулак привратника угодил ему между глаз.

Очнулся он уже не в прекрасном саду, а лежа возле фонтана на городской дороге, совсем в другой части Каира. Страшно болела голова, и все еще хотелось есть. «Отыщу ли я когда-нибудь ту дверь, увижу ли вновь ту даму?» – спросил он себя. Он принялся размышлять о поведении удивительной обезьяны. Что все это значило? Он читал, что, по утверждению философа, блаженного Нико Кельнского, обезьяны и люди – близкие родственники. В своей «De Senectute Naturae» Нико доказывал, что обезьяны происходят от людей, что обезьяны – это дикие, выродившиеся отпрыски человека, точно так же, как люди – дикие, выродившиеся потомки совершенного Адама из Сада Эдемского. О некоем остаточном даре речи, утверждал Нико, сообщали путешественники, которые наблюдали за некоторыми племенами обезьян в сердце Африки…

Ход его рассуждений был прерван похоронной процессией. По дороге к нему приближалась группа машалията – уборщиков и обмывальщиков умерших. На плечах они несли толстую доску. На доске был ненадежно уложен завернутый в белый саван покойник. В надежде выпросить у них корочку хлеба, Бэльян, чувствуя головокружение, поднялся на ноги. Поскольку он мешал им пройти, они остановились и опустили свою ношу на землю.

– Мы совершаем милосердное деяние, – сказал старший группы, обращаясь к Бэльяну и большим пальцем указывая себе за спину.– Хороним тех, кого выбрасывают за стены Цитадели, когда

чистят Аркану, – там еще есть кого подобрать.– И, сказав так, он порылся в пышных складках своего рукава и извлек оттуда маленькую коробочку замысловатой восточной конструкции.– Для вас – два динара. Тонкая работа. Я вижу, она вам приглянулась.

– Разве я похож на обладателя двух динаров?

Старший пожал плечами:

– В этом городе почти все – совсем не те, кем кажутся.

– Корочку хлеба, умоляю. Или ваше милосердие распространяется только на мертвых?

Все покачали головами.

– У нас нет еды для раздачи. Но идите за нами. Мы направляемся в Город Мертвых. Еды вы там найдете сколько угодно.

Несколько озадаченный, Бэльян пошел за ними. Когда они добрались до Города Мертвых, день уже подходил к концу и кости Бэльяна согревало предзакатное солнце, а кожу овевал прохладой поднявшийся ветерок. Город Мертвых представлял собой необыкновенное зрелище. Средь мавзолеев семьями и парочками сидели за трапезой люди. Машалият, за коим следовал Бэльян, пробирался вперед между веселыми семействами и гробницами. Они пытались продать коробочку, а он выпрашивал еду – то и другое безуспешно. Вдруг откуда-то сверху и слева они услышали голос. Кто-то звал их обратно. Что-то желтое неразличимо промелькнуло в тени мраморного павильона. Лишь войдя в тень, Бэльян понял, что это Зулейка, сидящая, поджав ноги, в павильоне, на каменном возвышении.

– Ко мне! Ко мне, уборщики! Ко мне, мусорщики ночные!

Члены машалията поспешно бросили свою ношу, отчего труп скатился с доски в песок, и устремились к ней. Бэльян решил было, что она желает, чтобы члены машалията привели к ней его, но, с трудом ковыляя за ними, понял, что интересует ее только коробочка.

– Коробочка! Моя китайская коробочка! Она вернулась ко мне!

У края возвышения началось совещание. Она вытряхнула из одежд в протянутые ладони машалията монеты, и коробочка была отдана ей. Потом они вернулись к своему покойнику и, вновь водрузив его на доску, продолжили путь к месту захоронения.

Наконец Зулейка повернулась к Бэльяну:

– Это моя коробочка, ты же знаешь. Ее у меня украли.

Бэльян поднял глаза на коробочку.

– Там нет какой-нибудь еды? – спросил он в отчаянии.

– Какой-нибудь еды? – таинственным эхом отозвалась она и

протянула ему руку.– Ты тоже ко мне вернулся. Ходишь за мной, как призрак.

– Голодный призрак.

Потом оказалось, что он уже сидит рядом с ней на возвышении. У Зулейки была с собой корзинка обсахаренных зеллаби. Она окликнула одного из смотрителей склепов и, заплатив ему, попросила принести кофе. Бэльян потянулся было к зеллаби, но она схватила его за руку.

– Нет. Ты не поешь, пока не расскажешь обо всем, что с тобой приключилось.

Как ни возражал он, ему пришлось ей все рассказать, хотя о своем приключении он поведал так кратко, как только мог. Лишь после этого рука его беспрепятственно рванулась к еде.

– Даже не знаю. Вообще-то в некоторых кругах в моде секс с обезьянами.

На миг он перестал жевать и возразил:

– Но обезьяна разговаривала!

– Верно… Возможно, это колдовство.

– Значит, на самом деле обезьяна была человеком, а дама – колдуньей?

– Возможно. Но скорее всего обезьяна была колдуном, а дама – его подругой в человечьем обличье. Познания в магии среди животных не редкость.

– Значит, я едва не бросился в объятия обезьяны! – Бэльяна передернуло.

– А кто еще, кроме обезьяны, возжелает тебя в нынешнем твоем потрепанном виде? Но ты, как водится, опять не воспользовался случаем, потребовав слишком многого.

Холодало. Закончив трапезу, покидали Город Мертвых семейства, и появлялись птицы и нищие, подбиравшие за ними крошки. Насытившись последним из засахаренных фруктов, Бэльян лег на спину и закрыл глаза.

– Ты полагаешь, что все это приключение – только сон, правда? – Даже задавая вопрос, он куда-то уже уплывал, но ему показалось, что ответ он услышал.

– Конечно. Это была Обезьяна.

– Что это за Обезьяна?

На сей раз он не услышал ответа. Необходимо было погрузиться в сон, пускай даже в кошмарный.

Ненадолго его разбудили крики. Зулейка исчезла. Вместо нее появились обступившие павильон венецианцы и другие постояльцы караван-сарая. Из носа у Бэльяна вновь хлынула кровь, и он закрыл глаза, чтобы этого не видеть. Сквозь полудрему он слышал, как спорят о нем итальянцы. В тот день

они пришли в Город Мертвых, услышав толки о том, что умер человек, принадлежавший к их кругу и таинственным образом исчезнувший, и что там его хоронят. Одни хотели отправиться на его поиски. Другие, однако, считали, что Бэльяну, судя по его виду, недолго осталось жить, и предлагали отнести его в защищенный от неожиданностей караван-сарай. Интерес ко всему этому Бэльян испытывал слабый. Какое-то время продолжался ожесточенный спор. Потом он почувствовал, как его поднимают сильные руки.

На фоне надгробных памятников смутным образом pieta мелькнул силуэт обезображенного шрамами итальянского моряка с обуреваемым кошмарами юношей на руках. Потом моряк удалился, унося своего подопечного в сторону караван-сарая.

Глава 13
От ворот Зувейла до горы Мукаттам

Тут, как, впрочем, и в любой другой момент, можно сделать перерыв. При мне рассказывали истории, привезенные с Запада, и слушал я их изумленно, едва способный осознать, что это именно истории, столь стремителен был ход событий, когда градом стрел они летели к намеченной развязке. На неторопливом, объятом сном Востоке все по-другому. Историю, которую вы слушаете, скорее можно представить себе в виде ряда кроватей, связанных слабой нитью… простите, я, конечно, хотел сказать – в виде бус, нанизанных на тонкую, слабую нитку, – бус, похожих на те четки, что перебирают, сидя у входа в кофейню, скучающие старики. Нет, четки тоже не совсем подходят. Лучше вообразить ее в виде веревочной фигуры эфемерных очертаний – одной из тех, что, играя, образуют дети, когда дергают пальцами за петельки. Я слышал, что она зовется кошачьей колыбелью. Кошачьи колыбели, четки, бусы, стрелы – о чем это я? Суть в том, что тут, как, впрочем, и в любой момент, вы можете сделать перерыв. Сегодня вы услышали достаточно. Ради Бога, переведите дух. Отдохните немного. Поспите. Дальнейшее потребует напряжения…

Взлетает один апельсин. Опускается другой. Движения жонглеров удивительно неторопливы. Медленно описывает бесконечный круг на перекладине акробат. Уже очень поздно, и толпа за воротами Зувейла начинает редеть. Кошачий Отец ходит от будки к будке. Вот человек, который исполняет трюк с канатом. Вот эскаполог, на все руки мастер, который ужом выползает из любой ловушки. Вот огнеходец, который чрезвычайно рад, но не тому, что не испытывает боли, а тому, что испытывает ее лишь в ногах. Вот телепат – мальчишка, сидящий на деревянной скамеечке и одной лишь силой мысли прилюдно достигающий оргазма. Вот человек в грязном белом тюрбане с обезьяной на стуле, чем они занимаются – неясно. Вот медведь-плясун с хозяином. Вот факир, который больше причиняет боли зрителям, нежели себе, когда протыкает щеки и губы утяжеленными иглами.

А есть и еще кое-что: Баш Чалек – великан в цепях, театр теней, пожиратель камней, чертенок в бутыли, канатоходец, гермафродит. Все это – Цирк Тяжких Испытаний. Артисты – в основном монголы и индусы. Ежевечерне отправляют они свои тайные шаманские обряды смерти, воскрешения и воссоздания.

Девочку разрезают пополам, мальчика расчленяют, избивают до смерти дубинкой кролика в мешке – чтобы потом они вновь появились живыми и невредимыми под гром литавр. Ежевечерне эти профессиональные герои испытывают себя огнем, водой и сталью и демонстрируют способность человека упиваться болью. Публика знает, что ее дурачат. За то она и платит деньги.

Наконец Кошачий Отец добрался до клетки Хабаша. Надпись над прутьями гласила: «Обращайтесь с вопросами к Хабашу – рабу, который ходит и говорит во сне. Предсказание смертей. Розыски возлюбленных». Подойдя к клетке, Кошачий Отец просунул между прутьями чашку. Хабаш не пошевелился. Он выглядел измученным и был покрыт рубцами и кровоподтеками – увечьями, полученными во сне, при ударах о прутья. Они долго молча разглядывали друг друга.

В конце концов Кошачий Отец, по-видимому, потерял терпение:

– Ну, что?

– Чашка не говорит «выпей меня», – Хабаш скрестил руки на груди.

Старик вспылил.

– Я говорю, выпей ее.– Взгляд его был устремлен в глаза Хабашу.– Выпей и послушай, что я скажу.

Хабаш неохотно отхлебнул глоток жидкости.

– У меня пропала книга…

– Я не брал.– Несмотря на испуг, Хабаш все еще пытался разозлить Кошачьего Отца, но Отец, довольный тем, что Хабаш признает его превосходство, вновь обрел привычное спокойствие.

– Я не сказал, что это ты. Собственно говоря, книгу украл у Вейна по дороге из Александрии в Каир итальянский шпион, Джанкристофоро Дориа. Книга, которую он украл, содержит источник всех преданий об Арабском Кошмаре и разгадку его тайны. Вполне вероятно, что итальянец намеревался продать ее сказителю по прозвищу Грязный Йолл или его покровителям, но не успел этого сделать, потому что его арестовали мамлюки. Однако книга попала в руки молодого англичанина. Багаж англичанина тщательно обыскали, но книга исчезла вместе с ним. Так вот, эта книга не должна попасть в руки моих врагов. Ты должен найти ее для меня.

Ничего не отвечая, негр все так же молча его разглядывал. Угрюмость сменялась умиротворенностью.

Кошачий Отец торопливо продолжал:

– Только ты можешь помочь мне, ибо видишь сны на ходу. В чашке, из которой ты отпил, содержится сильнодействующее снотворное. Ты будешь спать ночь, день, а возможно, и еще одну

ночь, и за это время в снах своих обшаришь весь Каир и непременно принесешь мне мою книгу. Ты уже очень хочешь спать.

С этим Хабаш был не совсем согласен, но так или иначе проще и приятнее было не прекословить. Он почувствовал себя уютнее, и веки его смежились.

Отец, видя, что Хабаш помимо своей воли уносится в сон, заговорил еще быстрее:

– Как только увижу, что ты впал в состояние сна, я отворю клетку. Отыскать книгу проще простого. Это вопрос навязывания воли сновидению. Алям аль-Миталь готов исполнить все людские желания. Точно так же, как я навязал свою волю тебе, ты должен навязать свою Алям аль-Миталю. Книгу ты должен принести мне сюда.

Внезапно Хабаш грузно опустился на пол. Он спал. Отец терпеливо ждал. Ожидая, он допил остатки шербета, ибо Хабаша он погрузил в сон с помощью подслащенной воды и внушения. Хабаш вращал глазами. Он начинал видеть сны. Словно поднятый за невидимые нити, он встал с пола клетки. Отец повернул ключ, открыл дверь и осторожно вывел сомнамбулу наружу.

Хабаш поплелся прочь с ярмарочной площади, Отец – за ним. Добравшись до Байн-аль-Касрейн, он пустился бежать, а может, просто принялся изображать бегущего человека, ибо, рассекая воздух кулаками и локтями, высоко подымая колени и учащенно дыша, двигался он крайне медленно. Постоянно одни и те же здания. За бесконечно длившееся время можно было сколько угодно разглядывать эти дома с их шаткими фасадами – временными, но и вычурными, парусообразными дверями и нагромождением крыш, эти узкие проулки и аркады, обманчивые перспективы и зиггуратические лестницы. Луна отмыла стены до устрашающей белизны, сквозь которую чумными пятнами проступали грязь и трещины.

Хабаш оглянулся и блеснул в свете луны улыбкой, ибо знал, что его преследуют, и знал, что в конце концов в преследовании есть нечто ободряющее. Кому-то, где-то он был нужен. Кошачий Отец, бежавший позади, увидел улыбку. Отец хотел было последовать за бегущим в своих снах Хабашем, но тут он вдруг заметил, как жирными, неровными, нервными мазками накладываются на здания свет и тьма, как прогибается и трещит под давлением город, как искривляются и гнутся пространство и дома, обволакивая бегущую фигуру черного человека, и осознал, какую высвободил страшную силу – ту, что неудержимо выплескивается ныне на городские улицы, – а осознав, понял и то, что больше у него не хватит духу преследовать бегущего. Он

остановился и вновь направился к Дому Сна.

Бэльяну снились качающиеся улицы и падающие башни. Он проспал ту ночь и почти весь следующий день. С каждым разом он спал все дольше. Когда он проснулся, вокруг толпились паломники.

– Вам нужен врач? Мы отыщем его в коптском квартале.

– Мне нужен священник.

Они одобрительно закивали, и вперед протиснулся один из монахов – тот самый, из чьих уст Бэльян услышал в день своего приезда проповедь об опасностях татуировок. Они отошли в угол караван-сарая. Паломники полагали, что Бэльян желает исповедоваться перед смертью, но Бэльян вовсе и не думал умирать; он жил за счет лихорадочных усилий, и сердце билось в его призрачном теле, стуча тяжело, как молот. Скорее он рассчитывал освободиться от обета посетить монастырь Святой Катарины в Синае. И еще ему хотелось испытать монаха.

– Благословите меня, святой отец, ибо я согрешил.

– Благословляю вас, дитя мое. Когда вы в последний раз были на исповеди и посещали мессу?

– Прошло время, а я был болен. Не могу сказать. Ни разу с тех пор, как мы сели на корабль в Венеции.

– И что за грехи совершили вы с той поры?

– Никаких, кроме простительных, но не из-за грехов своих нуждаюсь я в вашем совете и покровительстве Церкви…

– Вы слишком много на себя берете. Я должен знать природу и периодичность прегрешения, и лишь потом мы сможем решить, простительное оно или нет.

– Возможно, но мне грозит серьезная опасность – опасность, не мною предопределенная и не мною порожденная. Я – паломник, посвятивший себя в последние шесть месяцев ревностному служению христианской вере. Но дьявол насылает на меня греховные сны, и много раз со времени приезда в Египет бывал я близок к тому, чтобы согрешить утратой веры в Бога.

– Что это за сны?

Прежде чем вновь заговорить, Бэльян попытался хорошенько разглядеть лицо монаха, но не сумел.

– Мне снится, будто я въезжаю в город, похожий на Каир, но город этот сплошь поддельный. Снится, что я покидаю его или пытаюсь покинуть, но мне мешают два посланца Сатаны, носящие имена Кошачий Отец и Майкл Вейн. Мне снится, будто я не сплю, а я сплю, и снится мне искусительница по имени Зулейка, которая обольщает меня, лишая целомудрия, а когда я пробуждаюсь от этих снов, лицо мое заливает кровь.

– Значит, вам снится, что вы вступаете в греховную связь с Зулейкой… а происходит ли семяизвержение во время или после этих снов?

– Нет. По-моему, нет.

– Понятно. И больше ничто не лежит тяжким бременем на вашей совести?

– Нет.

– Что ж, это хорошо.– Долгое молчание, потом: – Святой Августин говорит, что сны, возможно, имеют тройственное происхождение. Во-первых, существуют сны от Бога, которые ниспосланы нам, дабы нас направлять. Во-вторых – сны от дьявола, коими сей лукавый князь пытается нас искушать, хотя ему никогда не удается соблазнить душу спящего, если не предрасположена душа этого человека к растлению. В-третьих – сны, называемые земными, которые являются плодами внутренней фантазии и на которые влияет то, где человек лежит, что он съел и многое другое, и сны эти не означают абсолютно ничего.

– Значит, либо Бог причиняет мне страдания, либо я предрасположен к растлению, либо неправильно питаюсь. Которая же из трех причин? – Бэльян не сумел скрыть нотки раздражения.

Вздох.

– Вы должны знать, сын мой, что ни один из богословов и отцов церкви не осуждает сон как таковой. Нас учат тому, что, когда ночью падает температура, животная сущность человека удаляется в самую глубинную часть тела, в центр фантазии, откуда и проистекают сны. Такой сон, следовательно, есть явление природы и как таковое не может осуждаться. Однако природное – не значит совершенное. Тщательное изучение Священного Писания позволяет, полагаю, сделать вывод, что Иисус, который был и Богом, и Совершенным Человеком, никогда не видел снов.

Имеется несколько причин так полагать. Во-первых, Иисус никогда не спал, а как человек, который никогда не спит, может видеть сны? В качестве доказательства того, что Иисус никогда не спал, можно привести тот факт, что в Евангелиях неоднократно упоминаются сны его апостолов и ни разу не сказано о спящем Иисусе. А разве не общался Иисус с Моисеем и Илией, пока Петр, Иаков и Иоанн спали? И во-вторых, по поводу вопроса о том, видел ли когда-либо Господь наш: сны, – разве не обязаны мы допустить, что его Божественная Сущность и Абсолютная Добродетель предохраняли его от недомоганий и недугов телесных и от ядов скверной пищи? Да и как мог тот, кто пришел

с Истиной, которая дарует нам свободу, пасть жертвой сновиденья, то есть иллюзии, даже если бы он когда-либо и спал, хотя по общему признанию он не спал вообще? И еще. При том, что, как сказано в «Книге притчей», «Дремота одевает человека в отрепья», разве не пришел он принести нам богатства Царства Вечного?

Бэльян пробормотал, что да, мол, пожалуй, это так.

– Ну, а возвращаясь к вашему случаю, должен сказать, что здесь возникают две проблемы. Во-первых, каково происхождение ваших снов – земное или дьявольское? Во-вторых, установив происхождение, если оно дьявольское, мы должны спросить, почему Сатана посылает своих слуг именно к вам, а если земное, мы еще должны установить, не поддавались ли вы в этих снах (хотя и общепризнано, что на нравственном уровне они бессмысленны), не поддавались ли вы неким соблазнам, которые возникали не по злому умыслу, а per accidens, и уже тогда, окажись это не так и окажись ваши сны по происхождению своему не дьявольскими, тогда я мог бы отпустить вам грехи с учетом того, что все прочие соответствующие условия соблюдены. Но если паче чаяния…

Бэльян застонал, а потом поспешно закашлялся.

– Святой отец, есть еще один вопрос, который мне тоже хотелось бы затронуть. Я хочу освободиться от обета посетить Святую Катарину в Синае.

– На каком основании?

– На том, что я уже посетил ее в своих снах.– Затем Бэльян рассказал монаху свой кошмарный сон о мученической смерти святой Катарины.– Ну что, святой отец, разве этого недостаточно?

Это была дерзость, но попытаться стоило. Монах помолчал, потом поднял руку с растопыренной пятерней:

– Нет. По пяти причинам. Во-первых, вернее будет сказать, что это она вас посетила, а не вы ее. Во-вторых, мы не гарантированы от того, что это был правдивый сон, а демоны могут выдавать себя за святых с такой же легкостью, как и за змиев. В-третьих, даже если допустить, что вас действительно посетила святая Катарина, вы спали, когда она стучалась в вашу дверь, а это свидетельствует о неуважении к ней. Тем больше причин достойным образом исполнить ваш обет. В-четвертых, если допустить, что награду за благочестивые дела можно заслужить во сне, то во сне можно заслужить и возмездие за грех, а вы утверждаете, что за это время вступали в сновидениях своих в греховные связи, поэтому ступайте и очиститесь паломничеством. В-пятых, не в моей власти освобождать вас от обета. Такой властью наделен лишь его святейшество Папа.

– Вполне хватило бы и одной последней причины, – еле слышно пробурчал Бэльян.

– Это не так. На каждый этичный поступок требуются четыре действительные причины и пятая – теологическая, ведь точно так же и Библию во всей ее полноте можно прочесть на четырех уровнях: тропологическом, аналогическом…

Но тут Бэльян его прервал:

– Хорошо, святой отец, освободить меня от моего паломничества вы не в силах, но скажите, повинен ли я в каком-либо грехе, во сне или наяву?

– Как благородно с вашей стороны, сын мой, что вы возвращаете меня к разбираемому вопросу. Степень, в коей вожделение и вина за него могут быть приписаны человеку, который находит удовольствие в пороке – будь то во сне или даже наяву, так сказать, в воображении своем, – есть вопрос спорный.

– Если меня будут признавать виновным в каждом грехе, что я совершаю в своей постели, тогда я действительно осужден на муки ада.– На Бэльяна накатила волна меланхолии.

Ученый монах продолжал:

– Безусловно, я не вправе утверждать, что, пока вы спали и вас соблазнял фантом Зулейки, как-то пострадало ваше целомудрие, да и тот факт, что вы не испытывали семяизвержения, есть, вероятно, тоже довод в вашу пользу, хотя, насколько я понимаю, нетрудно доказать и то, что кровотечение, о коем вы упоминаете, можно охарактеризовать как ночную поллюцию иного рода (медицинское свидетельство скорее о страсти к ira, нежели к voluptas), и все же это, полагаю, было бы трудно подтвердить, ибо, как учит нас Гален, хотя кровь числится одной из жизнетворных жидкостей, самих семян жизни она не содержит.

– Значит, я безгрешен?

– Ах, этого я не сказал. Я лишь намекнул на наличие оснований утверждать, что во сне вы не согрешили, но сами вы снедаемы грехом. Мы заметили, что после того, как вас принесли обратно в караван-сарай, вы проспали день, ночь и еще полдня. Кроме того, мы с сожалением заметили ваше желание прервать паломничество. Леность держит вас своею дьявольскою хваткой, а леность есть самый смертный грех, ибо, напоминаю вам, Христос подал нам всем пример тем, что никогда не спал. Разве не сказал он: «У лисицы есть нора, у птиц есть гнезда, но Сыну Человеческому негде голову преклонить»? Так вот, вернемся к вопросу о повторяемости и связанному с ним вопросу о разнообразии причин: почему в изложении Евангелий рассказ об одном и том же случае приводится с благословения Господа

нашего два, три, а то и четыре раза? Да потому, что достаточная причина…

– Прошу вас, святой отец. Мне страшно. Вы слышали когда-нибудь об Арабском Кошмаре?

По лицу монаха скользнула тень недовольства.

– Нынче в Каире все только об этом и говорят. В устах этих людей все это превращается в очередную египетскую сказку.

– Это сказка?

– Нет, скорее всего нет. Я слышал, как некие священники обсуждали Арабский Кошмар с иной, христианской точки зрения. По утверждению некоторых из них, это предопределенное воздаяние за непростительный грех, направленный против Духа Святого.

– Святой отец, я никогда не понимал, что такое непростительный грех, направленный против Духа Святого. Наверное, этого никто не знает?

– Да. И никто не знает наверняка, что такое Арабский Кошмар. В этой схеме есть некая симметрия, – грустно сказал монах.

– Но вы эту точку зрения не разделяете?

– Нет. В любом случае христианину здесь бояться нечего. Это всего лишь боль. Никакие неисчислимые страдания не могут служить помехой истинно благочестивой христианской жизни.

– Но что такое Арабский Кошмар?

– Наиболее правдивое предание связывает его происхождение с Лазарем. Вам известна история рыцарей Лазаря?

– Я даже никогда о них не слышал.

– Хорошему христианину вполне достаточно знать лишь то, что это священный орден рыцарей, которые, хотя и будучи поражены ужасною проказой, сражаются за нашу веру против магометанства. И это учит нас, что их пример…

– А что следует знать о них плохому или посредственному христианину?

– Сын мой, возьмите себе в пример их набожность и позабудьте свои мелкие боли и огорчения. Сей пример…

– Какое они имеют отношение к Кошмару?

– Кошмар беспределен. По утверждению Нико…

– Что общего у этого ордена с Лазарем?

– Он основал орден прокаженных рыцарей. Если позволите мне вернуться к Нико…

– А Лазарь какое отношение имеет к Арабскому Кошмару?

– Лазарь десять дней и ночей пролежал в могиле, прежде чем Господь наш Иисус Христос воскресил его из мертвых. По этой причине мы должны понять, что… Нет, я вижу, рассуждения о

Господе нашем вас не интересуют. Поймите в таком случае, что, когда Лазарь воскрес из мертвых и вновь начал ходить среди людей, он стал носить с собой насекомое, которое десять дней и ночей пролежало рядом с ним. Это насекомое было из тех, что обитают по преимуществу на могилах и кладбищах. Тварь сия пожирает мысли умерших. Она проедает мозг и селится в месте, где расположен дар воображения, хотя покойник, будучи мертвым, о ее чудовищном аппетите не подозревает. Добавил ли я, что это насекомое не следует понимать в буквальном смысле? По утверждению Блаженного Нико, это всего лишь метафора, выражающая страхи христианской души, которые в силу невежества могут довести до греха.

– Благодарю вас, монах. Это я и хотел узнать. Значит, это просто христианская притча.

– Просто притча! Просто притча! Христианские притчи правдивее самой правды. Не предавайтесь иллюзиям, сын мой. Прокаженные рыцари уже в Каире. В Каире уже и Арабский Кошмар. Быть может, как раз в этот самый момент согласно проклятию Лазареву ниспосланы на ложа еще живых муки смертные. В жизни своей мы…

Бэльян уже утратил всякий интерес. Что-то смутно беспокоило его, что-то в том, как произнес монах ранее имя Зулейки. Самоуверенность, с которой монах произносил это имя, возбудила в нем подозрения.

– Вы знаете женщину по имени Зулейка, о которой я ранее говорил?

– Э-э… знаю ли я ее? Ну что вы, какой мужчина может с уверенностью сказать, что знает другого мужчину или даже женщину? Знать самого себя, по утверждению древних…

– Порой мне кажется, что все мало-мальски значительные персоны в этом городе знают всех прочих значительных персон – то есть, конечно, значительных в рамках моей истории.

– Вашей истории! Что такое ваша история, чтобы ею гордиться?

– Святой отец, я уже, по-моему, говорил вам, что сны мои мне кажутся явью. Это происходит потому, что вся моя жизнь стала казаться мне сном, театром теней, мистерией, разыгрываемой марионетками, карточной игрой, в которой я – козырь.

– Игрой? Игрой вокруг вас? Не только леность, но и самонадеянность!

– Возможно, но такое у меня чувство. Кукольник дергает за мои ниточки. Те, кто знает, как разыграть мою карту, разыгрывают ее – Кошачий Отец, Йолл, возможно, и вы. Только я, похоже, в игре не участвую.

– Быть может, это признак не самонадеянности, а чрезмерной смиренности… Посмотрим. Что это за шарада, в которую, как вы полагаете, все мы играем?

– Не то чтобы шарада, но принципы, по которым здесь подразделяются люди, очень зыбкие. Вейн говорит, что служит христианскому миру, и берет деньги у султана Египта. Йолл тоже утверждает, что работает на христианский мир, а сам стремится сорвать планы Кошачьего Отца и Вейна. Все, кому он служит, похоже, сговорились не выпускать меня из Каира. Все ведут со мной какие-то игры. Думаю, и вы – один из игроков. Вы и сейчас со мной играете.

Монах вздохнул и сказал:

– Идемте со мной.

Решив, что монах ведет его к алтарю, в противоположный конец караван-сарая, Бэльян последовал за ним. Однако, остановившись лишь у ворот, дабы монах сунул в протянутую руку арабского мальчишки монетку и прошептал ему на ухо слова, наверняка бывшие благословением, они направились по улицам города на юг, в направлении Цитадели. Но когда они приблизились к ее внешним стенам и начали подниматься, монах повел его вдоль стен немного восточнее, и вскоре они уже карабкались по склону горы Мукаттам к вершине, которая смутно виднелась вдали, над самыми высокими стенами Цитадели. По мере их восхождения покрывавшие нижние склоны заросли низкорослых платанов и пальм редели, а потом и вовсе исчезли. При каждом шаге вниз сползали ручейки камней и песка. Монах без остановки поднимался почти до самой вершины, а Бэльян плелся позади, запыхавшись и чувствуя головокружение. Солнце зашло, хотя на западе все еще пламенели в его лучах высокие облака. Город уже погрузился в сумерки. Они остановились и сверху взглянули на него.

Казалось, монах должен заговорить, должен сам исповедоваться и признать, что не происходит борьбы добра и зла на земле, что нет противников в этой борьбе, а есть лишь одна сторона – те, которые знают. А те, коим знать не дано, – всего лишь игрушки в их руках. Бэльяну казалось, что этот самоуверенный, ученый монах должен признаться ему в существовании тайной доктрины.

Наконец монах и вправду заговорил:

– Видите город внизу? Видите? Не кажется ли он вам в вечернем полумраке детской игрушкой или игральной доской, а люди, толпящиеся на улицах, – крошечными куколками, а то и насекомыми? Разве отсюда, сверху, не кажутся смехотворными их усилия, идеалы и страсти?

Бэльян кивнул.

– Так я и думал. Сын мой, лелея подобные мысли, вы играете соблазнами столь же сильными и богомерзкими, как те, коими искушал Господа нашего Люцифер, когда в единый миг показал ему все царства земные. И все же задумайтесь теперь о том, что, в то время как Господу нашему дьявол сулил реальную мирскую власть над всеми этими царствами, вам он сулит всего лишь иллюзорное чувство превосходства над ними. Иллюзия сия возникает на большом расстоянии. Вам следует видеть город душ людских, а не доску игральную. Следует видеть людей, а не насекомых. Вы молоды, и заблуждения ваши – от свойственного молодости высокомерия. Вы считаете, что души других людей не имеют значения, потому что не способны поверить в свою. Но все и реально, и важно, независимо от вашего мнения. Время игр и мистерий прошло. Вам предстоит серьезное дело. Вы дали обет совершить паломничество. Посвящен я и в то, что вы также дали некое обещание королю Франции. И его надо выполнить, ибо королю необходима информация о численности полков басурманских. Поэтому возвращайтесь вниз и выполните взятые на себя обязательства. Праздность есть ваше проклятие. Не случайно вас во сне поражает недуг.

– Ах, но откуда же мне знать, что я и нынче не сплю, откуда мне знать, что вы не дьявол, искушающий меня во сне?

Монах опустился на колени. Бэльян подумал, что он хочет расцеловать его ноги, но монах ничего подобного не сделал. Взамен он с криком «Это явь! Это не сон! Это явь!» принялся ритмично биться головой о землю. Когда он наконец поднял голову, с темени его стекали тонкие струйки крови.

– Да, теперь я убедился, – сказал Бэльян, напуганный и смущенный. Бэльян оставил монаха сидеть на склоне горы и устало побрел вниз, по направлению к городу.

Глава 14
Прогулка по улицам, заканчивающаяся в подземной часовне

В юности я почти каждый день ходил в Цирк Тяжких Испытаний. Там я любил бывать больше всего – и люблю до сих пор. Как завидовал я жонглерам, способным удерживать в воздухе сразу несколько шаров! Как хотелось мне стать акробатом! Акробатом или клоуном. Как приятно нынче об этом вспомнить! Но вместо этого я стал сказителем и вот теперь отклоняюсь от темы…

Быстро надвигалась ночь. Воздух рассыпался на бессчетные крупинки серого сумрака. В мрачном настроении спускался Бэльян с горы. Неожиданно, уже у самого подножия, он почувствовал, как на плечо ему мягко опустилась чья-то рука. Он резко обернулся и, прежде чем пуститься бежать, успел мельком увидеть двух стоящих по бокам от него бледнолицых мужчин. Те тоже побежали, бросившись в погоню за ним. Бэльян держал путь на север, в район Татарских Развалин и дальше – к людным и оживленным кварталам, где, как он надеялся, преследователи вынуждены будут прекратить погоню.

Сердце его замирало, переполняясь страхом, но при этом он ощущал и некий странный восторг. Ни разу со времени приезда в город не чувствовал он себя таким свободным, как теперь, когда началась охота.

Сколько раз охотились за ним подобным образом в сновидениях? И каждая охота неизменно заканчивалась тем, что он просыпался с переполненным мочевым пузырем – а в последнее время и с кровотечением из носу. Получать от этого удовольствие было бы просто смешно. Из-под его каблуков тучами взметался песок. Ему казалось, что он движется с колоссальной скоростью, на самом же деле от многодневной потери крови он совсем ослабел и бег его напоминал скорее прыжки на месте. Странно, однако, что и преследователи бежали ничуть не быстрее – они выбивались из сил позади, и на ветру развевались их белые одеяния.

Когда Бэльян бежал через Татарские Развалины, к нему пристроилась толпа ребятишек, которые принялись кричать и смеяться, лишив его всякой возможности ускользнуть от

преследователей. Через некоторое время дети, не сумев добиться от Бэльяна никакой реакции, отстали, но, оглянувшись, он обнаружил, что число его преследователей увеличилось до четырех. Он уже двигался по бескрайним пустым пространствам, покрытым булыжником и колючим кустарником. Слышно было, как за линией горизонта лают и скулят своры диких собак. Бэльян знал, что они никак не могут охотиться на него, и все же шум, который они поднимали, будил в нем предчувствие, что, сколь ни радостно его возбуждение, сколь ни быстры и хитры его действия, ночь может кончиться только его поимкой.

Он уже добрался до густонаселенного места, квартала, где жили многие богатые купцы, района широких улиц и высоких монолитных фасадов, которые нависали над ним в сумрачном свете отвесными горными склонами. Тяжело дыша, двигался Бэльян по этим глубоким архитектурным ущельям.

Если бы ему только повстречалась ночная стража! В одном месте он свернул было влево, на улицу, которая вновь привела бы его в караван-сарай, но там путь ему преградили еще двое одетых в лохмотья охотников. В какой-то момент он увидел еще одного, стоявшего на крыше и сигналами указывавшего преследователям направление. Улицы начинали сужаться; зачастую они превращались в закоулки, по которым мог свободно двигаться только один человек. Многие выходы были закрыты. Он позабыл о том, что на ночь целые районы города, рыночные площади и базары перегораживаются и запираются от воров. Возможностей выбора оставалось все меньше. Он приближался к незнакомой части города. Наконец, когда он обнаружил, что бежит по глухому переулку, выбора не осталось совсем.

Он остановился, уткнувшись в обитую гвоздями дверь в стене, и принялся в нее барабанить.

– Впустите меня! Помогите!

К немалому его удивлению, дверь почти тотчас же отворилась, и он, тужась сухою рвотою, повалился внутрь. Дверь за ним захлопнулась.

Несколько минут он лежал на земле с закрытыми глазами, дожидаясь, когда успокоится его охваченное паникой сердце. Потом он повернулся, открыл глаза и, взглянув наверх, увидел молодого человека, тенью стоящего над ним на фоне неба. В полумраке он разглядел, что находится в саду, в саду человека богатого, с рядами тамариндов, фиговых и рожковых деревьев и декоративной штукатуркой на стенах. Сердцебиение наконец успокоилось. Преследователей не было слышно – лишь голоса, доносившиеся, вероятно, из женских кварталов, да писк комаров. Было очень тихо.

– Что это за человек стучится ко мне в такой час? Кому требуется гостеприимство Исмаила ибн-Умайля? За вами гонится стража?

– Я Бэльян из Нориджа, бедный христианский паломник. Я был…

– А, христианин!

– Я не знаю, кто за мной гонится. Они, должно быть, уже у вашей двери. Это не стража, и я буду искренне благодарен, если вы позовете стражу для моей охраны.

– Мои стены и слуги – лучшая охрана, если таковая потребуется. Но что им от вас нужно?

– Не знаю.

– Наверняка вы что-то натворили.

– Я спускался с горы Мукаттам, где беседовал с одним из наших священников, когда меня попытались задержать двое мужчин, но теперь их уже больше. Однако мне удалось вырваться и убежать, и судьбе было угодно, чтобы я прибежал сюда.

– И они гнались за вами от самого Мукаттама! Как интересно… Юсуф! Ибрагим! Идите сюда. Ибрагим, принеси этому человеку попить. Сядьте и выпейте это. Переведите дух.– Молодой человек сочувственно похлопал Бэльяна по спине.– Я скажу вам, что мы сейчас сделаем. Вы немного отдохнете. Потом мы слегка позабавимся. Мы выпустим вас через одну из боковых калиток и дадим убежать вперед. Потом мы с Юсуфом и Ибрагимом бросимся за вами вдогонку. Тогда и посмотрим, кто поймает вас раньше – мы или ваши друзья с горы Мукаттам. Ох, и повеселимся!

– Ублюдок!

Бэльян продолжал истерически осыпать его бранью, но уже через несколько минут хозяин возбужденно хлопнул в ладоши, сказал: «Вперед, преследование началось!» – и Бэльяна, как ни извивался он, как ни брыкался, отнесли к одной из боковых калиток и вышвырнули на улицу. Бежать по ней можно было лишь в одну сторону. В другом конце рыскала компания оборванцев – они слегка наклонялись и поднимали лица к небу, как бы пытаясь его унюхать. Завидев его, они пустились вдогонку. Проходы между садами богачей были очень узки и неровно вымощены булыжником. На сей раз Бэльян был совсем не в силах бежать. После отдыха, каким бы он ни был коротким, у него онемели ноги. Однажды ему показалось, что он видит позади настигающего его Исмаила, но только однажды – все остальное время за ним гнались люди в белом, стремившиеся его схватить. На каждом углу – выбор пути, поворот, спасительная тьма под стеной; с каждым разом выбор делался все труднее и делал

следующий выбор труднее стократ.

Он слишком устал, чтобы прятаться, слишком устал, чтобы принимать решения. Ноги уже заплетались и отказывались его держать. Он бросился на дверную перемычку и ухватился за нее. На сей раз на его крики дверь никто не открыл. Преследователи столпились вокруг и разжали его пальцы. Кто-то приволок и опустил ему на голову большой камень. От второго удара он потерял сознание.

Когда он пришел в себя, кто-то оттягивал ему веки, перед глазами полыхала стена огня, а в глаза всматривался незнакомец.

– Он жив!

Факелы немного отдалились, и, подняв глаза, он разглядел над головой кружащий в архитектурном вихре узор кирпичного свода и понял, что находится в часовне. Поскольку окон нигде не было, он предположил, что часовня – подземная. Вокруг сидело с полдюжины человек, и среди них Йолл и Бульбуль, но главной персоне пришлось представиться.

– Я Жан Корню, Великий Магистр бедных рыцарей Святого Лазаря, полномочный эмиссар его святейшества Папы в Египте. Остальные присутствующие в представлении не нуждаются, одни – поскольку вы уже с ними знакомы, другие – поскольку не хотят, чтобы вы обременяли память их именами.

Люди в белом опустили лица. Бэльян ничего не ответил, и Корню продолжил:

– Мы воспользовались тем, что вы потеряли сознание, и осмотрели вас. Некоторое время мы думали, что осматриваем мертвеца… утомление, потеря крови, след от ушиба на голове. Полагаю, вы были рады, что вас поймали.– Корню встал и принялся, обходя сидящих, мерить шагами часовню.– Смею заметить, меня огорчает то, что мои люди избили вас. Я этого не хотел, но мы не ожидали, что вы пуститесь от нас бежать. Мы разыскивали вас как друзья и братья по христианской вере. Я считал себя добрым пастырем, возвращающим заблудшую овцу в стадо свое.– В улыбке его не было ни тени насмешки.– Как вы уже наверняка догадались, монах отвел вас на гору по нашей просьбе. Нам не хотелось приходить за вами в караван-сарай.

Бэльян дождался, когда Корню дойдет до конца и повернет назад.

– Чего вы от меня хотите?

– Хороший вопрос! Ответ: ничего. Еще лучше было бы спросить, чего мы от вас хотели, и ответ на этот вопрос был бы таков: мы желали осмотреть вас и установить, не являетесь ли вы ожидаемым Мессией, не страдаете ли Арабским Кошмаром или,

если ни то, ни другое, то почему к вам проявляет такой интерес Кошачий Отец.

– И что же вы выяснили?

Тут в часовню вошел монах. Как и у Бэльяна, лоб у него был все еще залит кровью. Корню не обратил внимания ни на появление монаха, ни на вопрос Бэльяна.

– Мы исполняем здесь промысел Божий. В круг наших обязанностей входит защита христианского мира, при необходимости – силой оружия, и помощь больным. Нынешнее наше задание в Каире включает в себя и то, и другое.

Он повернул назад. Бэльян заметил, что его размеренные шаги всех выводят из равновесия. Лишь Бульбулю, который удалился в угол и что-то писал, удавалось не обращать на них внимания.

– Мне сообщили, что вы приехали в Каир, получив от французов задание выведать численность и районы развертывания султановых легионов, а также качество их снаряжения.

Бэльян кивнул.

– Что вы сделали для выполнения своего задания?

На этот вопрос ответа попросту не было. С явным презрением Корню скривил губы:

– Ладно, это не имеет значения. Сегодня есть дела поважнее. Правда ли и то, что вы несколько раз пытались выбраться из Каира, но так и не сумели?

Бэльян кивнул. Корню уже находился у него за спиной.

– Почему же?

Оробев, Бэльян начал брюзжать:

– Давадар отказал мне в визе на выезд. И все же я попытался выбраться отсюда без разрешения властей, но ничего не вышло. Я заболел. Даже несмотря на это я немало сил приложил, чтобы уйти из города пешком, но я был один и заблудился. Иногда путь мне преграждали враги, а я не был вооружен. Больного, меня избегали братья-христиане, и все же я каждую ночь молил святую Катарину и всех святых помочь мне отсюда выбраться. Много раз, как бы нищ я ни был и голоден, выходил я на дорогу, ведущую из Каира, но, сдается мне, все дороги поворачивают обратно.

Йолл, который до той поры раскачивался взад-вперед, вмешался, всплеснув руками:

– Возможно, все дороги в Каире действительно поворачивают обратно в город! Существует предание о городе, который оказался внутри капли пота со лба одного…

Корню нетерпеливо его оборвал:

– Мы слышали также, что Кошачий Отец предложил вам

лечение недуга, природа коего не совсем ясна. Вы истекаете кровью, когда просыпаетесь по утрам?

– Да.

Йоллл хлопнул себя ладонью по лбу. Его обезьяна, испугавшись, спрыгнула с плеча своего хозяина и скрылась во тьме. Он сказал:

– Это стигма. Возможно, он и есть Пятый Мессия, коего все мы ждем.

– Мессия придет, когда мы меньше всего его будем ждать, – сухо вставил монах.

– Значит, поскольку в этот момент мы будем ждать его меньше всего, он придет именно тогда, когда мы его будем ждать, – резко возразил Йолл.

– Ничего это не значит.

– Довольно! – Монах с Йоллом сердито уставились друг на друга, а Корню, заметно раздраженный, продолжил: – Разумеется, Мессия придет.

Вопрос лишь в том, чей он будет? Его или наш? Если это Мессия Кошачьего Отца, тогда нам ничего хорошего ждать не приходится, а будь Мессией этот глуповатый, оборванный, беспомощный юноша, то всем было бы безразлично, пришел он или нет.

Тогда, тщательно подбирая слова, заговорил Бэльян:

– Я, безусловно, не Пятый Мессия, что бы это ни значило. Я – Бэльян, джентльмен из Нориджа, и я требую, чтобы вы сказали мне, чего от меня хотите и зачем сюда привели. Потом, когда удовлетворите мое любопытство, вы, надеюсь, позволите мне уйти.

– Конечно, вы – не Мессия. Вы всего лишь бедный паломник, хотя по приезде в Каир и встретились с Джанкристофоро Дориа, который, признаем это, был, как и вы, шпионом, работавшим на нас, а потом сгинувшим в Цитадели. Да и самого вас водили в Дом Сна – якобы для того, чтобы лечить от недуга. Затем, примерно в то же время, вас соблазняет Зулейка, сия сука из преисподней, вы случайно знакомитесь на улице с Йоллом, а на холме, по дороге в Цитадель, встречаетесь с Эммануилом. Так вот, друзья они или враги, нам все эти люди известны.

Монах равнодушно смотрел на Бэльяна. Мерная поступь не прекращалась, Бэльяну хотелось расплакаться и признаться, но признаваться было не в чем.

– Ну и что? Что с того? Я никого из них не искал. Это просто случайность.

– Случайность! Случайность! Слишком много случайностей! Ну да ладно… вы слышали что-нибудь об Арабском Кошмаре?

– Да, но до сих пор не понимаю, что это такое.

– Предание гласит, – начал Йолл, – что давным-давно, в Аравии, Кошмар был запечатан в бутыль…

Но тут его перебил Корню:

– Это только предание.

Йолл снова заговорил:

– Другие утверждают, что Лазарь…

Но Корню вновь его оборвал.

– Эта история мне тоже известна, и происходит она из того же источника.– Он вновь принялся задавать Бэльяну свои риторические вопросы.– Весь город только и говорит, что об Арабском Кошмаре, а что это такое?

– Не знаю.

– И Йолл не знает, и никто из присутствующих здесь, кроме меня, а я знаю, потому что собственными незатуманенными глазами видел, как он миазмами выползает из Дома Сна. Его исторгает своим дыханием Кошачий Отец. Он сидит в своей дьявольской синагоге и устраивает дела – встречи, непостижимые чудеса, повторения, – опутывая своей чудовищной паутиной весь город. Еще совсем недавно люди говорили о работе и женах, пасли скот и пекли свой хлеб. Они осязали жизнь своей кожей, которой всегда могли ощутить и солнце, и воздух. Ныне же они шарят в глубине своих немытых тел в поисках спрятанных сокровищ и разговоры ведут только о снах да видениях.

То, что поставлено на карту между мной и Кошачьим Отцом, есть не борьба между исламом и христианством – думаю, Кошачий Отец испытывает к исламу не меньшее презрение, нежели к нашей вере, – а борьба между губительной заразой, что исходит от жизни, обращенной вовнутрь самой себя, и Истиной, которая дарует нам свободу. Я пришел бороться с Восточным Сном. В снах нет никакого чуда. Каждый идиот может видеть сны, пока Кошачий Отец и его ставленники, Веселые Дервиши, превращают нас всех в обезьян. Полки Алям аль-Миталя с Кошачьим Отцом во главе маршируют по улицам, а люди бездействуют, оцепенев в кошмаре самопостижения, которое ведет их сквозь сон во сне в поисках человека, что бродит в поисках человека. Сей безумный ересиарх присвоил себе Божью прерогативу на бесконечность, но я-то знаю, что Христа распяли на горе под названием Голгофа. Не распяли его внутри наших черепов. Искупления грехов в снах не заслужить. Каждый сон с его толкованием, каждый сон, в коем видится его толкование, на целый период времени отделяют нас от спасения души. Веселые Дервиши пустили слух, будто в армянском квартале есть цирюльник, который бреет каждого жителя квартала, кто не

бреется сам, и уговаривают всех сходить и посмотреть на этого чудо-брадобрея. Но может ли сей человек поведать нам хоть что-то о бритье или о чем-то другом? Каирцы попросту впали в детство.

Человек бреет каждого жителя квартала, кто не бреется сам. Он бреется, потом не бреется, потом снова бреется. То видишь его, то не видишь. Детские прятки! А еще есть коробочка, которую дает людям эта желтая шлюха Зулейка – наверняка выполняя указания своего отца.

– Отца? Кто это?

– Кошачий Отец.

Трудно было сказать, кто больше изумлен – Бэльян, прокаженные или монах.

– Вы не знали? У него, можно сказать, даже две дочери.– Потом, заметив, что с уст Бэльяна готово сорваться множество вопросов, Корню сделал знак Йоллу.– Йолл, расскажите эту историю.

Йолл поперхнулся, нагнулся, выпрямился, взмахнул рукой и начал:

– История такова. У Кошачьего Отца была, да и есть, дочь, известная как Зулейка. После смерти Зулейкиной матери Кошачий Отец начал опасаться за безопасность дочери, ибо знал, что тайные планы, которые он вынашивал уже тогда, привлекут к его домочадцам внимание опасных и могущественных врагов. Поэтому он заключил дочь в потайную комнату на верхнем этаже Дома Сна, и с того времени ее имя больше никогда не произносилось прилюдно. Виделись с ней только он да верный немой слуга. В такой тайне держалось ее существование, что Майкл Вейн заподозрил о нем лишь после того, как прожил в доме много месяцев. Отец и слуга ее навещали редко, и, будучи девочкой одинокой, а также дочерью своего отца, она придумала странный, а в конечном счете и опасный способ развлечься.

Она сотворила эйдолон, вызвала в воображении мысленный образ маленькой девочки. Эйдолон она нарекла Фатимой, и Фатима стала ей подругой детских игр и наперсницей в ее одиночестве. Невидимые друзья есть у многих детей, но Зулейка была необычным ребенком, и по мере того, как она ежедневно сосредоточивалась, Фатима делалась все более зримой и осязаемой, пока наконец не стала присутствовать в комнате, независимо от того, хотела Зулейка с ней играть или нет. Даже Кошачий Отец и слуга могли ее видеть, и у Фатимы начала проявляться собственная индивидуальность. В отличие от импульсивной, легкомысленной Зулейки, Фатима была девочкой замкнутой и угрюмой. Нередко эйдолон отказывался играть с

Зулейкой и только сидел, задумчиво ее разглядывая. И вот, когда Зулейка стала жить в одной комнате с подружкой, которая не желала или не могла с ней общаться, одиночество ее усугубилось, и она начала искать спасения в себе самой, в причудливой внутренней жизни, питаемой уединением и обузданными страстями. Любой человек, кроме ее отца, понял бы, что она медленно сходит с ума.

Так продолжалось до той поры, пока не появился Майкл Вейн. Даже после того, как он осознал, что существует некая потайная комната, и установил ее местонахождение в доме, найти правильный путь туда он был все еще не в состоянии. По этой причине он, к изумлению и восторгу двух девочек, и спустился в комнату по вентиляционной трубе. Познакомившись с ними, Вейн стал регулярным и тайным гостем. Они вместе играли, кокетничали друг с другом и вели бесконечные разговоры. Зулейка, которая отчаялась было встретить какого-либо мужчину помимо отца и его немого слуги, начала смотреть на этого негодяя Вейна влюбленными глазами.

Увы! Вейна интересовала только ее сдержанная, замкнутая «сестренка», и по мере того, как Зулейка это осознавала, развитие безумия в ней ускорялось. Она страстно желала найти утешение в обществе других мужчин и умоляла Вейна отыскать выход из комнаты. Фатима, которая родилась в комнате и даже представить себе не могла, какова жизнь за ее пределами, просила о том же. В конце концов Вейн, коему уже снились тайные экскурсии с двумя девочками – или юными дамами, в коих они стремительно превращались, – научил их как-то вечером подниматься по вентиляционной трубе. Той же ночью, ничего ему не сказав, они исчезли. Зулейка попала в дурную компанию, стала бродить по городу с марабутами и мастурбировать их во благо их семени. Фатиму же больше никто не видел – до недавних пор.

– А что же Кошачий Отец?

– Кошачий Отец не желает иметь ничего общего ни с Зулейкой, ни с ее эйдолоном. О роли Вейна в ее побеге он, по-видимому, не подозревает. Зулейка, ничего вам не рассказав, совершила поступок неискренний, но теперь история сия вам известна, – закончил Йолл.– Однако нам бы хотелось услышать, что происходило в последнее время с вами.

Бэльян рассказал им все без утайки. История, которую он поведал, – о его обольщении на базарной площади, о даме, которая привела его в сад, где он встретил другую даму и ее говорящую обезьяну и где подвергся кулачной расправе, – чрезвычайно заинтересовала Йолла.

– Мне известен ряд случаев, очень похожих на тот, о котором вы нам поведали, – сказал он.– Это приключилось несколько месяцев тому назад. Прогуливаясь по берегу Нила, я услышал громкие крики и смех, доносящиеся из кофейни…

Глава 15
Интерлюдия. Рассказ о говорящей обезьяне

Я чувствую, что мы с вами утомлены и немного растеряны. Надо сделать перерыв и отдохнуть, а пока мы будем отдыхать, я позабавлю вас рассказом, коротенькой историей, которая годится только для забавы. Но сперва должен заметить, что, дабы сориентироваться, нам просто необходимо умение отличать сновидения от яви и один уровень сновидения от другого. Если расставить все ориентиры, все станет на свои места и история получит простое объяснение. Между прочим, если и есть в городе человек, способный справиться с этой задачей, то это Грязный Йолл. Но сначала – интерлюдия, а потом, когда интерлюдия закончится, я со всей должной смиренностью продемонстрирую Великий Пробный Камень Грязного Йолла – критерий, по которому проводится различие не только между сновидением и явью, но также между сном и смертью. (Нет, это не значит, что надо себя ущипнуть. Присниться может все, в том числе и то, что вы ущипнули себя и испытываете при этом боль. А будь вы мертвым, вам никогда бы и в голову не пришло себя ущипнуть.) Так что сначала

– интерлюдия, а я пока соберусь с мыслями по этому вопросу. Опять ушная сера! Брр-р! Но сперва, перед началом интерлюдии, – два слова о моем прозвище, Грязный Йолл. Грязь вообще-то не моя, а обезьянья. Обезьяна нечасто появляется на людях, но, пробыв при мне довольно долго, она помогает мне развеять мою меланхолию. Вот из-за обезьяны-то я и грязен. Ее толком никогда не дрессировали, и она выплевывает мне на волосы и плечи кусочки пищи, которые считает неудобоваримыми. Да, быть может, я и грязен, зато храню Великий Пробный Камень. Ну что ж, приступим к интерлюдии…

– В огромном помещении толпилось множество людей, и все смотрели на потолок. Там, на стропилах, сидела обезьяна с медной цепью на шее. Она нагадила на своих слушателей, потом тщательно поковыряла в зубах и начала…

*

Я расскажу вам историю, имеющую отношение к одному из

моих предков. Давным-давно, в царствование халифа Гарун аль-Рашида, жил в городе Багдаде бедняк по имени Мансур, который кое-как сводил концы с концами, трудясь носильщиком, но очень хотел изменить свою жизнь. И вот однажды, на базарной площади, увидел он, что его манит за собой молодая дама. Охваченный любопытством, он последовал за ней в ту часть Багдада, где никогда прежде не бывал, и в сад, где его ждала другая молодая дама. Подле нее сидела на цепи обезьяна. Когда Мансур приблизился, обезьяна вежливо поздоровалась с ним, заговорив человеческим голосом, и Мансур был поражен. Дама посмеялась над его удивлением и велела ему смотреть, как обезьяна ее гладит и ласкает. Мансуру это очень не понравилось, но страх удержал его, он сел и стал смотреть, как обезьяна с дамой совершают соитие. Потом дама велела Мансуру, бедному носильщику, проделать все так же, как обезьяна, или лучше и, видя, что он колеблется, добавила:

– Если ты откажешься, я прикажу слугам тебя убить.

– Госпожа, – сказал носильщик, – все это очень хорошо, но сначала я должен вам кое-что поведать, – и, сказав так, он подошел к ней и начал что-то долго нашептывать ей на ухо. Когда он договорил, дама, по-видимому, очень разволновалась и, знаком велев слугам подать Мансуру еду и питье и пообещав вскорости вернуться, скрылась в доме. Как только она удалилась, обезьяна подошла и спросила Мансура, что он прошептал на ухо госпоже.

– Я расскажу тебе, – сказал Мансур, – если сначала ты расскажешь мне свою историю.

Обезьяна кивнула и начала:

– Некогда я был принцем, красивым, умным и влюбчивым. И много месяцев была у меня связь с дамой из рода Бармаки. Долгое время я тайно посещал ее и постоянно умолял стать моей женой, но она только печалилась и всякий раз отказывала мне. Она была умной и красивой, но в конце концов и дама, и мои тщетные домогательства стали мне надоедать. Тогда я сообщил об этом даме, сказав, что не вернусь больше на место наших тайных свиданий в саду Бармаки. Сначала дама очень опечалилась и стала умолять меня изменить мое решение. Я посоветовал ей найти других любовников, но она сказала, что никогда не знала, да и не узнает столь искусного любовника, как я. Потом, видя, что я непреклонен, она пришла в ярость и стала угрожать превратить меня в обезьяну, дабы облик мой был под стать моей душе. Я рассмеялся и отвернулся от нее, однако я не знал, что дама в самом деле владеет искусством колдовства, и как только я повернулся к ней спиной, она набросила на меня

свои колдовские сети и превратила в обезьяну, хотя и наделенную даром человеческой речи и человеческим умом.

Она сделала меня своим домашним зверьком и потребовала, чтобы я занимался с ней любовью в том же саду, где мы кокетничали, когда я был принцем. Более того, эта бессердечная женщина придумала странное состязание, суть коего я вам сейчас поведаю. Каждый день отправляла она свою служанку на улицы Багдада завлекать в сад крепких молодых мужчин. В саду их вызывали на состязание в искусстве любви со мной, который низко кланялся и тараторил на цепи, дабы их подзадорить. Обычно молодые люди бывали слишком поражены, чтобы вообще что-то делать. Если они отказывались от испытания, их избивали до потери сознания и выбрасывали из сада. Если же, прельстившись редкой красотой дамы, они принимали вызов и терпели неудачу (а неудачу терпели все, ибо я, некогда принц, а ныне обезьяна, имея мало иных занятий для препровождения времени, любовником был действительно искусным), тогда их убивали, а тела выбрасывали в Евфрат. Таково было положение дел, и таково оно до сих пор, но вы первый, кого она не приказала избить тотчас после отказа исполнить ее повеление. Откройте мне ваш секрет и расскажите также, как мне вернуть себе первоначальный облик.

– Я все вам расскажу, – отвечал носильщик, – но сначала я должен поведать вам…

*

– Тут, боюсь, вмешался я, – сказал Йолл, – ибо, хотя все остальные слушали, онемев и разинув рты, я уже был не в силах сдерживать страх и любопытство. В конце концов эта хитроумная говорящая мартышка грозила лишить меня славы лучшего сказителя во всем Каире, а возможно даже, и средств к существованию.

Поэтому я крикнул, глядя на стропила: «Чем продолжать далее свой рассказ, поведай нам лучше, кто ты». Многие в толпе принялись роптать, не желая, чтобы рассказ прерывался, но я упорно стоял на своем: «Ты случаем не один из джиннов? Не чертенок Сатаны, посланный нас искушать? А может, плод колдовских сил? Объяснись».

Тут послышались и одобрительные возгласы. Многие в толпе явно разделяли то мнение, что происходит нечто богопротивное, и в публике едва не началась драка между теми, кто хотел отвести обезьяну на допрос к главному кади, и теми, кто хотел, чтобы сия, судя по всему, чудесная мартышка продолжила

рассказ. Но тут вмешался старик в грязном белом тюрбане, стоявший до той поры в углу.

– Господа, – сказал он, – это не колдовство, а только дар, и даром сим владею я, а не обезьяна. Хотя мы оба, вероятно, виновны в том, что обманывали вас, но мы желали вас только позабавить. Мартышка эта моя, и в ней нет ничего сверхъестественного. Историю рассказывал я, а не она. Я – хранитель одного из тайных, хотя и естественных искусств древних халдеев, то есть чревовещатель, последний чревовещатель, оставшийся во всем Египте. Да, обезьяна шевелила губами, но когда казалось, что она говорит, на самом деле это был всего лишь мой голос, перенесенный вверх, на потолок.

– Секрет истинного чревовещателя, – поспешно добавил он, ибо, очевидно, опасался, что некоторые посетители кофейни обвинят его в колдовстве, – в умении манипулировать мышцами живота. Если мышцы живота сильны и полностью подчинены голове, то, постепенно выпуская из живота воздух, можно направлять голос в ту или иную сторону, куда заблагорассудится.

Закончив объяснять, он пожал плечами и улыбнулся, но, по правде говоря, никого из присутствующих, а меня и подавно, объяснения этого подозрительного с виду старика не убедили. Все отчетливо видели и слышали, как обезьяна говорила. Некоторые слушатели даже начали выражать недовольство, когда вдруг оказалось, что обезьяна под крышей больше не сидит. Она исчезла. Это, видимо, очень расстроило человека в тюрбане, и, сказав, что намерен догнать и вернуть себе свою обезьяну, он выбежал на улицу и тоже скрылся с глаз.

В кофейне поднялся шум. Потом стоявшие рядом со мной набросились на меня, говоря, что, поскольку рассказ обезьяны был прерван по моей вине, я должен его соответствующим образом продолжить и закончить, при этом они ободряюще добавили, что если я откажусь, то мне намнут бока. Они желали знать, что прошептал на ухо даме носильщик. Тогда я продолжил рассказ с того места, где остановилась обезьяна…

*

– Итак, – сказал носильщик Мансур, – дело, видите ли, вот в чем. Я был готов именно к такому состязанию и поэтому, улучив момент, прошептал ей на ухо: «Коли суждено мне умереть, то я умру, но сначала, госпожа, отгадайте, что это такое:

Спрошу тебя о семерых, уже имеющих названья.

Они не заплутают, не вылетят из памяти, и каждый стар и нов.
Всяк, кто живет в них, живет как в жизни, так и в смерти.

Думаю, вы не убьете меня, пока не отгадаете». И верно, – добавил носильщик, – разгадки она не знала.

– И я не знаю, – в недоумении почесав голову, сказала обезьяна, которая была также принцем.– Откройте мне разгадку. Я буду свято хранить вашу тайну. И еще скажите, почему дама должна отгадать загадку, прежде чем сумеет причинить вам вред?

Но тут как раз вернулась дама. Смиренно поцеловав носильщика на прощанье, она пообещала не позднее чем через год найти ответ, попросила его набраться терпенья и, выяснив, где его можно разыскать, приказала с почетом проводить его из сада.

Прошло три года, и вот однажды, когда носильщик шел по улице, спеша на пятничную молитву, его похлопал по плечу какой-то человек.

– Эй, Мансур, вы что, меня не узнаете? Я же был обезьяной в саду той кровожадной дамы, но сумел вновь обрести свой настоящий облик, и теперь я снова принц.

Носильщик был изумлен.

– Как это могло произойти?

– Я расскажу вам, – сказал принц.– Но сначала вы должны рассказать мне, как вышло, что вы загадали даме ту загадку, а также поведать, удалось ли ей дать вам ответ.

– С тех пор я ее больше не видел, – торжествующе улыбаясь, сказал носильщик.– Что же до другого вопроса, то вы все узнаете, но сначала должны рассказать мне, как вы вновь обрели облик и положение в обществе.

– Согласен. Откровенно говоря, все произошло совершенно неожиданным и непостижимым образом. Как-то раз мы с дамой лежали в садовой беседке. Она обнимала меня и теребила пальчиками мою шерсть, как вдруг мы подняли глаза и увидели стоявшего над нами человека, слегка поблескивавшего в нагретом воздухе и в ярости занесшего кулаки над головой. Наружности человек был довольно странной. Он был молод, но на плечи ему спадали длинные седые волосы. Облачен он был в серебристо-синий плащ и был христианином, ибо носил на шее большой серебряный крест. Осыпая даму проклятиями на многочисленных языках, он пинком отшвырнул меня прочь, а потом дал пинка и даме. Покончив с проклятиями и пинками, он вновь повернулся ко мне и принялся рассматривать меня более внимательно.

Похоже, он увидел у меня в глазах истинный мой облик, ибо тихо произнес несколько слов, сделал пасс, и я снова оказался принцем. Он взял меня за руку, проводил до двери сада и велел возблагодарить моего Бога за избавление от заклинания колдуньи. При этом он под страхом смерти, а то и кое-чего похуже, запретил мне возвращаться в сад. Поняв, что это могущественный волшебник, я почтительно с ним распрощался и пообещал делать все, как он велит, и до сих пор держу слово. Потом я возвратился к своей возликовавшей, хотя и немного озадаченной семье.

– Ах, – сказал носильщик.

– Истории немного не хватает законченности, – сказал принц.

– Возможно, то, что я вам сейчас расскажу, в какой-то степени поможет ее закончить, – сказал носильщик.– Видите ли, думаю, я был не первый, кто загадал даме ту загадку. Однажды вечером, четыре или пять лет тому назад, в конце долгого и трудного дня я, желая напиться на свои заработанные тяжким трудом динары и позабыть о том, как их заработал, забрел в дом, где в нарушение закона происходила тайная попойка. Выпив, я люблю поговорить, и там разговорился с одним христианином – да, у него были длинные седые волосы и он носил на шее крест. Он принялся поддразнивать меня по поводу моего опьянения, хотя сам был еще пьянее меня. В конце концов он шепотом поведал мне, что является великим волшебником. Я не поверил и рассердился, после чего рассердился и он. Я сказал, что великий волшебник должен жить в чудесном дворце и иметь красивых женщин, которые исполняют каждое его желание, а не пить со мной украдкой в этой жалкой лачуге. От этих слов христианин, к моему облегчению, перешел кз состояния воинственного опьянения в состояние опьянения унылого. История его столь печальна, сказал он, что ему тяжело ее рассказывать, но он найдет кого-нибудь, кто это сделает. С этими словами он, к моему удивлению, сунул голову под стол и громко крикнул: «Вашо! Вашо!»

Тотчас же появился Вашо. Он был говорящей обезьяной – как и вы некогда, мой друг, – сказал носильщик, похлопывая принца (который слегка поморщился) по плечу.– Так вот, Вашо уселся на стол, взял с разрешения христианина несколько орехов и начал: «Мой господин действительно могущественный волшебник. Я и сам творение его волшебства…»

*

– Постойте, Йолл, – сказал Корню, который так и не перестал

ходить вокруг них, точно голодная, но нерешительная хищная птица.– Надеюсь, эта ваша путаная бессмыслица к чему-нибудь ведет.

– И со временем распутается, – сказал Йолл.

– Сомневаюсь, что у меня есть столько времени, – сказал Корню.– Чем больше я слушаю ваши рассказы, тем большее сомнение меня гложет по поводу их достоинств. Мне кажется, вы порвали с великой традицией рассказывания историй ради бесцельных странствий по воображаемым городам, где плоды труда человеческого всегда эфемерны, ибо волшебство сводит все на нет; чьи обитатели, похоже, всегда сулят тайные сокровища, но никогда – нравственное просветление, и где самому мужскому полу грозит гибель от рук ненасытных женщин.

– Но ведь это чистая правда, женщины Каира– безжалостные людоедки, все до единой, – вставил монах.

Корню пропустил его слова мимо ушей:

– Есть и кое-что похуже. В городе есть один квартал. В квартале есть улица. На улице есть дом. В доме – комната. В комнате – коробочка. В коробочке… Кто знает, что находится в коробочке? Никто, зато все знают, что в конце подобной повести таится некое беспредельное зло. Меня тревожит то, как вы строите свои рассказы, Йолл. Обезьяна одерживает верх, а Обезьяне всегда хочется слушать рассказы о себе.

Йолл ничего на это не отвечал, но казался напуганным. Он страстно желал продолжить, но не отваживался.

– Я иду спать, – сказал Корню.

Как только он вышел, Бэльян наклонился к монаху:

– Когда я спросил вас в караван-сарае, не устраивается ли вокруг меня некий странный заговор, вы отвели меня на гору Мукаттам, а там отрицали это и даже бились головой о камень, но теперь Великий Магистр утверждает, что заговор существует.

– Я всегда лгу, – сказал монах и приложил палец к губам, ибо Корню возвращался.

– Советую вам всем тоже немного поспать, – сказал он, – ибо грядущие дни и ночи будут трудными.

Все прокаженные покорно последовали за ним. Бэльян, Бульбуль, монах и Йолл остались. Йолл весь дрожал. Монах попросил его продолжить рассказ, ибо всем очень хотелось услышать ответ на загадку.

Глава 16
Окончание интерлюдии

Единожды рассказывать эту историю в холодном, темном подвале было довольно неприятно. Описывать же теперь во всех подробностях то, как я рассказывал тогда эту историю, почти невыносимо. Если бы я только мог найти кратчайший путь… Бедный Йолл.

Заговорив, Йолл успокоился.

– Напомню вам, что я находился в кофейне, в окружении враждебно настроенных слушателей, и должен был закончить историю, начатую обезьяной на стропилах. Я рассказывал вам о том, что рассказывал им о том, что носильщик рассказал принцу о том, что ему рассказал Вашо, обезьяна седовласого христианина. Итак…

*

«Мой господин действительно могущественный волшебник, – начал Вашо, выплюнув при этом скорлупки нескольких орехов.– Я и сам творение его волшебства – как и его великолепный дворец, который он возвел в нескольких милях от города и обставил лучшим из того, что можно сотворить с помощью магии. Однако жить там он не будет до тех пор, пока не исполнится его самое сокровенное желание.

Теперь я расскажу вам, в чем состоит его самое сокровенное желание. Несколько лет тому назад мой господин шел, погрузившись в раздумья, по улице, по одну сторону которой тянулась стена сада одного богатого человека. Внезапно к ногам его упал мяч, и из-за стены донеслись детские всхлипывания. Голос некой девочки обещал все на свете тому доброму прохожему, который бросит мяч обратно через стену. Мой господин не стал бросать мяч, а, употребив заклинание, прошел сквозь стену, взяв мяч с собой. От изумления оба потеряли дар речи, она – при виде волшебства, он – от ее красоты, ибо, хотя и была она всего лишь маленькой девочкой, даже не достигшей зрелости, уже тогда было очевидно, что в один прекрасный день она станет первой красавицей в стране. Он решил, что, когда сей день наступит, он сделает ее своей невестой. Сказав ей это, он похвастался своим богатством и поведал ей о том, как обрел дар волшебства, но она ответила, что, хотя и рада заполучить обратно

свой мяч, выходить за него замуж не хочет, ибо он намного старше, а из-за преждевременной седины и вовсе кажется стариком. Тогда он пообещал, что, если только по прошествии семи лет она уйдет из дома к нему, он научит ее пользоваться волшебной силой, но она все еще колебалась. Вот он и предложил обучить ее всем лучшим приемам своего искусства, а также загадать загадку: если за семь лет она сумеет эту загадку отгадать, то они будут квиты, если же нет, тогда ей придется стать его невестой. Немного поразмыслив, она согласилась, и он загадал ей загадку, которая такова:

> Спрошу тебя о семерых, уже имеющих названья.
> Они не заплутают, не вылетят из памяти, и каждый стар и нов.
> Всяк, кто живет в них, живет как в жизни, так и в смерти.

Девочка была дочерью богача, и берегли ее пуще глаза, но ничто нельзя уберечь от волшебства моего господина, так что всю следующую неделю он каждый день приходил обучать ее своим заклинаниям и магическим формулам – как заклинать змей, как предсказывать судьбу по родимым пятнам, как летать по воздуху, как делать золото и… как превращать людей в обезьян. Затем он покинул ее, пожелав ей радости в жизни и удачи в применении вновь обретенных способностей и повелев честно ждать его семь лет, после чего он вернется, дабы выяснить, отгадала ли она загадку, и, если нет, увести ее из дома. Эту историю я рассказываю вам потому, – сказал Вашо, – что семилетнее ожидание подходит к концу, и мой господин пьет, дабы унять свои страхи, поскольку боится, что девочка сумела отгадать загадку. Загадка, однако, трудная. Я не знаю разгадки, хотя бился над ней семь лет».

И с этими словами он и его господин исчезли. Пуф! Совершенно неожиданно, точно развеялся дым! Безусловно, – сказал носильщик, – хотя это чистая случайность, когда служанка дамы привела меня в сад, я догадался, кто она такая, и прошептал ей на ухо ту загадку, надеясь напугать ее и тем самым спастись. Семь лет уже почти прошли, а она так и не знала ответа.

– Зато я знаю, – сказал принц.– Разве не…

*

– Подождите, Йолл, – сказал Бэльян.– Совсем недавно вы сказали, что христианин объяснил девочке в саду, как случилось,

что он обрел свой дар волшебства. Мне бы хотелось услышать эту историю.

– Ах да, – сказал Йолл.– Не стоит торопить события. Эту историю я должен вам рассказать.

Тут, ко всеобщему удивлению, неожиданно заговорил Бульбуль, который сидел до той поры в углу, тихо скрипя пером:

– Будьте благоразумны, Йолл, не рассказывайте эту историю. Подумайте, что может произойти, если проснется Корню и, вернувшись, обнаружит, что вы до сих пор рассказываете. Берегитесь!

Йолл боролся с собой.

– Ладно, я буду рассказывать как можно короче. История, которую христианин рассказал девочке в саду, такова…

*

Много лет тому назад один христианин, который готовился стать ученым монахом (а это и был наш христианин), удалился в пустыню близ Дамаска, дабы поститься и размышлять. Тогда Иблис – который известен также как Шайтан или Божья Обезьяна, – понимая, что пост и уединение подорвали силы этого человека, направился однажды ранним утром в пустыню его искушать. Зная, что простейшие козни наиболее действенны, он предстал перед отшельником, не потрудившись скрыть ни своей внешности, ни своих намерений. Наоборот, он сразу перешел к делу и посулил христианину исполнить три его желания, какими бы они ни были, если только тот откажется от поклонения и послушания единственному истинному Богу и будет взамен поклоняться Иблису. Долго сидел христианин, погруженный в раздумья, после чего наконец заговорил:

– О Иблис, ты сулишь мне все, что я сумею выразить тремя желаниями, но, как известно любому простаку, желания зачастую способны оборачиваться против того, кто их высказывает. Не всегда все так просто, как кажется.

Иблис пожал плечами (которые были покрыты мерзкой чешуей):

– Твоя правда, христианин, такое часто случается, но, возможно, ты настолько умен или добродетелен, что сумеешь как-то обойти эту проблему.

Христианин снова задумался.

– Хорошо, так тому и быть.

Иблис победно ухмыльнулся (мерзкой ухмылкой, ибо губы у него были толстые и мясистые, а зубы – черные), но именно Иблис-то ничего и не понял. Затем христианин громко отрекся от

единственного истинного Бога и отвесил Иблису церемонный поклон. Иблис был вполне доволен и велел христианину высказывать желания.

– Во исполнение первого моего желания, – сказал христианин, – я хочу, чтобы ты принес мне голыш.

Весьма озадаченный, Иблис оглядел пустыню, нашел у себя под ногами голыш и отдал его христианину.

– Теперь я желаю получить ящерицу.

Еще более озадаченный, Иблис быстро отыскал ящерицу, которая, между прочим, пряталась под только что поднятым голышом, и отдал ее христианину. Христианин не потрудился взглянуть ни на голыш, ни на ящерицу, но крепко стиснул их в руках и высказал третье желание:

– И наконец, о Иблис, я желаю, чтобы ты верой и правдой служил Богу, от коего я только что отрекся.

Иблиса охватило смятение. Он указал христианину на то, что существует негласная традиция, устанавливающая пределы выполнимых желаний.

Христианин ответил, что, будучи простым отшельником в пустыне и почти не обладая опытом общения с джиннами, он едва ли мог знать о существовании подобных традиций. К тому же, высказывая два первых желания, он всячески старался доставить Иблису как можно меньше хлопот. Более того, высказывая третье желание, он, в сущности, радел лишь о душе Иблиса и его духовном благополучии. Поэтому он считает необходимым настаивать, чтобы Иблис исполнил то, что он просит.

Иблис ужаснулся и понял, что его ловко провели. В отчаянии он пообещал христианину исполнить еще три желания, если только тот освободит его от последнего страшного обязательства. Получив от Иблиса заверения в том, что, помимо желания, чтобы Иблис сделался богобоязненным, все остальные будут исполняться без ограничений, христианин с наигранной неохотой согласился.

Первое из новой серии желаний состояло в том, чтобы он сумел освободиться от вероотступнической клятвы и от службы у Иблиса. Иблису желание не понравилось, но он вынужден был уступить. Во-вторых, он перед Богом пожелал, чтобы его добрый друг Иблис всегда пребывал в добром здравии. Этому желанию Иблис был чрезвычайно рад, о чем, потирая мозолистые руки, и сказал христианину.

– Это далеко не все, что я намерен для тебя сделать, – ответил христианин, – ибо желаю, чтобы мое третье желание ты оставил себе.

С быстротою молнии, дабы христианин не успел отказаться

от своих слов, Иблис, взмахнув от радости чешуйчатыми крылами, поспешно пожелал отменить исполнение всех прежних желаний, но, разумеется, слишком поспешил, ибо едва сорвались с языка его эти слова, как он обнаружил, что не пребывает больше в добром здравии. Мало того, он с такой быстротой терял силы, что ему уже мерещилась близкая смерть. В еще большем отчаянии, нежели прежде, он пообещал христианину исполнить еще три желания, если только тот соблаговолит вернуть себе то последнее, которое отдал ему. Христианин улыбнулся и согласился.

Потом христианин пожелал, чтобы христианство оказалось истинной верой. Ныне есть люди, которые полагают, что истинной верой до сих пор остается ислам, но в тот самый миг его навсегда вытеснило христианство. Другие полагают, что Иблис был не в силах исполнить это желание, ибо вся его власть – от Бога, а Бог не может позволить себе возникать по чьему-то желанию. На это фракция меньшинства отвечает, что, хотя Бог не может пожелать себе ни возникновения, ни исчезновения, он может передать право на это желание другому существу. Мнение большинства, однако, таково, что это просто-напросто сказка.

Как бы то ни было, у христианина оставалось в запасе еще три желания (не забывайте, что одно Иблис ему вернул), но поскольку высоко в небе уже светило солнце и поскольку ему немного наскучило дразнить Иблиса (ибо он попросту его дразнил), он пожелал, чтобы Иблис ради препровождения времени ему что-нибудь рассказал. Тогда Иблис рассказал отшельнику историю, и она такова…

*

– Йолл! – предостерегающе воскликнул Бульбуль.

Йолл казался взволнованным.

– Ну что ж, хорошо, поскольку время не терпит, я вынужден опустить историю, которую Иблис рассказал отшельнику, хотя она интересная и называется «Повесть о двух карликах, которые отправились на поиски сокровищ».

*

Когда рассказ был окончен, христианин почувствовал себя достаточно отдохнувшим, чтобы вновь выражать желания.

(– Немудрено, – сказал Бульбуль, – ведь «Повесть о двух карликах» очень длинная.) Тогда христианин, воспользовавшись вторым из четырех желаний, попросил, чтобы он превратился в

Иблиса, а Иблис – в него. Тотчас же это произошло, но, поскольку обрели они при этом не только наружность друг друга, но также мысли, душу и воспоминания, на взгляд человека несведущего мало что изменилось.

Высказывая третье желание, христианин (или лучше называть его Иблисом?) пожелал еще три желания. Иблис мог бы вновь возразить, заявив, что это мошенничество, и отказаться исполнять желание, но, нисколько не сомневаясь в том, кто из них – он, и рассудив, что новая серия желаний может привести к благоприятным для него результатам, Иблис (кем бы он ни был – нет, все-таки пускай остается Иблисом) протеста не заявил. Тогда христианин загадал тайное желание (которое я открою впоследствии). Далее он пожелал стать колдуном, обладающим почти неограниченными возможностями. Затем, отложив следующее желание на более поздний срок, он покинул пустыню и возвратился в города людские, дабы с выгодой для себя использовать вновь обретенные способности.

Весьма довольный собой, смотрел волосатый Иблис, как он покидает пустыню. По словам сказителей, причина Иблисова удовольствия такова. Христианин, который удалился в пустыню, действительно был человеком умным и добродетельным и тремя самыми первыми желаниями несомненно доказал свое бескорыстие, однако, как показывают его последующие желания, постепенно изощренный ум завел его слишком далеко, а самонадеянность сбила его с пути. Так показалось Иблису, а Бог всерьез прогневался на христианина.

Вот почему, несмотря на то, что христианин получил в свое распоряжение неограниченные богатства и почти неограниченные колдовские силы, Бог сделал его одиноким и заставил его, усталого и не знающего покоя, скитаться из города в город. Вот в каком положении находился сей проклятый человек, когда вошел в сад дочери богача. Там он решил, что нашел себе спутницу и супругу.

Вернемся же к неожиданной встрече принца с носильщиком.

– Я знаю ответ на загадку, – сказал…

*

– Минутку, – вмешался монах.– А как же оставшиеся желания?

– К ним мы еще вернемся, – ответил Йолл.– Итак…

– И еще одно, – перебил его Бэльян.– В начале истории вы утверждали, что дело происходит в старом Багдаде, но затем сказали, что носильщик сказал принцу, что его встреча с Вашо,

говорящей обезьяной, произошла в кофейне на берегу Нила!

– Обмолвка, – ответил Йолл, – я имел в виду Тигр. Итак, если мне позволено будет продолжить…

*

– Я знаю ответ на загадку, – сказал принц. – Разве не простая случайность все, что с нами произошло? Сейчас я расскажу вам кое-что слишком необычное, что никак не могло быть случайностью. Должен сказать вам, что, живя в обличье обезьяны, я выучил обезьяний язык и до сих пор его не забыл. Так вот, несколько недель тому назад я прогуливался по одному из общедоступных садов города и вдруг услышал, как на банановом дереве несколько мартышек праздно коротают время, загадывая друг другу загадки. Больше всего позабавила мартышек именно та загадка, которую вы мне только что напомнили. К великому огорчению мартышки, предложившей загадку, две другие легко ее разгадали. Ответ, который они дали, таков: семь дней недели. Если бы я только знал тогда… Судьба и вправду странная штука. Хотя дама обращалась со мной жестоко, ныне я испытываю к ней чувство жалости.

– Но, возможно, приключение еще не закончилось, – сказал носильщик, схватив принца за руку. – Надо спешить. Быть может, мы еще успеем спасти даму от чародея.

Однако, хотя носильщик с принцем одолели весь город бегом, когда они добрались туда, где, как им помнилось, некогда были дама, сад и дом, все это уже исчезло. Чародей побывал там до них. Еще долгие годы принц не мог с этим смириться и бродил по улицам города в поисках сада и дамы в саду, скорбя по ушедшим годам звериной своей жизни в неволе.

*

– На этом история и заканчивается?

– Конечно нет, – ответил Йолл. – Что касается чародея-христианина и дамы, то, подвергнув даму телесному наказанию и загадав ей загадку, на которую она не смогла дать ответа, христианин, к удивлению дамы, покинул ее и исчез из сада. Короче говоря, усталый, разочарованный и проклятый Богом, вернулся он в пустыню и сначала пожелал, чтобы стерты были с лица земли дама, которая не оправдала его надежд, ее дом и сад. Затем властно пожелал, чтобы он вернулся сквозь все эти годы в прошлое, чтобы все его желания, кроме последнего, были отменены, чтобы ему никогда не встречаться с Иблисом и чтобы

он позабыл обо всем, что случилось. Все эти желания были исполнены. С точки зрения христианина, ничего не произошло, а если и произошло, то быстрее, нежели в мгновение ока. Еще сорок месяцев размышлял он в пустыне, после чего возвратился в Дамаск и стал трудиться в монастырском саду.

В заключение хочу сказать, что, выслушав мою историю, публика осталась довольна и отпустила меня восвояси. Ни чревовещателя, ни его обезьяну я никогда больше не видел.

– Та ли это история, которую рассказала бы обезьяна, позволь вы ей продолжить? – спросил Бэльян.

– Не знаю. Наверное, нет.

– Она во многом похожа на то, что приключилось со мной.

– Я поведал ее вам, дабы показать, как обезьянничает природа, слепо подражая искусству.

– Мне непонятна цель этих историй в историях.

Йолл изобразил недоуменный вид и ответил:

– Но ведь история в истории – это точная копия вашего нынешнего положения, ибо что такое заговор, как не история в истории? И что такое шпион, как не человек, который стремится постичь этот внутренний сюжет, скрытую истину? Поэтому я просто подумал, что история в истории соответствует вашей натуре.

– Моей натуре?

– Ну конечно, – говоря, Йолл в возбуждении ерзал и чесался.– По натуре своей вы были шпионом задолго до того, как французы увидели в вас такового. Вы же ничего не делаете, только бродите без всякой цели, одинокий, недоверчивый, нерешительный, а люди с вами разговаривают. Кажется, будто вы ничего не делаете, но эти большие задумчивые глаза подмечают все. Задолго до того, как вы приехали шпионить за мамлюками, вы шпионили за жизнью. Ваше лицо похоже на маску. Поэтому оно выдает вашу профессию – охотник за заговорами. Но заговоры – это всего лишь фантазии простаков, ожидающих простых объяснений тех событий, чьи причины и цели на самом деле очень сложны. К событиям, происходящим в этом городе, вы не подберете ни единого ключа.

Бэльян не понял ни слова.

– Возвращаясь к вашей истории, скажите, где вы ее услышали? Или сами выдумали?..

Глава 17
Продолжение окончания интерлюдии

Ох, каково же рассказывать совсем другую историю – к примеру, историю о халифе Батике! Другой такой длинной повести я не помню. И все же я стрелой помчусь к ее неизбежной развязке. Забавных отступлений больше не будет, ибо многое еще в этом городе я желаю вам показать: каирский птичий двор, например. Цыплята выводятся на теплых кирпичах. Это непременно подмечают все чужеземные гости нашего города. Потрясает размах предприятия. Взор вошедшего в один из двух десятков огромных курятников тотчас же устремляется вдоль длинных полок, до потолка уставленных сомкнутыми рядами клеток. Куры подымают оглушительный шум, сотни несушек, выстроившихся в стройные ряды, кладут яйца, и из тысяч нагретых на теплых кирпичах яиц выводятся тысячи цыплят. Просто не верится, что у вас на Западе может быть нечто подобное! Вот увидите! Вы будете поражены!

Но сначала надо закончить рассказ. Он может вас позабавить, даже несмотря на то, что мне он удовольствия больше не доставляет. Здесь, внизу, холодно и темно. У меня неудержимо выделяются пот и слюна, в глазах черные круги, сводит желудок, трудно дышать, точно чьи-то пальцы сжимают мне горло, однако не будем останавливаться на грустном разборе моей анатомии. Продолжим увеселение…

Но тут торопливо вмешался монах:

– Да, возвращаясь к вашей истории, скажите, как вышло, что пара мартышек сумела отгадать загадку, которая оказалась не по силам и даме, и принцу, и носильщику?

Бульбуль застонал, но Йолл ответил:

– Ах, как же я мог упустить самую важную часть рассказа!

Он хлопнул себя по лбу и продолжил.

*

Когда приключение закончилось – то есть когда принц с носильщиком обнаружили, что и дама, и сад исчезли, – они повернули обратно и разговорились.

– Вы, судя по всему, человек неглупый, – сказал принц. –

Почему же вы всего лишь простой носильщик, когда в нашем городе перед умными его жителями все двери открыты?

– Теперь, о принц, я как раз и живу надеждой, что вы окажете мне протекцию, – отвечал носильщик. – А в ответ на ваш вопрос позвольте мне рассказать одну историю.

(– Между прочим, это учебная история Веселых Дервишей, – вставил в качестве небольшого отступления Йолл.) Носильщик начал рассказ:

– Давным-давно, за горами, за долами, в далеком Рукнабаде, отправился как-то раз султан тех владений поохотиться в свои леса. Охота складывалась неудачно, но под вечер султан и его егеря неподалеку от логова загнали и убили волчицу. Предполагая найти ее детенышей, один из самых храбрых егерей обшарил логово. Волчат он не нашел. Нашел же он там маленького мальчика, грязного, щуплого, с длинными острыми ногтями. Похоже было, что его растила волчица. Подивились султан и его придворные такому чуду, и султан приказал доставить волчьего выкормыша во дворец и воспитывать вместе с его родными детьми.

Мальчика доставили во дворец, но оказалось, что воспитывать его вместе с сыновьями и дочерьми султана невозможно, ибо он был неопрятный, непослушный и бессовестный. Он беспрестанно плакал и не желал говорить. Долго еще изумляла людей его тайна, но в конце концов его упрятали под замок в султановы конюшни. Прошло несколько лет, и о волчьем выкормыше, питавшемся объедками, которые бросали ему султановы конюхи, почти позабыли.

Но однажды вечером, когда султан и его придворные обедали в большом зале дворца, дворецкий обратил внимание своего господина на щель в мраморном полу. Пока султан смотрел, щель расширялась, а потом, как только она стала достаточно широкой, из нее, громко пыхтя и отдуваясь, выбрался и неуклюже сгорбился посреди обеденного зала джинн. Даже там он доставал головой до потолка. Не дожидаясь вопросов, джинн заговорил: «О султан, во дворце твоем есть одна тайна. Я говорю о мальчике, воспитанном волчицей. Тайна происхождения его не известна ни единому человеку. Он должен раскрыть ее сам. Истина предназначена ему одному. Если мальчик желает узнать тайну своего происхождения, он должен отправиться на поиски. Не позднее чем через месяц он должен разыскать меня. Я живу в зубастой пещере в горах, на северной границе твоих владений. Там я буду ждать его».

Султан воскликнул что-то в ответ, но джинн его не дослушал. Он вновь спустился в глубины земные, тщательно заделав за

собой щель.

Всеобщее оцепенение наступило после исчезновения ужасного призрака. Из конюшни привели мальчика и передали ему слова джинна. Он не подал виду, что понял их, но султановы слуги тычками, а потом и пинками выпроводили упрямого и, по-видимому, слабоумного мальчика из дворца и показали ему горы, высившиеся к северу от Рукнабада. Мальчик и вправду смутно понимал то, что говорят ему слуги, просто ему не хотелось покидать уютные конюшни.

И все же он отправился в путь через леса Рукнабада, двигаясь меж деревьев на четвереньках, ибо такой способ передвижения счел самым быстрым. Тропинки в лесу разветвлялись на множество новых тропинок, соединявшихся вновь. Мальчик передвигался стремительными волчьими прыжками, хотя и боялся, что не в том направлении. Но не у кого было спросить дорогу, пока однажды вечером не вышла из темной чащи девушка и не остановилась, преградив ему путь. Не сумев подобрать слова, чтобы спросить ее, как отыскать пещеру джинна, мальчик нарисовал зубастую пещеру на земле. Девушка взглянула на рисунок, а потом, превратно истолковав его намерения, задрала свои юбки и затащила его в свою потайную пещеру. Наутро он покинул спящую девушку, так ничего и не узнав.

В тот же день, однако, ему повстречалась волчица, и он обнаружил, что способен объясниться с ней с помощью ворчания и рычания и что у нее есть желание и возможность отвести его в пещеру джинна, расположенную за лесом, высоко в разреженном воздухе гор. Что она и сделала.

Пещера у джинна и вправду оказалась зубастой, ибо вход в нее был окружен изнутри сталактитами и сталагмитами. Осторожно ступая меж их клыками, мальчик вошел и лицом к лицу встретился с джинном, лежавшим в огромной куче одеял, которые тлели и дымились из-за чудовищного жара, выделяемого его телом.

Джинн, явно обрадовавшись его появлению, извлек из-под одеял слегка обгоревшее письмо и сказал: «Теперь тебе следует знать, что джинны бывают самые разные – добрые и злые, ученые и неграмотные. Некоторые джинны даже знают наизусть Коран. Но я не из их числа. Я даже не умею читать. Однако вот у меня в когтях письмо, которое содержит правду о тебе и твоем происхождении. Отнеси его вниз, в деревню, пускай его тебе там прочтут. В благодарность же за то, что я его тебе передал, прошу только об одном: возвращайся поскорее и расскажи мне, что там написано, ибо история твоя может оказаться интересной, а хорошие истории я люблю больше всего на свете».

Потом джинн, кряхтя, повернулся на другой бок, а мальчик, прорычав что-то задумчиво про себя, направился вниз, в деревню. Прошли ночь и большая часть дня, прежде чем волчий выкормыш вернулся и вновь предстал перед джинном. Он был окровавлен и весь в синяках.

«Ну, что случилось?» –спросил джинн, поднимаясь со своего дымящегося ложа. Мальчик принялся яростно ворчать и жестикулировать. Джинн не скрывал удовольствия. «Ах! Совсем забыл, ты же не способен говорить! Какое несчастье! Ты страдаешь тем, что мы, джинны, называем афазией. Это недуг, при котором больной не в состоянии облекать свои мысли и переживания в слова. По этой причине ты не в силах разгадать тайну своего происхождения. С другой стороны, тайна сия еще не разгадана. По этой причине ты не в силах говорить. Вот это узел! Как же нам его распутать? Так вот, дело в том, что ты попросту боишься раскрывать тайну своего происхождения. Узел – в тебе самом. Ты молчишь и все эти годы молчал, дабы не узнать ненароком, где находится твой отец, и не встретиться вновь с человеком, который, по-твоему, ребенком бросил тебя в лесу на милость волков. Но в молчании твоем никакого проку. Теперь я смогу сказать тебе, что отец твой умер».

Джинн умолк, дабы посмотреть, какое воздействие окажут его слова. Мальчик совершал глотательные движения. Казалось, он сейчас подавится. Затем наружу вырвался поток слов. Долгое время они складывались в сплошные проклятия. Наконец он достаточно успокоился, чтобы поведать джинну свою историю и даже найти некоторое удовольствие в ее формулировании.

«Я направился в деревню, как ты мне велел. День был жаркий, поэтому, спускаясь с горы, я испытывал все возрастающую жажду. Немного не дойдя до деревни, я повстречал на перепутье одноглазого старика. К поясу у него, как я заметил, была привязана фляга с водой. Я жестами показал ему, что он должен дать мне напиться. Он понял, что я хотел сказать, и ответил словами: «С какой стати?»

Я показал ему пересохший язык и убедительно изобразил свои страдания. «А мне-то что? Однако в тебе что-то есть. Я дам тебе воды, но сначала ты должен отгадать загадку:

> Спрошу тебя о семерых, уже имеющих названья.
> Они не заплутают, не вылетят из памяти, и каждый стар и нов.
> Всяк, кто живет в них, живет как в жизни, так и в смерти.

Джинн фыркнул: «Думаю, даже единственным своим глазом

он узрел, что с виду ты слабоумный, и наверняка рассчитывал, что если ты по какой-то странной случайности знаешь ответ, то вымолвить его все равно не сумеешь. Продолжай. Что было дальше?»

Мальчик нахмурился и продолжил: «Я в отчаянии смотрел на него. Потом мне пришло в голову, что, если даже я не сумею заставить его дать мне немного воды, он хотя бы может избавить меня от необходимости идти в деревню. Поэтому я сунул ему в руки письмо, которое ты мне дал, и с надеждой посмотрел на него. Он бегло просмотрел письмо и вернул его мне. Он был в ярости. «Ты отгадал загадку, – сказал он. Потом он бросил на меня хитрый взгляд: – Я обещал тебе воды, но не обещал чашку». И с этими словами он вылил воду мне под ноги, и она впиталась в пыль. В бешенстве набросился я на него и попытался разодрать ему глотку зубами. Потом, обнаружив, что зубы у меня недостаточно большие и острые, я попросту его задушил.

В ужасе воззрился я на первого убитого мной человека. Потом я обыскал его тело, надеясь найти что-нибудь мало-мальски ценное. При нем было только письмо. Взяв и его, и мое письмо, которое я ему показывал, я продолжил путь в деревню.

Там, помахав письмами, я дал понять, что прошу отвести меня к тому, кто сумеет их прочесть.

Меня отвели к профессиональному письмописцу, который читал и писал все письма в деревне. «Покажи-ка, – сказал он. Потом он молча углубился в чтение и через некоторое время сказал: – Это очень интересно». После чего он вышел и собрал вокруг себя полдеревни. Затем, удовлетворившись, наконец, количеством слушателей, он начал нам всем читать.

«Мектуб. Сие написано. Это рассказ о судьбе и ее превратностях… Родителей своих я не знал. Я был подкидышем и, судя по самым первым моим детским воспоминаниям, рос в лесу среди обезьян. Но однажды, когда я еще был ребенком, люди нашли меня сидящим на опушке и отвели в ближайший город. В городе был школьный учитель, служивший при большой мечети, и меня отдали на его попечение. В меру своих весьма скромных способностей я обучился у этого человека обычаям и языку рода людского. Наконец настала пора обучить меня ремеслу или профессии. Однако найти наставника, который согласился бы взять меня в ученики, оказалось трудно, ибо всех смущало мое таинственное происхождение и я в самом деле был угрюмым и, видимо, недалекого ума человеком. Но однажды, когда мы с учителем бродили по базару в поисках подходящего наставника, к нам подошел один человек и сказал, что подыскивает команду на

свой корабль, на котором предполагает с торговыми целями отплыть к островам, расположенным восточнее Суматры.

Они со школьным учителем быстро договорились о том, что меня, который, насупившись, стоял рядом, зачислят в списки команды. Был подписан контракт, и капитан заплатил учителю деньги. Мой новый хозяин отвел меня на пристань. Знать бы мне тогда то, что предстояло узнать впоследствии, я повернулся бы и убежал обратно в леса, дабы жить там в первобытном довольстве, питаясь фруктами и орехами. Но я был молод, думал, что с моим скучнейшим образованием покончено, и уже обуреваем был жаждой приключений! Вслед за капитаном поднялся я на корабль. Капитан был весьма доволен выгодной сделкой, заключенной с учителем. Поскольку ясно было, что капитан не богат, и многие подозревали, что его таинственное предприятие будет рискованным, команду он набирал с большим трудом. Команда, которую ему удалось подобрать, состояла по большей части из преступников, калек и (как я, например) людей скудоумных.

Капитан был стариком, озлобленным и жестоким. Он был одержим, как пришлось мне впоследствии узнать, сознанием прошлого греха и нынешней цели, хотя равно и то, и другое было мне тогда неведомо. Команда служила ему неохотно. Всей команде было известно, да и в городе ходили упорные слухи, что торговля с островами восточнее Суматры, да и с кем бы то ни было, капитана совсем не интересует. Вместо этого, как утверждали многие, он намеревался, преследуя собственную тайную цель, направить судно на самый край земли.

Именно это он и сообщил нам в день, когда мы снимались с якоря. Он обратился к нам с полуюта.

– Я провожу изыскание, – сказал он.

Будучи с детства дурачком, слова этого я не знал (ныне мне его смысл хорошо известен) и поэтому спросил:

– Что такое изыскание?

– Проводить изыскание – значит задавать вопрос в движении, только и всего, – ответил он.

– Какие же вопросы вы задаете? – спросил другой член команды, но капитан разгневался и больше ничего нам, палубным матросам, не открыл. Единственным человеком, коему он действительно доверял, был его помощник.

Мы снялись с якоря. Что это было за плавание! Меня отправили вахтенным в «воронье гнездо», и я сидел там день за днем, восхищенно глядя вперед или вниз. Впереди я видел чистую, безбрежную синеву. Горизонта не было. Воздух в тех экваториальных краях был теплый и желеобразный. Он имел

природную тенденцию застывать и порождать образы, точно так же, как земля благодаря своим природным генеративным способностям порождает в почве камни; по крайней мере так учил меня в мечети мой наставник. Образование – чудесная вещь. Так вот, я видел миражи – караваны верблюдов и воздушные замки, плавучие острова, корабли, плывущие кверху килем по внутренней поверхности небесного свода, тусклые разноцветные сияния и громадные суда с наполненными ветром парусами. Однажды мне показалось, что я вижу наш корабль, испытывающий качку в бурю, идущий обратно, к порту отхода. Вне всяких сомнений, то были мои упования, предвосхищавшие реальные события. Разглядеть корабль было трудно.

Внизу взор мой носился по запутанному такелажу с его переплетениями и складками, ниспадавшими на палубу, где под наблюдением капитана трудилась несчастная команда грязных полулюдей. Приуготовленный своею обезьяньей ловкостью для жизни средь рангоутов и такелажа, я мог разглядывать их сверху и созерцать иные перспективы.

Прославит ли меня и тех рабочих животных, что внизу, таинственная цель нашего капитана?

Лишь однажды пришлось мне прервать свои уединенные размышления. В один прекрасный день мы, спасаясь от бури, зашли в порт на белуджийском побережье. Именно там я и достиг вершины счастья, и именно там, хотя тогда я этого еще не сознавал, были посеяны также семена нынешних моих невзгод. В порту, во время увольнения на берег, со мной заговорила молодая белуджийка.

– Ваше лицо напоминает морду обезьяны, – сказала она.– Не поймите меня превратно. У вас большие глаза. Щеки ваши раздуваются и пылают здоровым румянцем. Во всем лице отражается звериная невинность. У вас действительно красивое лицо. И вновь не поймите меня превратно. Я не шлюха. Я приличная девушка из хорошей семьи, живущей в этих краях, но…

И тут, – сказал дальше джинну волчий выкормыш, – профессиональный письмописец отказался читать дальше. Он утверждал, что, поскольку среди слушателей есть женщины и дети, это будет не совсем удобно. В публике разгорелся спор по поводу его притворной стыдливости. Дело кончилось тем, что письмописец перевернул несколько страниц и продолжил историю со следующего места…

Наутро мы вновь подтвердили наши обещания, и я поднялся на борт корабля, дабы плыть дальше на восток. Если бы я только знал, что за цель была у нашего капитана и при каких

обстоятельствах буду я возвращаться назад! Когда мы удалились от берегов Белуджи…

*

– Минутку, Йолл, – сказал Бэльян.– Если письмописец не согласен был читать о том, что произошло между мальчиком-обезьяной и молодой белуджийкой, это совсем не значит, что вы не можете нам об этом рассказать.

– Предание умалчивает, – сказал Йолл. Потом, после очень долгой паузы:

– Хотя ум может предположить. Но вернемся к повести о человеке-обезьяне в том виде, в каком письмописец прочел ее волчьему выкормышу, а тот пересказал джинну…

*

Когда мы удалились от берегов Белуджи и отстали птицы, которые подбирали корабельные отбросы, всех начали одолевать мысли по поводу неведомой цели нашего путешествия, расположенной к востоку от Суматры. Морякам известно множество преданий о том, что находится на краю света, и у каждого из этих преданий в команде имелся по меньшей мере один сторонник. Одни утверждали, что мир окружен бронзовой стеной. Другие говорили, что мы будем плыть, пока не натолкнемся на мир, зеркально отражающий наш собственный, и не увидим там самих себя, плывущих нам навстречу. Третьи полагали, что на краю света находится первобытная тьма, из которой создается все сущее. Четвертые считали, что там просто-напросто зловонное море без берегов.

Наконец поинтересовались мнением старшего помощника. (Хотя помощник, несомненно, был ближайшим доверенным лицом нашего молчаливого и сумасшедшего капитана, он все же умудрялся пользоваться необыкновенным влиянием среди остальных членов команды.) Мнение свое он высказал неохотно.

– Подобные вопросы бессмысленны. Спрашивать, что творится на краю света, – все равно, что спрашивать, что чувствует человек, когда он мертв.

Это все равно, что пытаться пощупать рукой край сновидения.

Капитан и дальше хранил молчание. Я был доволен. Казалось, для окончания нашего плавания нет никаких причин. Как мне хотелось, чтобы ему не было конца! И все же именно я, разумеется, и возвестил о конце нашего пути, хотя, когда я

впервые увидел остров со своего высокого наблюдательного пункта, он показался мне довольно небольшим и ничем не примечательным. Капитан приказал бросить якорь неподалеку от острова и принялся в лихорадочном возбуждении распоряжаться насчет высадки на берег. По мере приближения к острову становилось ясно, что он сплошь состоит из камней и грунта. Лишь одно-единственное засохшее дерево, стоявшее на голой земле, разрастающейся трещиной в синеве выделялось на фоне неба.

Так мы высадились на сей столь неожиданно невзрачный островок.

– Это остров на краю света, – сказал помощник капитана.

Капитан только кивнул. Вокруг него волновалась толпа моряков, и я в их числе. После длительного плавания и всех наших лишений – неужели это все? На минуту показалось, будто мы готовы тотчас же с ним расправиться. Как выяснилось впоследствии, это мало что изменило бы.

Но тут вмешался помощник, который и ответил на нашу все еще невысказанную мысль:

– Да, это все. И этого более чем достаточно. Это конец пути и награда за него. Видите вон то дерево?

Как мы могли его не видеть? То был единственный предмет на острове.

– Это древо инкубации. На острове обитает Тайный Учитель. Он мудрец, но при этом невидим.

То дерево есть своего рода дверь, открывающая путь к нему. В тени дерева может отдохнуть смельчак, который взыскует запретных знаний. Как только он уснет и станет видеть сны, он сможет приблизиться к Тайному Учителю и задать любой вопрос, какой пожелает, – здесь, под этим деревом, и больше нигде на свете.

Тут капитан быстро зашагал вперед и расположился под деревом. Он нервничал, но настроен был решительно. Успокоившись, он приготовился ко сну, хотя, прежде чем ему и в самом деле удалось уснуть, прошло несколько часов. Из нас же ни один не спал – мы наблюдали за спящим и нас одолевало любопытство. Наутро он проснулся поздно. Мы взволнованно столпились вокруг него. Еще полусонный, он неторопливо поведал нам свою историю, и мне показалось, что он стал разговаривать с нами властным тоном человека, добившегося своего.

– Мне почудилось, что я уснул и что, пока я спал, на этом засохшем дереве распустились листья, вокруг вырос лес таких же деревьев, а над лесом поднялась гора. Я посмотрел, и передо

мной возникла тропинка, отлого ведущая в гору. Я решил подняться на гору и тронулся в путь в приподнятом настроении, ибо на тенистой тропинке было прохладно, а на деревьях пели райские птицы. Потом начало припекать солнце. Подъем стал круче. Я слышал, как с треском продираются сквозь ветки крупные звери, и несколько раз подумывал повернуть назад. Поочередно я столкнулся с дикой кошкой, коброй и неким поющим существом, почти похожим на человеческое, которое попыталось завлечь меня в чащобу, однако, полный решимости добраться до вершины, я продолжал свой путь, и они в конце концов отстали и обратились в бегство. Короче говоря, – (да, никогда еще наш капитан не бывал при нас столь многословен), – наконец, совсем неподалеку от вершины, я подошел к пещере, и там, у входа, сидел почтенный мудрец, нагой и лишенный украшений, если не считать короны из танцующих бликов. Он узрел меня издалека.

«Говори, о взыскующий познаний! Спрашивай все, что пожелаешь. Задавай любой вопрос, каким бы он ни был непонятным, трудным или непристойным. Говори!»

«Где мой сын, почтенный мудрец? Увижу ли я его когда-нибудь вновь?»

И капитан умолк. Мы ждали. Наконец один из нас спросил:

– Ну, и что же он сказал?

– О, мне и в голову не приходило, что он обязан что-то сказать! Я задал свой вопрос, поэтому я попросту повернулся и спустился с горы, а найдя подлинное свое дерево, проснулся.

Это уже было чересчур. Забраться в такую даль, доплыть до острова, расположенного на краю света, храбро встретив в пути столько опасностей, – и все это по велению человека, который, когда наконец заговорил, оказался самым большим идиотом из всех нас! В ярости мы насмерть забили его камнями (и я признаюсь, что мой камень был ничуть не легче прочих).

– Какая потеря, – сказал помощник, печально глядя на труп капитана.

– Интересно, какова история этого человека?

– Кем был его сын?

– Теперь нам никогда этого не узнать.

Со всех сторон раздались крики. Помощник капитана заставил всех умолкнуть.

– Возможно, вы и правы, но должен вам сказать, что у него в каюте я видел журнал, запертый в шкатулке с медными краями. Быть может, там содержится разгадка. Ключ у него в кармане.

Мы отыскали ключ, поспешно вернулись на корабль и открыли шкатулку. Помощник схватил журнал и принялся

читать. Читал он довольно быстро. Тогда мне показалось, что с содержанием журнала он уже знаком. То, что он читал нам, оказалось не судовым журналом, как мы полагали, а историей минувшей жизни капитана. История эта такова».

«Тут я должен заметить, – сказал волчий выкормыш, – что письмописец читал медленно и часто делал паузы, дабы потолковать о чудесах этой истории. Поэтому было уже поздно, и письмописец сказал, что он выбился из сил. Он решил удалиться и дочитать историю в уединении, а наутро, когда мы все хорошенько выспимся, пересказать ее нам. Слушателям ничего не оставалось, как согласиться на это, и толпа разошлась. Мне дали поесть (между прочим, первый в моей жизни кусок вареного мяса), и я быстро уснул.

Наутро я, проснувшись, тут же поспешил к дому профессионального письмописца. На сей раз там собралась вся деревня. Писец разговаривал с людьми, и многие бросали в мою сторону гневные взгляды. Письмописец, коего я принял было за человека дружелюбного, швырнул мне под ноги оба письма и сказал: «Письма эти твои по праву, и история тоже твоя, но дальше их тебе читать я не намерен». Потом по его сигналу полетели камни. Вся деревня погналась за мной с камнями, и я едва унес ноги. И вот я здесь, со всеми своими ранами и синяками и с неоконченным рассказом».– Волчий выкормыш выжидающе посмотрел на джинна.

«Дай мне письмо!» – сказал джинн и начал читать то письмо, что подлиннее, оттуда, где остановился писец, но едва он прочел несколько слов из истории погибшего капитана, как его перебил волчий выкормыш: «Постой! Тут что-то не так. Ведь перед тем, как я вышел из пещеры с письмом, которое ты мне дал, ты сказал, что не умеешь читать!»

«Ах да. Сказал, – ответил джинн.– Но пока тебя не было, я учился читать самостоятельно. Я обнаружил, что мое неумение читать связано с нервным расстройством. Когда мне в руки попадал подобный документ, во мне боролись нетерпение и страх. И тогда я страдал от неспособности расположить элементы в правильном порядке. Я был не в силах соблюдать должную последовательность букв, слов, фраз и абзацев на странице. Однако, по-моему, я уже начинаю осваивать сей трюк».

Волчьего выкормыша эти слова, похоже, не убедили, но джинн вновь нашел нужное место и на удивление умело продолжил чтение.

То, что он читал нам, оказалось не судовым журналом, как

мы полагали, а историей минувшей жизни капитана. История эта такова.

«Когда я пишу эти строки, мы, по моим расчетам, находимся в неделе пути от острова, и, оглядываясь на странную цепь событий, которые меня к нему привели, я пытаюсь также, сидя здесь, в своей каюте, мысленно представить себе, кто и при каких обстоятельствах будет читать мою историю. Но размышлять об этом, наверное, не имеет смысла. Приступим. История, которую я должен рассказать, это история о горных крепостях, о молодых цыганках и о людях, более свирепых, нежели любой плотоядный зверь в джунглях. Это история о потаенном рае и потерянной молодости. Это история о… но к чему продолжать? Судите сами».

(Слушая помощника, читавшего историю нашего покойного капитана, я был поражен тем, каким прекрасным слогом писал наш капитан, и тотчас же решил, что, коли доведется мне писать подобную повесть, буду в меру своих весьма скромных способностей подражать сему литературному стилю.) Но вернемся к журналу, который читал помощник капитана.

«Тайна моей жизни заключена в моем происхождении, и раскрытию сей тайны посвящена моя история. Ни отца, ни матери я не знал; по крайней мере я их не помнил. Я был подкидышем в девственных лесах и рос среди медведей. На приемных родителей я пожаловаться не могу; они были не менее, но не более добры, нежели все люди, коих я с той поры встречал. Настал, однако, день, когда я научился ходить прямо и задавать людские вопросы. Как я появился на свет и почему отличаюсь от остальных медвежат? Кто мои настоящие родители?

Наконец медведи сказали мне, что я уже вырос из их опеки и что, если хочу узнать ответы, то должен пойти и расспросить черного медведя, который обитает близ некоего пруда, на самом краю дикой местности.

Придя туда, я увидел не медведя, а только человека, ловившего рыбу в глубоком пруду.

«Ты пришел задать мне вопросы».

«Я пришел расспросить медведя».

«Это я и есть. На самом-то деле я джинн. Медведям я кажусь медведем, а людям – человеком».

«Значит, я – человек?»

«Конечно. Это все, что ты хотел узнать?»

«Кто мои родители?»

«Неужели это важно? В младенчестве человек – всегда животное, как бы его ни воспитывали. Так или иначе, ответ – в тебе самом. Когда ты родился, у тебя, безусловно, была мать. Был, возможно, и отец. Ты просто-напросто подавил в себе память

о них».

«Какая же это память, если я ничего не могу вспомнить?»

«Если память не идет к тебе, я отведу тебя к ней».

С этими словами джинн поднял меня в вихре и, опустив неподалеку от освещенного солнцем приземистого храма с колоннадой, показал на него.

«Это Театр Памяти. Но здание это предназначено не для разыгрывания спектаклей, а для развития и демонстрации умственных способностей. Это идеальное место для продолжения твоих генеалогических изысканий. Должен, однако, предупредить тебя о двух вещах. Во-первых, что бы ты ни делал, не позволяй женщине у входа себя соблазнить. Во-вторых, в Театре ты можешь есть, но ни в коем случае не пей».

Потом джинн меня покинул. Он не предупредил меня о том, что дама у входа будет обнаженной, и она так мило мне улыбнулась, что, прежде чем войти в Театр, я вошел в нее.

Наконец я вошел в Театр Памяти. Там на концентрически расположенных деревянных ярусах вырезаны были иероглифами архетипы всех планет, животных, кораблей, орудий, камней, телодвижений, риторических тропов и традиционных тем, систематизированные и пересистематизированные. В волнении осмотрел я зал. Затем я вошел в другую дверь и оказался в Зале Невольных Воспоминаний. Ах, что за ужасы! Что за чудовищные образы были исторгнуты там из меня – Косолапый Великан-Людоед, Человек-Крыса, Гриф, Сфинкс и Рогатый Пророк. Именно там, однако, услышал я правду о своем происхождении, ибо различил в шуме голосов своих предков голос отца: «Слушай внимательно, сын мой, ибо история, которую я намерен тебе рассказать, будет длинной и запутанной…»

Я подошел к стоявшему в центре зала столу, уставленному яствами и напитками, и, слушая, стал есть и пить. Голос продолжал шелестеть у меня в голове:

– Право же, я растерян и не знаю, с чего начать. Быть может, начать с середины? Да, похоже, так будет лучше. Так слушай же внимательно… Ночь была темная и ненастная, и я уже почти оставил всякую надежду, как вдруг увидел далекий огонек. С трудом поднявшись по открытому склону горы, я обнаружил пещеру и двоих смуглых волосатых людей, сидевших там на корточках у костра. Я спросил, можно ли мне укрыться от непогоды вместе с ними. Они разрешили и даже, как обязывали бытовавшие у них законы гостеприимства, предложили мне еды. Пока мы ели, я внутренне трепетал, опасаясь, как бы и им не оказалась известна история о моем детстве, проведенном среди леопардов. Потом один из них рыгнул и, повернувшись ко мне,

сказал: «Расскажи…"».

Помощник, который, как вы помните, читал на острове эту повесть покойного капитана команде, в том числе и мне, перевернул страницу и злобно на нее уставился. Потом он перевернул еще одну и еще – и так до тех пор, пока молча не пролистал почти весь журнал. Мы в ожидании стояли вокруг. Затем он принялся клясться. «Нет, клянусь Печатью Соломоновой и Семерыми Спящими в Пещере, эта история тянется без конца! Предлагаю большую часть пропустить и перейти к окончанию».

Тут волчий выкормыш прервал джинново чтение: «История не может в буквальном смысле тянуться без конца, ибо все, созданное Богом, имеет предел».

«Правильно, однако человек придумал бесконечность», – ответил джинн и с нетерпением вернулся к истории.

Мы принялись протестовать, но помощник капитана настоял на своем и возобновил чтение с последней страницы.

«Когда я вышел, женщина закрыла за мной дверь. Сначала я ее не узнал, а потом в изумлении воззрился на нее. Она постарела, живот отвис, а на лице были глубокие морщины.

«Да, я та самая женщина. Память разыгрывает порой забавные шутки. Ты пробыл в Театре четырнадцать лет. Пока ты был там, ты ел и пил?»

Я кивнул. Она рассмеялась и смеялась до тех пор, пока смех не начал причинять ей боль. Я ждал, когда она закончит.

«Ты жевал печенье памяти и отхлебывал из фляги с напитком, дающим забвение, – прохрипела она, – проще говоря, ты вспоминал прошлое и забывал о времени».

В ужасе смотрел я на нее, но она продолжала:

«О, и пока ты находился там, я зачала и родила ребенка».

«Что же с ним стало?»

«О, я оставила его на опушке леса. У меня там были кое-какие дела».

Поодаль стоял джинн, который медведям казался медведем, а людям – человеком.

«Давно не виделись. Надеюсь, ты не был настолько безрассуден, чтобы пренебречь моими предупреждениями?»

«Не предупреди ты меня, я бы ни за что не догадался, что женщина охотно уступит соблазну, и не осознал бы, что напиток предназначен для того, чтобы меня искушать».

«Вот оно что, – ответил джинн.– Так обычно и случается. Позволь мне предупредить тебя еще кое о чем, и, надеюсь, к этому предупреждению ты отнесешься с большим вниманием, чем

к предыдущим. Твой сын жив. Его унесли с опушки леса обезьяны и вырастили, как своего детеныша. Согласно предсказанию, он тебя убьет. Мне кажется, что твой единственный шанс – это опознать его и убить первым».

«Но как я его найду? Это невозможно, ведь я ничего о нем не знаю».

«И я не знаю. Ничем не могу помочь. Разве что… на краю света есть остров, где пребывает Тайный Учитель, коему можно задать любой вопрос».

На том наша беседа и закончилась. Прошли годы, прежде чем я скопил достаточную сумму, чтобы зафрахтовать корабль и отплыть на нем к цели. Однако я упорно трудился и, хотя и не видел больше джинна, всегда помню о нем и его последнем предупреждении, и, конечно же, меня постоянно побуждает к действию память об ужасной участи моего отца. Корабль, который я зафрахтовал, похоже, вполне годен для плавания, хотя команда его – сплошь отребье людское, совершенно не заслуживающее доверия. Лишь моему помощнику известны и вся моя история, и цель этого путешествия; кажется, он человек честный и надежный. Всем своим существом я чувствую, что удача уже близка. Когда я пишу эти строки, из «вороньего гнезда» слышится крик мальчика «Земля! Земля!"».

«Вот и все», – с этими словами помощник капитана запустил журнал в море, где его поглотили волны. Я заподозрил неладное, и, думаю, не я один. Раздосадованные и недовольные помощником, вернулись мы на корабль и поплыли домой. Помощник взял на себя управление судном и оказался довольно умелым шкипером, даже слишком умелым, ибо стоило ему только свистнуть, как, словно послушный пес, поднимался попутный ветер, который гнал нас к Суматре и странам Запада. А однажды, когда уже приближался конец нашего пути, один из членов команды с удивлением заметил, что с тех пор, как мы покинули остров, не поймано ни единой рыбешки, да и птицы облетают корабль стороной.

«Что это может значить?»

«Это может значить только то, что кораблем управляют злые силы», – ответил другой член команды. Он высказал то, о чем думали все.

В ту ночь мы подкрались к капитанской каюте, где теперь спал помощник. Остановившись в нерешительности, мы почувствовали запах паленого, проникавший сквозь дверь. Мы ворвались в каюту и обнаружили, что от жара, выделяемого телом помощника, уже почти загорелись одеяла и что помощник – не человек, а джинн. Мы набросились на него и попытались его

одолеть, но он вновь принял свой чудовищный природный облик и улетел в бурю. Вокруг корабля засверкали молнии и загрохотал гром. Корабль наполнился водой и пошел ко дну. Смерть была той чашей, которую суждено было испить всей команде. Спасся лишь я один. Меня затянуло в водоворот, образованный вихревым движением воды вокруг тонущего корабля, и затягивало все глубже и глубже, пока мне не начало казаться, что нет у этого моря дна, что я никогда уже не выплыву на поверхность и что давление воды сомнет сейчас мою грудную клетку в комок, как бумагу. Я слышал, что иногда, in extremis, перед глазами тонущего человека проходит вся его минувшая жизнь. Такое переживание вполне можно предвкушать с интересом. Однако должен сказать вам, что со мной ничего подобного не произошло, а если бы я произошло, то в столь неудобном положении я вряд ли обратил бы на это внимание. Таковы, полагаю, были мои мысли, когда водоворот приближал меня к гибели, как вдруг спираль завертелась в обратную сторону, увлекая меня за собой, и я пробкой выскочил на поверхность.

Я отдался воле волн и беспамятству. Придя в себя, я обнаружил, что выброшен на белуджийский берег. Так, голый и полумертвый, в миг крушения всех надежд, оказался я в тех же самых песках, где некогда познал величайшее счастье.

Памятуя о данных нами обещаниях, я направился в порт. Немного не дойдя до цели, я повстречал доброго горожанина, который привел меня к себе домой и одел, а когда я поправился, ответил на мои вопросы. Он знал о девушке, о которой я говорил, хотя и не всю историю, и поэтому счел, что мне не следует выслушивать ее из его уст. Посоветовав мне пойти на гору к некоему сантону – праведнику, он подробно объяснил, как его найти. Нечто в той манере, в которой он говорил о моей белуджийской возлюбленной, переполнило меня дурными предчувствиями, поэтому, как только смог, я поспешил к этому сантону.

Сантон встретил меня радушно. Мне он показался знакомым. Вот какую историю он рассказал.

«Я хорошо помню эту девушку. Она покинула наши края, но перед тем пришла ко мне и попросила истолковать один сон. Сон был простой. Ей часто снилось, будто она падает в бездонную пропасть. Она истолковывала сон таким образом, что это падение в преисподнюю и что она осуждена на муки за непокаяние в грехах.

«Вздор, дорогая моя, – сказал я.– Хотя сон действительно ничего хорошего не предвещает. Сон о падении может иметь только один смысл. Он всегда означает, что сновидец есть падшая

женщина, однако ты должна опасаться наказания от своей семьи и общества, а вовсе не Божьей кары, ибо Бог милостив и расценивает подобные случаи по-разному».

*

Тут Бэльян перебил Йолла:

– Сантоново истолкование просто нелепо, ибо мне часто снится, будто я падаю, но это не значит, что я падшая женщина!

Йолл пожал плечами и продолжил.

*

Я посоветовал ей покинуть места, где ее знают, и убежать в лесную чащу, где ей не будет грозить всеобщее осуждение. Она расплакалась, ибо не желала покидать родителей, не желала она и оставлять всякую надежду вновь увидеться со своим возлюбленным. В конце концов, хотя и не совсем поняв мой совет, она послушалась, и больше я ее никогда не видел».

Я повернулся было, чтобы уйти, но он поднял руку и остановил меня.

«Постой. Это еще не все. Взглянув на нее, я сразу же понял, что она на сносях. Лишь по наивности своей не замечала она этого факта. Так вот, когда ее встревоженная семья организовала поиски и в результате этих поисков было обнаружено тело девушки, погибшей от холода и голода на опушке леса, обнаружились и признаки того, что она родила, но следов ребенка никто не нашел. Вот и вся моя история».

Я разрыдался. Но что-то меня тревожило. Внезапно я понял причину моей тревоги – тот знакомый запах паленого. Дрались мы отчаянно (он выцарапал мне глаз), но в конце концов я не сумел его удержать (ибо джинн способен ускользать из обличья в обличье), и он не долго думая отказался от лживой маски сантона, дабы вырваться из моих рук.

Я погрузился в раздумья. Она умерла, если джинн говорил правду, но, возможно, жив был мой ребенок. «Лишь найдя свое дитя, смогу я придать какой-то смысл тому, что было до сих пор бессмысленной жизнью». И все же я был растерян, не зная, как вести поиски. Наконец я вспомнил о тех, кто заботился обо мне в младенчестве. Я вернулся к обезьянам и обратился за помощью и советом к своим приемным родителям. Они ответили, что сначала должны узнать мнение своих старейшин.

(– В чем же, интересно, – как бы в скобках вставил Йолл, –

состоит все очарование историй о говорящих животных? Возможно, все дело в ребенке, что в нас сидит. Дети рождаются в силу некоего животного магнетизма и придают любви облик пушистого медведя, а страху – громадного насекомого.)

Полагаю, те, кто не был удостоен чести жить среди обезьян, как я, не сумеют ясно понять, что в обезьяньем обществе царят порядок и иерархия и что важные решения принимаются советом старейшин. Несколько дней я ждал, когда соберется совет, и еще неделю – прежде чем мне сообщили решение, и ответ их был довольно краток. Они дали мне загадку и велели не прекращать поиски, пока не найду того, кто сумеет ее отгадать. Загадка была такая:

> Спрошу тебя о семерых, уже имеющих названья.
> Они не заплутают, не вылетят из памяти, и каждый стар и нов.
> Всяк, кто живет в них, живет как в жизни, так и в смерти.

И вот, сирота и чужак, вечно скитаюсь я по земле, загадывая всем эту загадку и разыскивая свое дитя».

Джинн закончил чтение.

«Теперь я сожалею о том, что убил его, – сказал мальчик.– И все же ничего не понимаю. Почему он разгневался и почему вылил воду?»

«На другом листе бумаги, который я тебе дал и который ты показал ему, был ответ на загадку. Вот почему он разгневался, и вот почему письмописец, когда смекнул, в чем дело, велел камнями прогнать тебя из деревни»

«Не понимаю. Совсем ничего не понимаю».

Тогда джинн, забрав и второй документ, поведал ему ответ на загадку, повернулся на другой бок и притворился спящим.

Разгадка ничего не прояснила, и волчий выкормыш пребывал в крайнем недоумении, но этим ему и пришлось довольствоваться. В глубокой задумчивости он повернул обратно и отыскал королевскую дорогу, которая вела ко дворцу султана. Там он рассказал свою историю султану и его придворным почти столь же подробно, как я рассказал ее вам. Было много вопросов и споров.

«Вот уж воистину головоломка и чудо! – воскликнул султан Рукнабада.– Что все это значит?»

«Это значит, – сказал мудрейший из придворных, единственный, кто внимательно следил за всем происходящим, –

что мальчик сей – идиот, сын идиота и внук идиота.– Затем, помолчав, он добавил: – Разве сумел он хоть что-то узнать?»

Мнение этого придворного было решающим, и волчьего выкормыша навсегда изгнали из султанова дворца и владений.

– Я совершенно сбит с толку, – сказал принц, решив, что носильщик уже закончил.– К чему все это имеет отношение?

– Вы нетерпеливы, – ответил носильщик. Дослушайте до конца. А конец сей истории таков, что после многочисленных приключений и неприятностей изгнанный юноша обосновался в Багдаде и стал там трудиться носильщиком. А теперь должен сказать вам, что юношей тем был я.

– У вас увлекательная и яркая жизнь, – признал принц и задумался. Через некоторое время он вновь заговорил: – Теперь, выслушав вашу историю, я понял, что вы все время знали и загадку, и разгадку – даже до того, как встретились с Вашо и волшебником-христианином, и задолго до того, как встретились с дамой в саду.

– Да, это так, – улыбаясь, согласился носильщик.

– Но ничего по этому поводу не предприняли?

– Это верно. Мне и в голову не приходило, что я должен что-то по этому поводу предпринять.

– Вы и вправду идиот, – заключил принц.– Такой идиот, что не только протекции от меня не дождетесь, но и рады будете убраться подобру-поздорову.

*

Йолл выпалил эти последние слова и умолк.

Глава 18
Окончание продолжения окончания интерлюдии

Скандал, да и только. Похоже, я окончательно все запутал. Меня мутит от стыда и усталости, и слава Богу, что при этом не присутствует ни один конкурирующий специалист из касасиунов. Хорошо бы Бэльян не задавал больше вопросов. Я должен быть вежлив, но, уверен, при этом он подает дурной пример остальным. Попытаюсь сделать последнее усилие. Боюсь, следующий эпизод окончится для меня не совсем благополучно…

Воцарилась тишина. Затем:

– Но я совсем ничего не понимаю, Йолл. В истории, которую вы нам рассказали, не объясняется, откуда мартышки знали ответ на загадку о «семерых, уже имеющих названья».

Это был Бэльян.

Его поддержал монах:

– Да, в ней лишь еще раз подтверждается, что загадка им была известна.

– А каким образом получилось так, что ту же самую загадку христианин загадал девочке в саду?

На сей раз Йолл принялся бить себя по лбу кулаками:

– Ох, позор мне, дураку набитому! Я же упустил самое главное! Ладно, вернемся немного назад.

Йолл умолк, дабы собраться с мыслями. Он обслюнявился, и одна капля докатилась до края подбородка, где и повисла, дрожа. Потом, когда он заговорил, она упала.

– Напомню, что, когда человек, который рос среди обезьян, начал разыскивать своего сына, он обратился за помощью к обезьяньему совету. Что я должен был сделать, так это объяснить, к кому и при каких обстоятельствах обратились, в свою очередь, за помощью обезьяны. Постараюсь сделать это сейчас.

Напомню также, что ранее я пытался рассказать «Повесть о двух карликах, которые отправились на поиски сокровищ», но меня отговорили, сославшись на чрезмерную затянутость сей истории.

– «Повесть о двух карликах» совсем не похожа на остальные ваши истории

– короткие и простые. Она непомерно длинна и сложна. Ее также называют «Язык лабиринта». Прошу вас, не надо ее сейчас

рассказывать.

– Я и не собираюсь, – ответил Йолл.– Мне только хотелось обратить внимание на длительность этой истории, дабы вы поняли, почему, когда Иблис рассказывал ее в пустыне христианину, был сделан перерыв для обсуждения некоторых ее тем. Будучи существами, склонными к подобного рода вещам, Иблис с христианином вскоре перешли к обсуждению богословских вопросов. Во время этого обмена мнениями Иблис и заявил христианину, что мир и все, находящееся внутри и снаружи, сотворил он.

«Я вас сотворил, а не Бог, – похвалялся Иблис.– Я радею за человека и все дела его. Я – всеведущий и всемогущий».

Христианин поставил это заявление под сомнение, и последовавшая затем дискуссия кончилась тем, что Иблис потребовал, чтобы христианин задал ему загадку или головоломку, которую он не сумеет решить, в противном же случае христианину придется по всей форме признать всеведение Иблиса и сотворение мира нечистой силой. Как только вызов был принят, Иблис продолжил прерванную «Повесть о двух карликах». Думаю, все же следует дать вам некоторое представление об этой истории, поскольку…

– Нет, Йолл! – Бульбулево «нет» прозвучало почти как рычание.

– Ладно, как бы то ни было, когда повесть была наконец рассказана, христианин вновь принялся играть тремя желаниями (способом, о котором я уже рассказывал), дарованными ему Иблисом. О чем я не рассказал – в интересах простоты повествования (всегда имеющей для меня первостепенное значение), – так это о том, что, когда после первой встречи с Иблисом христианин покинул пустыню, отказавшись от карьеры отшельника ради карьеры могущественного чародея, он затем много месяцев размышлял, стремясь подыскать вопрос, который подтвердил бы необоснованность Иблисовых притязаний. Далее, через год он возвратился в пустыню с тем, что, как полагал, было загадкой, на которую невозможно дать ответа и которая отвечала его стремлениям поставить Иблиса в тупик. (Именно в этом заключается смысл поговорки: «Каждый вопрос есть ответ на вопрос, заданный кем-то другим».) Однако, прежде чем рассказать вам о том, что произошло, когда христианин второй раз встретился с Иблисом, я должен рассказать о том, где он отыскал такую загадку, а это обязывает меня коснуться в своем рассказе истории Вашо.

Так вот, Вашо был волшебной обезьяной, сотворенной с помощью магических действий христианина. Христианин любил

его и разрешал ему пользоваться почти неограниченной свободой, но в вольной этой жизни обезьяну одолевали грустные мысли. Вашо знал, что он сотворен с помощью волшебства и с помощью волшебства же может быть уничтожен. Существование его было столь же мимолетным и иллюзорным, как существование мыльного пузыря. Когда он христианину надоест, тот его уничтожит. Вашо не хотел разделять участь молодого оленя, которого кормят стеклим, или гомункулуса, который рассказывает анекдоты, но какие надежды на будущее мог питать он, продукт нескольких пассов чародейской руки? Поглощенный подобными мрачными мыслями, он раскачивался однажды на деревьях, прыгая с ветки на ветку, как вдруг оказался во фруктовом саду, где никогда еще не бывал. Внизу, на лужайке, сидела развалясь молодая дама. Завидев обезьяну, она присвистнула от восторга и жестом велела ей спуститься. (Тут, дабы не пробуждать напрасных надежд, я должен сказать, что дама не была той девочкой, с которой впоследствии познакомился в саду христианин. Нет, это отнюдь не так!) Вашо сделал, как было велено. Спустившись на лужайку, он низко поклонился и обратился к даме с учтивыми словами.

Дама улыбнулась.

«Я ищу партнера для игры в шахматы, – сказала она.– По-моему, ты подходишь. Быть может, присядешь и, пока мы будем играть, расскажешь немного о себе?»

Вновь Вашо сделал, как было ведено, и мигом обнаружил, что уже рассказывает ей о своих грустных раздумьях по поводу бренности существования и о страхе исчезновения с лица земли по мановению руки волшебника.

Дама посочувствовала ему – и помогла.

«Тебе следует, – посоветовала она, – попытаться заставить его понять, что, сотворив столь чудесную и умную обезьяну, как ты, он создал нечто большее, чем себе представлял, нечто большее, нежели простое отражение его собственного разума. Испытай его неразрешимой загадкой».

«Я ни одной не знаю».

«Одну я тебе подарю».

Что и сделала.

Обезьяну терзали сомнения, однако, придя домой, она села перед своим господином на корточки и заявила, что она, волшебная обезьяна Вашо, придумала загадку, которую господин никогда не сумеет отгадать. К удивлению обезьяны, оказалось, что перспектива заполучить неразрешимую загадку христианина очень интересует. Тотчас же был заключен договор. Если христианин не сумеет отгадать загадку, он обещает, что никогда

не уничтожит обезьяну силой своего волшебства. Таким образом Вашо будет дарован ему навечно. Потом обезьяна продекламировала:

> Спрошу тебя о семерых, уже имеющих названья.
> Они не заплутают, не вылетят из памяти, и каждый стар и нов.
> Всяк, кто живет в них, живет как в жизни, так и в смерти.

Христианин задумался.

«Надо поразмыслить, – сказал он.– Приходи сюда каждый вечер, пока я либо не дам ответ, либо не сдамся. Кстати, чем ты занимаешься днем?»

«Каждый день играю я в одном саду в шахматы с молодой дамой. Более пристойного занятия быть не может. Деревья – и те подвержены большим страстям, чем она», – ответила обезьяна.

Христианин рассеянно кивнул и отпустил ее.

Каждый вечер приходила обезьяна в дом волшебника-христианина, и каждый вечер христианин прогонял ее, не дав ответа. Так продолжалось неделю. Наконец христианин признал свое поражение.

«Сдаюсь. Каков же ответ?»

«Понятия не имею, – созналась обезьяна (ибо ответа дама ей не сообщила).– Я придумал загадку, а не ответ».

«Идиот! – вскричал волшебник.– Любой дурак может придумать загадку, которая не имеет решения! А я тут теряю день за днем всю неделю…»

«Вот именно, – поспешно вставила обезьяна.– Семь дней недели».

Вашо был спасен. Христианин, немного успокоившись, признал, что загадка хорошая.

«Я сотворил существо, которое умнее меня!» – воскликнул он.

Тут Йолл перебил сам себя:

– Мне непонятно его удивление, ибо кто не слыхал о сказителе, который глупее выдуманных им историй?

На самом-то деле он сотворил чудовище, ибо их договор означал, что, когда христианин откажется от своих волшебных способностей, а потом и умрет, обезьяна останется в живых, – и ныне она уже приобрела необычайные размеры и силу. Что же до христианина, то немногим меньше года спустя он вернулся в пустыню и предложил загадку Иблису, который молниеносно дал правильный ответ. Христианин был посрамлен и не мог не признать Иблисова всеведения. Хотя у него оставались в запасе желания, да и множество приключений ему еще предстояло

изведать, в тот самый миг в рассудок его закралась черная тень. Несмотря на то, что загадка уже дважды причинила ему только вред – Вашо с ее помощью добился свободы, а Иблис добился победы в споре, – христианину, разумеется, суждено было загадать ее и в третий раз – даме в саду, – в результате чего его постигла очередная неудача. Такова история о том, как обезьяна, христианин и дьявол состязались в отгадывании загадки.

Йолл торжествующе оглядел слушателей.

К тому времени Бэльян уже приобрел опыт в обнаружении недомолвок.

– И все же я в недоумении. Откуда узнала эту загадку дама из сада? И каким образом загадка стала известна мартышкам и обезьянам?

– Ага! Пожалуй, если вы настаиваете на том, чтобы я объяснил все до мельчайших подробностей, нам следует вернуться немного назад. Вспомним обезьян, обещавших помочь человеку, который разыскивал своего ребенка. Их старейшины собрались высоко в горах на совет. Было очень холодно, так холодно, что…

Тут Бульбуль испустил нечто среднее между зевком и стоном, и звук сей успешно заглушил следующие несколько слов.

– … и дела нет до обыкновенных мартышек. Вскоре они пришли к заключению, что, для того чтобы помочь приемному сыну в его, судя по всему, тщетных поисках, требуется более умная голова.

Тогда заговорила обезьяна, которая много путешествовала: «Надо признаться, нам недостает людских искушенности и опыта. Однако, когда я, будучи в Багдаде, воровал в садах бананы, мне случайно попался на глаза один из нашего племени, который, уверен, сумеет нам помочь, ибо он сидел в саду с дамой и не только беседовал с ней, но даже играл в шахматы».

Остальные согласились с тем, что это, должно быть, и вправду удивительная обезьяна, и со всей надлежащей поспешностью в Багдад была отправлена делегация. Прибывшие без труда нашли в саду обезьяну и объяснили ей задачу. Слушая, Вашо все больше убеждался в том, что поиски, которые затеял этот человек, окажутся напрасными. Однако он желал показаться мудрым. Поэтому, с той фатальной оракульской двусмысленностью, которая уже сгубила столь многих персонажей этой истории, он продекламировал загадку о «семерых, уже имеющих названья» и добавил: «Велите ему скитаться по городам и селениям и загадывать эту загадку всем, кого он повстречает. Только если он отыщет того, кто сумеет эту загадку отгадать, следует ему прекратить розыски. На том пускай

его поиски и закончатся».

Этим Вашо хотел сказать, что человеку никогда не найти своего сына, ибо в тот момент он как раз только что узнал загадку от дамы в саду, и как попытки отгадать загадку, так и поиски, предстоявшие человеку, казались ему равно тщетными.

Но обезьяны поняли его в том смысле, что отгадавший загадку и будет сыном того человека.

Но человек, выслушавший загадку и весть, принесенные обезьянами, понял их в том смысле, что если он отыщет любого, кто отгадает загадку, то вполне может оставить всякую надежду, ибо это будет свидетельствовать о том, что поиски его напрасны. По этой причине он и был раздосадован и вылил воду, когда загадку отгадал мальчик, который рос среди волков.

Но Иблис, который за всем этим стоял, затеял это в том смысле, что загадка будет отгадана, а сын найден лишь ценою смерти отца.

То было смертоносное обилие смыслов.

Позвольте мне теперь остановиться на роли Иблиса в этой истории. Все джинны в рассказе были разнообразными проявлениями Иблиса, ибо, хотя именам и обликам его несть числа, его сатанинская сущность едина. Иблис был джинном в зубастой пещере и помощником капитана на корабле, джинном, ловившим рыбу в пруду, и сантоном на горе – все это Иблис. Он также принял облик дамы, игравшей в шахматы в саду, – дабы привести христианина к полнейшему краху. Загадку же Иблис отгадал потому, что сам ее первый и задал. Вся эта история происходила по его коварному плану и при его участии.

– Зачем же тогда Иблис выстроил такую цепь событий, в результате которой Вашо передал загадку обезьяньему совету, а тот – человеку, росшему среди обезьян, и в то же самое время повернул дело так, чтобы волчий выкормыш отгадал загадку своего отца? Неужели попросту из вредности?

– Нет, хотя это чистая правда – Иблис мучает род людской с наслаждением. Но ответ некоторым образом связан с фатальностью. Вам доводилось слышать известную старую историю о человеке, который, дабы избежать смерти, уехал в Багдад?

– Пожалуйста, Йолл, не надо, – поспешно вмешался Бульбуль.

– Ну что ж, так или иначе, Иблис желал наглядно продемонстрировать превратности судьбы.

Что такое судьба, как не схема? На взгляд Иблиса, жизнь человеческая не имеет смысла. Поэтому он желал хотя бы наделить ее схемой. Иблис обладает изощренным умом, и загадка (то есть мысль, выраженная в сжатой силлогической форме) его

привлекает. Как бы то ни было, таким образом Вашо сообщил загадку обезьяньему совету, и с тех самых пор обезьяны и мартышки бережно хранят ее в памяти.

Бэльян был неугомонен.

– Вы сказали, что это учебная история Веселых Дервишей. Какие же идеи ими с помощью всего этого проповедуются?

Прежде чем ответить, Йолл запустил пятерню себе в волосы (что было непросто, ибо волосы его слиплись от грязи).

– Некоторые истолковывают мораль таким образом, что в одних историях наказываются те, кто задает вопрос, а в других – те, кто его не задает. Следовательно, ни действие, ни бездействие не остаются безнаказанными. Другие полагают, что это басня о замешательстве ребенка по поводу полового акта. Лично я всегда считал, что это довольно загадочная притча о переходе от устной культуры к письменной, но, возможно, это всего лишь предвзятое мнение специалиста.

– Все это очень сложно, Йолл, – сказал монах. Затем, после некоторого колебания: – Однако подобное обилие смыслов и толкований равносильно полнейшему отсутствию смысла.

Бэльяну не хотелось задавать этот вопрос, но в конце концов пришлось.

– Еще две вещи меня смущают, Йолл. Что произошло с девушкой из леса – той, которая переспала с волчьим выкормышем, когда он отправился на свои поиски, – и разве не осталось у Иблиса еще одно желание?

Бульбуль зарыдал, но Йолл ответил:

– Ах да, «Приключения девушки из леса и сына, ею рожденного». История немного запутанная, но я должен ее вам рассказать.

Что он и сделал. Чудо за чудом свершалось перед ними – то была повесть о летающих конях, замках с привидениями, принцессах, содержащихся в неволе, зловещих бескрылых птицах, пьянящих эликсирах и обезьянах – сметливых обезьянах, кровожадных обезьянах, обезьянах-призраках, коронованных обезьянах и обезьянах, пожирающих самих себя, – но, Боже, как хотелось Бэльяну спать!

Наконец он все-таки уснул. Ему приснилось, что над ним склоняется лицо из морщинистой и распадающейся плоти. Вздрогнув, он осознал, что это Зулейка, загримировавшаяся под дряхлую старуху, и что она ждет, когда он встанет.

– Идем, – сказала она.– Немного позабавимся.

Они вышли из Зулейкиной беседки, и он с удивлением заметил, что день уже в разгаре, в торговле перерыв и лавочники,

дабы прибить пыль, разбрызгивают на улицах воду. Из торгового района они поспешили в сторону особняков и увеселительных дворцов, раскинувшихся вокруг Слоновьего озера.

– Подсади меня, – сказала Зулейка.

Бэльян подтолкнул ее под зад. Она вползла наверх, потом протянула ему руку, и в следующий миг они уже сидели на стене, которая окружала сад одного из этих дворцов. Было восхитительно вновь превратиться в маленьких озорников. Ему стало интересно, будут ли они воровать фрукты в саду. Бесшумно спустились они в кусты. Пока они ползком пробирались по туннелям, образованным изогнутыми ветками, пошел дождь. Посреди сада лежал, растянувшись на подушках, человек. Бэльян узнал бесполую фигуру давадара.

Дождик был такой слабый, что давадару, который лежал, погрузившись в смутные грезы, он не причинял никакого беспокойства. В кустах появились призрачные радужные паутинки. Из медной курильницы, которая сохраняла опиум теплым и влажным, подымался пар.

С деревьев над головой Бэльяна послышались звуки невнятной трескотни. Подняв голову, он увидел мартышку, а рядом с ней, на той же ветке, – человека в халате и грязном белом тюрбане. Человек спустился к ним. Они с Зулейкой принялись шушукаться. С другой стороны сада донесся смех, потом он затих, и из-за решетчатой беседки вышли на цыпочках две девушки.

Зулейка показала на них.

– Хатун и Замора, – прошептала она.

Девушки подкрались к миске с опиумом и, схватив по пригоршне, так же крадучись удалились в сад, где и съели опиум. На краю сада произошла непродолжительная схватка за гамак, после чего Замора расположилась в нем и, вяло поворочавшись, уснула. Хатун вновь вернулась в цветник и принялась в одиночестве прогуливаться вдоль его ручейков. На слиянии ручейков был рыбный садок. Хатун остановилась, отразившись на его поверхности, и стала разглядывать рыб.

Зулейка повернулась к Бэльяну:

– Смотри и жди. Настанет и твой черед.

Потом, выйдя из кустов, она, неловко припадая на одну ногу, поковыляла к девушке. Хатун плакала, и слезы ее капали в пруд. Зулейка остановилась у девушки за спиной и, нагнувшись, заглянула из-за ее плеча в водоем.

Хатун, не оборачиваясь, заговорила прямо с отражением:

– Что ты здесь делаешь, старуха?

– Ищу тебя или твою сестру. Я пришла исполнить все твои желания.

– По тебе не скажешь, что ты способна исполнить все мои желания, – сказала Хатун, многозначительным взглядом смерив приземистую, закрытую чадрой фигуру.

– Я хотела сказать, что могу дать тебе возможность исполнить все твои желания, – последовал поспешный ответ.

– Это совсем другое дело. Ты – опиумное видение?

– Как тебе будет угодно. Почему ты плачешь?

– В этом саду отец содержит нас в неволе. Он никогда не разрешит нам выйти замуж.

– Правду люди говорят: «Когда у девушки начнутся менструации, либо выдай ее замуж, либо схорони».– Хриплым, каркающим голосом продекламировав пословицу, Зулейка непристойно пошевелила пальцами.

– Это верно. Время и мужчины проходят мимо сада.– Хатун ненадолго погрузилась в грустные раздумья, потом повернулась к Зулейке: – Что именно хочешь ты мне продать или предложить?

– Я предлагаю то, чего ты желаешь, – мужчин.

– Неужели старая карга вроде тебя может раздавать мужчин, как раздают нуждающимся и достойным корки хлеба?

– Я предлагаю тебе семерых мужчин. Любого, на кого ты укажешь в пределах этого числа, я очарую ради тебя и приведу в сад, пока спит твой отец. Это место я сумею превратить в сущую западню для мужчин.

– И ты, старуха, все это мне сулишь? Почему?

– У меня есть друг.– Тут Зулейка свистнула, и человек в тюрбане вышел из кустов. Хатун подозрительно посмотрела на него.– И у него есть друг. Друг у него очень некрасив, волосат, с неровными зубами.

Человек в тюрбане оглянулся и бросил хитрый взгляд в кусты. Бэльян поднял голову и с отвращением посмотрел на обезьяну. Обезьяна скромно потупила взор.

– И в уплату за то, что пересплю с семерыми, которых пожелаю, я должна буду переспать с тем, кого не желает никто?

– Нет, мы предлагаем поступить по-другому. Сыграем в фанты. Если все семеро согласятся и если ты сумеешь одного за другим довести их до оргазма, значит, мы трудились для тебя бесплатно. Если же потерпишь неудачу, тогда переспишь с нашим другом.

– Но это же смешно. Все они будут спать со мной, ведь я красива.

– Спору нет.

– По-моему, ты джинн. Джинны склонны к такого рода играм.

– Как тебе будет угодно.

– Любой мужчина, какого захочу! – Она захлопала в ладоши.–

Вон там есть решетка, сквозь которую видна улица. Там я и сделаю свой выбор.

Человек в тюрбане уселся на ступеньки, а Зулейка поспешила вслед за Хатун, крикнув ей при этом:

– И еще одно! Что бы ты ни делала, ничего этим мужчинам не говори, иначе чары рассеются. И помни: выбирай лишь семерых. Не торопись.

Давадар беспокойно пошевелился во сне. Решетка находилась довольно далеко, и с того момента до Бэльяна доносились лишь случайные обрывки их оживленной дискуссии.

– Самое главное – одно. У него не должно быть большого зада.

– Мне всегда казалось, что самое важное – это руки.

– Невозможно заранее сказать, волосатая ли у него грудь.

– Постараюсь производить осмотр и тщательный отбор.

Испытывая головокружение, он сидел в кустах и слушал. Солнце уже скрылось за домами, но с нагретой земли поднималось дневное тепло. Обезьяна флегматично чавкала на дереве бананом. Прошло время, сгустились сумерки, и розы уже струили под сенью сада свой аромат. Наконец…

– Как насчет вот этого? Если я пропущу его, найдется ли другой, не хуже? Этот.– Хатун сделала свой первый выбор.

Зулейка поспешила на улицу, выйдя через боковую калитку. Хатун вернулась к рыбному садку и стала ждать. Зулейка возвратилась, ведя за руку юношу с завязанными глазами. Повязка была поднята, и открылись его глаза, красивые, как у газели. Молча удалились они с Хатун в беседку. Когда юноша появился вновь, человек в тюрбане встал у него за спиной и, ударив его палкой, лишил сознания.

Процедура повторилась. Вторым из выбранных был индийский купец, третьим – гибкий и крепкий бедуин, только что из провинции. Наконец Бэльяну все это наскучило, и он, поднявшись из кустов, крадучись направился осматривать сад. Звук его легких, сомнамбулических шагов тонул в оглушительном пении цикад. Повсюду в полумраке сада взор его привлекали и изумляли паутина, нити и кошачьи колыбели листвы, которая, как ему казалось, спускалась с небес, связывая все, что растет, со звездами. Так, ползучие побеги и вьющиеся стебли тянулись к звездам по стенам и решеткам, ибо незримые связи пробуждали в них растительную страсть. Вместе с благоуханием уже невидимых цветов вдыхал он эзотерическую силу и чувствовал, как движется сквозь темный дождь астральных воздействий. В открытых пространствах сада господствовала восковая маска – лицо спящего давадара, залитое лунным светом

и казавшееся грозным тотемом тамошних мест. Обходя эти места, Бэльян крался из зарослей в заросли – чинар, тополей и кипарисов – к фруктовому саду.

В саду, средь косматых деревьев с их посеребрившимися апельсинами, висел гамак Заморы. Бэльян встал сбоку от него так, что освещенным остался только как бы профиль получеловека. Поступок сей был безрассуден. Что, если она проснется?

Хатун кричала Зулейке, чтобы та привела ей чернокожего мужчину. Замора проснулась. Взгляд еще, казалось, был рассеян, но губы раскрылись, и она заговорила:

– Ты кто? Где слуги? Ты – опиумное видение?

Его охватил страх, но он унял его, утешив себя тем, что в этом странном сне нечего терять. Слова его не имели значения.

– Как тебе будет угодно. Я пришел исполнить все твои желания.

– Нет у меня желаний. Я больше не хочу шевелиться, не хочу ничего делать.

Казалось, она действительно чувствует себя весьма уютно. «Ночного призрака, похоже, из меня не вышло», – подумал он.

Где-то вдалеке кричала Хатун:

– Но я хочу франка! Хочу франка неверного!

Замора и Бэльян обменялись загадочными улыбками сообщников – то есть Бэльян улыбнулся вместе с ней, сам не зная почему. Замора обратила на него более внимательный взгляд:

– Ты не опиумное видение. Потри ладонь о ладонь.

Он так и сделал. В поту его ладоней возникли ниточки или червячки грязи.

– Так я и думала. Ты земной. Как и растения, все мы рождены землей и имеем общие с ними низменные побуждения. И все же перед тем, как ты меня разбудил, у меня было настоящее видение. Передо мной стояла женщина. Лицо у нее было бледное, как златоцветник, а в руке она держала нож. Она загадала мне загадку. Загадка была такая:

Сестра моя была мне матерью.
Отец отцом мне не был.
Я не была ребенком и взрослою не стала.
Кто я?

– Можешь отгадать?

Бэльян покачал головой.

– Не слишком ты силен в отгадывании загадок, – пробурчала она.

– Я не обезьяна, чтобы загадки отгадывать, – возразил он, но она уже вновь погружалась в сон.

Он все еще стоял, пристально рассматривая ее сонное лицо, когда со стороны беседки донесся голос – кто-то крикнул по-английски:

– Я тебя знаю!

Послышались звуки потасовки, и что-то тяжелое рухнуло на землю. Бэльян бросился бежать к стене, но во тьме перед ним выросла Зулейка.

– Постой. Все хорошо.– И все же лицо ее показалось ему озабоченным.– Правда, она все еще хочет франка. Для тебя это прекрасный случай.

По дороге к беседке они миновали лежавшую в высокой траве мужскую фигуру. В фигуре той было одновременно и нечто очень странное, и нечто очень знакомое. Бэльян не сумел определить причину своего беспокойства, ибо Зулейка поторапливала его, продолжая шипеть ему на ухо:

– Ничего не говори. Вспомни, чему я тебя учила. Пускай это будет завершением твоих уроков. Пора, наконец, выпустить змея на волю.

Беседка сверкала огнями фонарей. Они вошли, и Зулейка представила его Хатун.

– Знаю, он худой, зато посмотри на эти глаза. Он изучает имсаак, и к тому же он необрезанный!

Хатун казалась встревоженной, но сумела кивнуть в знак согласия. Вблизи он рассмотрел ее более внимательно. Она была похожа на даму с веером из павлиньих перьев. Сходство было, но не было, к несчастью, идентичности. Полуотражение. Он вылез из своих лохмотьев.

– Следи за этим, – сказала Зулейка человеку в тюрбане. Тот что-то проворчал. Она извлекла из складок своей одежды песочные часы.

После первого объятия Бэльян девушку почти не замечал, поскольку приступил к ритуалам разворачивания змеиной силы. Виток за витком поднимается кобра мимо живота и сквозь грудную клетку, ритмичными толчками обвиваясь вокруг позвоночного столба. Вползая в череп, она распускает капюшон и раскрывает пасть. Голова ее заполняет голову Бэльяна, как рука перчатку.

Он обнаружил, что смотрит змеиными глазами на два отдельных сада. Перспектива отсутствовала.

Он действовал совершенно самостоятельно. Он управлял змеей. Глаза Хатун сперва расширились в экстазе, потом закрылись. Переворачивались и переворачивались песочные часы.

Временами он слышал, как что-то тараторит обезьяна. Он вслушивался в крики ночных мусорщиков, проходивших по дороге за стеною, и в уханье сов, охотившихся в саду. В конце концов она потеряла сознание. Он почувствовал, как нарастает в нем змеиная сила. Сила эта выпрямила ему спину, и рот его раскрылся, превратившись в жуткое ротовое отверстие.

Наконец глаза ее открылись, и она пронзительно крикнула, попытавшись сбросить его с себя:

– О Боже, кончится это когда-нибудь?!

Потом давадар что-то кричал ей в ответ и повсюду бегали слуги. Бэльян не в силах был пошевелиться. Человек в тюрбане едва не оглушил его ударом, и они с Зулейкой стащили его с девушки. Боковой выход уже охранялся. Бэльяна подтолкнули, почти перебросив через стену. Последним перелезал человек в тюрбане. Он встал на стену и с пафосом произнес:

– Тамбурин сломался, и разошлись любовники. Ха-ха-ха!

Потом, спускаясь к ним, добавил:

– Да, будет его превосходительству над чем подумать.

Слуги давадара уже приближались. Улицы были необычайно безлюдны. И вновь бежал он по ночным улицам, спасаясь от погони. Вновь то была искаженная картина прежнего спектакля, ибо на сей раз в побеге его сопровождали двое соучастников, не считая обезьяны, которая вприпрыжку бежала рядом. Бежали они на юг, в сторону Цитадели. Она была совсем рядом, вскоре они оказались у ее основания, на ипподроме, и стала ясна причина, по которой опустели улицы.

– Мы спасены, – сказала Зулейка.– Теперь они нас не найдут.

На ипподроме собрались огромные толпы народа. По полю, мерцая, катался огненный шар из плохо воспламеняющегося дерева. Сквозь мрак, подымая страшный шум, очертя голову скакали всадники. Султан и его приближенные играли при свете факелов в поло. Ипподром был окружен кольцом одетых в ливрею пажей, через одного державших в руках факелы и запасные клюшки. Высившиеся на противоположных концах поля стойки ворот, выкрашенные по спирали в черно-желтые цвета, сверху были залиты смолой, которая ярко полыхала в ночи. Каждый раз, как забивался гол, звучал гонг. Каждый раз, как гол забивал султан, звучали трубы. В конце каждого периода на поле верхом выезжали музыканты, бившие в литавры. Ночью игра была опасной, а толпа – возбужденной.

В толпе они были в безопасности. Упасть в такой давке было невозможно. Под музыку и щелканье клюшек Бэльян погрузился в задумчивость.

Здесь, в Каире, все горазды попусту тратить время, подумал

он. Его уже воротило от одних воспоминаний о ночных играх и историях. Он вспомнил, как Эммануил сказал ему: «В восточных странах жара и праздная жизнь порождают у обывателей досужие и смертоносные фантазии». Внезапно он понял, что странного было в фигуре, лежавшей в траве в давадаровом саду. То был мертвец. И что было знакомо. То был Эммануил.

Потом он в одиночестве стоял на Байн-аль-Касрейн. Его окружала толпа, но толпа спала. Миллионы ее глаз были закрыты. Люди спали стоя, сидя, опустившись на колени. Каир замер. Даже капля из кувшина продавца воды повисла в воздухе, пораженная летаргией. Бэльян подтолкнул продавца воды локтем. Человек беспокойно шевельнулся во сне и что-то пробормотал, но не проснулся. В слабеющем свете факелов Бэльян пошел по объятой сном улице на цыпочках, дабы не потревожить спящую толпу, направляясь к Цитадели. Ничто людей не потревожило. Скрещенные пики в бессильных руках преграждали вход в Цитадель, и Бэльян протиснулся сбоку. На вершине он оглянулся и увидел город, замерший меж двумя действиями в вечной кататонии. Он направился в тронный зал. В тронном зале разболтанные позы придворных продемонстрировали крадущемуся англичанину всю вульгарность сна, незащищенность его и неведение.

На цыпочках он приблизился к трону и протянул руку к короне на голове Кайтбея, намереваясь взять ее себе, как вдруг по объятым сном залам эхом прокатился громоподобный голос:

– Все это теперь мое!

И огромная волосатая рука потянулась к нему, сбила его с ног и подняла над Цитаделью. Бэльян обнаружил, что, запрокинув голову, смотрит в глаза Обезьяны Меланхолии.

– Вот ты и увидел, как все они спят, – сказала она.– Они состарились, не достигнув зрелости. Им хотелось смеяться, и я их смешил, но они были никчемными людьми.

– Были?

– Были.– Волосатая рука опустила его на пыльную, разбитую дорогу.– Пока ты растрачивал свое время на колдовские сны и волшебные истории, а они спали, прошли миллионы лет, и Каир погиб. Заговорят ли эти камни?

Бэльян молча покачал головой.

– Камни заговорят, – эхом разнесся по руинам гортанный голос.– Ничто не уничтожено окончательно. Если копнуть достаточно глубоко, обнаружатся истоки тысячелетней каирской истерии. Город подобен разуму. Причины его гибели можно обнаружить в словах и образах минувшего, в обломках колонн и в полустертых надписях. Если копнуть, обнаружатся дороги,

которые поворачивают обратно, сходясь сами с собой, каменные василиски и горгоны и, повсюду, арабески – кристаллический лепной лиственный орнамент, органическая жизнь, обернувшаяся смертью, – ядоносным сумахом увивающие здания. Гибель и ее причины здесь сосуществуют.

Бэльяна, ходившего по поверхности пыльного яруса, охватила паника.

– Я хочу вернуться обратно.

– Конечно, ты вернешься.

И он вернулся, поднявшись наверх с уровня Обезьяны, дабы в который раз повстречать лунатика-канатоходца, Карагоза, Шикка и Саатиха, Барфи и Ладу, и наконец – Зулейку. Зулейке он сказал:

– Причина всех моих страхов в том, что я никогда не знаю, где проснусь.

Проснулся он в подвале. Кровь жирной красной точкой отметила конец его пути.

– … твердо решив, что если не достанется он ему, то и никому не достанется, волшебник выбросил отрубленные конечности мальчика за крепостную стену.

С белой пеной, обрамлявшей рот, Йолл все еще говорил, но разбудило Бэльяна не это, а очередное появление Корню. Покрытые струпьями белые пальцы Корню были, казалось, любовно сомкнуты на шее Йолла. Потом они сжались. Точно загипнотизированный страхом кролик, наблюдал Бэльян за удушением Йолла. Взгляд застыл, а лицо посинело. Он пришел бы Йоллу на помощь, но, видя, что Бульбуль с монахом бездействуют, тоже ничего не предпринял.

Когда все было кончено, Корню вызывающе посмотрел Бэльяну в глаза:

– Я не мог этого не сделать. Он был больным животным, больше никем. Обезьяна взяла над ним верх, а Обезьяна – орудие в руках Кошачьего Отца.

Монах подмигнул Бэльяну из-под своего капюшона. Бэльян был слишком потрясен, чтобы ответить.

– На сей раз он заговорил бы себя до смерти, – продолжал Корню, – и вас обратил бы в то же рабство, но у меня для всех вас есть работа. Время не ждет. «И потому берегись, ибо неведомо тебе, когда хозяин дома придет – ввечеру или в полночь, с криком петуха или поутру».

– У вас есть для меня работа?

Злобный взгляд обращен был на Бэльяна.

– В некотором смысле. Я хочу, чтобы вы пошли к Кошачьему Отцу и согласились у него лечиться.

– Не хочется мне туда возвращаться.

– Едва ли у вас есть выбор. Рано или поздно либо Отец схватит вас, либо Вейн. Охота началась. Можете сообщить Кошачьему Отцу, что мы осмотрели вас и отпустили. Это, возможно, даст ему пищу для размышлений.

Монах укладывал Йолла на стол. Бульбуль продолжал писать. Из тьмы подвала Бэльян поднялся в сумерки. Была уже глубокая ночь, когда провожатые привели его к Дому Сна. Так громко, как только мог, он постучался в дверь, оцарапав костяшки пальцев, и, поскольку на стук никто не отозвался, у самого порога погрузился в сон. Провожатые удалились, оставив его там лежать.

Глава 19
Сокровища Каира

По-моему, задушив меня, Прокаженный Рыцарь не подумал о последствиях. Согласно афоризму, бытующему среди касасиунов, мертвец историй не рассказывает, и, к несчастью, смерть рассказчика в разгар его рассказа действительно порождает кое-какие специфические проблемы. Решение, вынесенное касасиунами по этому вопросу, сомнению еще никто не подвергал. Смерть лишает человека права состоять членом Гильдии.

Возвращаясь к тому, что я говорил в начале всей этой истории (а я не предполагал, что она окажется историей моей смерти), напомню, что в последнее время, когда я рано ложился, дабы почитать перед сном, мне не давали уснуть необъяснимые страхи. Необъяснимые, но не неописуемые – да и не такие уж, при ретроспективном рассмотрении, необъяснимые. Сейчас я опишу фантазию, из-за которой всю ночь лежал без сна и с воспаленными глазами. Она такова.

Веки тяжелеют, запрокидывается голова, скучная книга выпадает из рук, глаза закрываются. Глубокое дыхание замедляет ритм – а затем, по-видимому, останавливается. Утром, когда я не встаю в привычный час (обычно меня будит крик рассветного муэдзина), кто нибудь из встревоженных друзей – Бульбуль, к примеру, а скорее всего моя сестра Мария – входит и трясет меня, пытаясь разбудить, и, обнаружив, что я никак не реагирую, слушает мое сердце, а потом дыхание. И то, и другое, кажется, остановилось. Испускается первый крик, и мое лицо увлажняется чьими-то слезами. Потом – скорбные завывания, ритуалы похорон, кучка людей, смотрящих на мою запеленутую в саван фигуру. На тело мое швыряют пригоршни земли, а потом и полные лопаты. Солнце исчезает.

И лишь теперь я просыпаюсь и ощущаю тяжесть давящей на меня сырой земли. Да. Заживо погребен! Крики мои в столь ограниченном пространстве звучат глухо. Окровавленные руки выпутываются из многослойной ткани и царапают ногтями землю. О, кто тот человек, который, вообразив все это, сумеет безмятежно погрузиться в сон? И где тот человек, который надежно гарантирован от подобного пробуждения?

Кто, в самом деле, может поручиться, что он вообще проснется? Эта пустая фраза: «Он легко скончался во сне»… Если вдуматься, что может быть ужаснее, чем умереть от сна, умереть, того не сознавая. Но все это вопросы непростые. Я лишь

хотел сказать, что эта возникшая в моем пылком, болезненном воображении картина вынуждала меня бороться со сном. Порой эти фантазии не оставляли меня всю ночь, и тогда я вставал и еще до того, как первый крик муэдзина прорезал рассвет, выходил из дома и направлялся к воротам Зувейла, где угощался вместе с персами их первым завтраком.

Более того, именно в бессонной тьме перед рассветом рождались у меня планы дальнейшего просвещения моих слушателей: предупреждения об опасностях «влажных снов»; дискуссии о том, что лучше – страдать Арабским Кошмаром и не знать об этом или, с другой стороны, быть мертвым и об этом знать; посещения уникального и революционизирующего птицеводство каирского птичьего двора и демонстрации Великого Пробного Камня Йолла, – возможности казались безграничными. Все кончено. Кто мог предвидеть, что сбудется самая бредовая и жуткая из моих фантазий? Только не я. Меня одолевали страхи, но страхам я не верил. Почти все сбылось. Некоторое утешение я нахожу в том, что моему пути к могиле предшествовало удушение – не сон.

Однако я отвлекся. Несомненно, я несколько расстроен собственной кончиной. История, однако, еще не окончена. Терпение. Терпение исходит от Бога, поспешность – от Иблиса, дьявола. Кто поспешит, тому не отыскать сокровищ, коих в Каире немало…

В ту ночь Кошачий Отец направился на огромное открытое пространство перед воротами Зувейла. Там он час за часом ждал. Незадолго до рассвета резко похолодало, и артисты, покинув свои будки, собрались вокруг общего костра. На лютом холоде пар, ими выдыхаемый, казался душами усопших. На Кошачьего Отца они взирали с безразличием, граничившим с враждебностью. Фокусники ничего, кроме недоверия, к чародею испытывать не могут. Пытаясь согреться, Кошачий Отец кружил на месте, топая ногами.

Наконец появился чернокожий. Хабаш уже не бежал, а понуро ковылял к своей клетке. Когда же он приблизился, Отец заметил у него на голове темное кровавое пятно. Заметил он и то, что, хотя Хабаш сбит с толку и смущен, сны ему уже не снятся. А главное – он с удовольствием увидел в руке у Хабаша книгу. Он ласково улыбнулся.

– Я вижу, ты возвратился побитый, но с победой.– Он осекся.

Хабаш, пропустив поздравления мимо ушей, протиснулся в клетку и плюхнулся на солому. Дезориентированный и обессиленный, он, казалось, счастлив был вновь оказаться в клетке. Обеспокоенный, Отец вошел следом.

– Что случилось? Кто на тебя напал? Где ты нашел книгу?

– Точно не знаю. Мне трудно вспомнить. Я бегал по городу в поисках вашей книги. Меня остановила какая-то старуха и пообещала книгу, если я сделаю, как она велит. Она привела меня в сад. Там сидела дама, которая сказала, что я должен с ней переспать, а обезьяна…

– Нет, только не это, довольно обезьян и дам в саду! Но книгу ты, по крайней мере, получил…

Кошачий Отец выхватил из цепких пальцев Хабаша прочно сброшюрованный манускрипт. Нечто странное в книге привлекло его внимание. Недоверчиво прочел Отец посвящение на обороте: «Сей трактат его превосходительство давадар смиренно предлагает вниманию султана султанов, Кайтбея, в надежде, что тот, кто правит землями египетскими и сирийскими, а также сердцами и глазами подданных своих, при серебристых волосах и неувядаемой красоте его, будет…» Кошачий Отец перевернул книгу и прочел на обложке название: «Ключ к пригожести и путь к украшению для рабов султана и воителей веры».

– Идиот! Это не та книга!

– Откуда мне это знать? Я читать не умею.

– Случилось нечто ужасное. Что же случилось? Мы должны это выяснить. Ты должен выпить еще и снова уснуть.

Хабаш с сомнением уставился на чашку.

– Не бойся. На сей раз я буду только задавать вопросы.

Хабаш выпил и откинулся на солому. Тем временем Отец в наигранном отчаянии воздел кверху руки и, как бы намереваясь произвести впечатление на незримые силы, с пафосом произнес:

– Кто-то расстроил мои планы, но книгу я все равно отыщу!

Хабаш уснул, и вскоре сон его стал глубоким, а дыхание – хриплым. Пришла пора задавать вопросы.

– Присутствует ли здесь дух Алям аль-Миталя, готовый говорить и отвечать на мои вопросы устами сего несчастного, пребывающего во мраке невежества раба моего?

– Да.– Голос был таким слабым, что Отцу пришлось приникнуть ухом почти к самым губам Хабаша.

– Скажи мне тогда, кто взял мою книгу?

– Если бы сны желали, чтобы их помнили, их бы помнили. Если бы сны желали, чтобы их понимали, их бы понимали. Книгу вновь поглотил Алям аль-Миталь. Она перестала быть книгой о сне и сделалась сном о книге. Таковы парадоксы сна.

– Но книгу написал я!

– Она была продиктована тебе во время спиритических сеансов. Послушной рукой, бессознательно, записывал ты нашептыванья Алям аль-Миталя. Мы изучаем тех, кто изучает

нас, и забираем себе то, что принадлежит нам по праву.

– Моя книга! Труд всей моей жизни! – Отец в отчаянии принялся ломать руки.

– Проходимец! Обманщик! Твои тайные замыслы простираются намного дальше.

Отец перестал ломать руки, а голос продолжал:

– В конце концов будет вновь поглощена и китайская коробочка. Ты похож на своих кошек. Они любят зарывать свои экскременты. Ты прячешь и копишь свои сокровища в Доме Сна, но все уязвимо. Мало того, именно в этот самый миг в Дом Сна уже прокрались воры. Советую тебе оставить вопрос о книге и поспешить домой, дабы спасти то, что сумеешь.

– Спасибо, но можно спросить, кого мне благодарить за этот совет?

– Почему бы тебе не проникнуть в Алям аль-Миталь и не выяснить самому?

Хриплое дыхание прекратилось, и Хабаш погрузился в более мирный, естественный сон. Отец отвернулся и поспешил прочь.

Поперек входа в Дом Сна лежала спящая фигура в лохмотьях. Кошачий Отец ногой отодвинул тело от двери и торопливо вошел, полный смутных предчувствий.

Ранее, в ту же ночь, Барфи и Ладу пробрались по крышам в Дом Сна. Вид у них был довольно странный, поскольку, прежде чем двинуться в путь, они намазались жиром, а потом нанесли на открытые места слой пыли. Несмотря на столь поздний час, жизнь в доме не замирала: звучали гонги, с этажа на этаж ходили невольники с факелами, во внутреннем дворе дрались две кошки. Барфи и Ладу взирали на все это сверху с некоторой тревогой. И все же ночью у них по крайней мере была возможность спрятаться в каком-нибудь темном углу, куда не мог проникнуть свет факелов. Добравшись до края крыши, они свесились с нее и спрыгнули на верхнюю галерею.

Внезапно все стихло. Истошными воплями кончилась кошачья драка, замерло сотрясение гонгов, а невольники скрылись в подвале. Нет, стихло не все. Звучал еще стрекот сверчков, и оба, Барфи и Ладу, задавали себе вопрос, не биение ли сердца напарника слышится им в тишине. Луна не светила, появился лишь слабый проблеск зари. Взявшись за руки, они пробирались сквозь тьму. География дома была таинственной. Барфи с трудом отодвинул щеколду и открыл первую из дверей. На миг ему показалось, что их авантюра закончилась. Что-то ударило его в лицо, дверь громко захлопнулась, а в углу что-то принялось яростно скрестись. Но лишь на миг. Они потревожили

запертую в комнате птицу. Барфи повернул назад и вновь закрыл на щеколду дверь в остальном совершенно пустой комнаты. Еще некоторое время слышалось трепетание крыльев, а вскоре и этот слабый шум резко затих. Та первая комната оказалась самой скверной. В одной из следующих спал завернутый в ковер человек. В остальном комнаты были пусты, если не считать коробок со всякой всячиной да редких куч постельных принадлежностей. Необходимо было расширить сферу исследований.

Ладу придерживался того кардинального принципа, что сокровища они обнаружат тогда, когда меньше всего будут этого ожидать. Поэтому он серьезно пытался выбросить всяческие ожидания из головы и, пока ощупью крался в темноте в поисках сокровищ, о сокровищах старался не думать. Требовавшаяся для этого умственная гимнастика в какой-то степени отвлекала его от мыслей об ужасах дома. И все же его пробирала дрожь, хотя временами он выполнял свой план неведения столь успешно, что, роясь в сундуке, останавливался вдруг в нерешительности и силился вспомнить, зачем, по его мнению, все это делает.

Образ мыслей Барфи был аналогичным, хотя и транспонированным в иную тональность. Если обнаружение сокровищ поставлено в зависимость от беспорядочных поисков, то спрятанные сокровища может найти каждый дурак. Барфи замечал, однако, что в общественных местах города полным-полно голодных дураков. Следовательно, мыслить необходимо. Так вот, в наименее подходящем месте дома сокровища спрятаны быть не могут, ибо, как осознал Барфи, наименее подходящее место является в некотором смысле наиболее подходящим. Значит, такие ушлые искатели сокровищ, как они, отбросив мысли о наименее подходящем месте, обратили бы внимание на второе наименее подходящее. Значит, такой ушлый тип, как Кошачий Отец, не воспользовался бы и этим столь очевидным местом. По тем же причинам и третьим наименее подходящим местом он пользоваться бы не стал. Опасаясь людей ушлых и проницательных, каковыми, безусловно, являются он и Ладу, Кошачий Отец постепенно вынужден был бы перепрятать свои сокровища в наиболее очевидное из всех мест – то есть в некотором смысле наименее очевидное. Так ли это? Короче, Барфи, который обшаривал комнаты вместе с Ладу, одолевали мысли столь же плодотворные.

Время от времени они шепотом совещались – шепотом столь тихим, что едва могли расслышать друг друга. Изредка это делалось ради обмена разумными предложениями, а чаще – дабы сделать ярче некий новый мысленный образ страха, возникший у

одного из них в голове. Ладу искал то, о чем не имел понятия, а Барфи шарил в местах, которые считал и не очень подходящими, и не очень неподходящими. Варфи думал, что, открыв следующий большой сундук, они обнаружат в нем Кошачьего Отца – сгорбившегося, устремившего на них укоризненный взгляд. Ладу до потери сознания пугала мысль о том, что ему того и гляди случайно попадется в руки одна из кошек, коими, как он знал, кишел дом. И все же поиски продолжались. Такова сила сна о деньгах.

В следующую комнату: на полу стоял разбитый ящик и валялись пыльные тряпки. Барфи и Ладу с надеждой воззрились на этот мусор. Всему Каиру было известно, что Вейн – искусный и удачливый кладбищенский вор.

– Саркофаг времен египтян-идолопоклонников… смотри-ка, – показав на сморщенную человеческую фигуру, частично скрытую деревом, – труп!

– В этом трупе находятся наши денежки. Он пропитан пеком.– Они осторожно пощупали труп.– Из таких мумий и делают порошок. Мы сможем ее продать.

– Ты хочешь сказать, что за эти мерзкие останки дадут много денег?

– Да, аптекари высоко ценят подобные вещи. Пек высушивает тело снаружи, а внутри его лак сохраняет жизнетворные жидкости. Те, кому это по карману, едят порошок, дабы продлить себе жизнь и вообще укрепить здоровье.

– Давай съедим немного сейчас, а остальное заберем с собой.

Они взволнованно закивали, потом замерли в нерешительности. Наконец Барфи отломал палец и принялся сосредоточенно жевать. Ладу последовал его примеру. Барфи и предположить не мог, что бывает нечто столь противное на вкус. Палец был сухой и горький, а крошки прилипали к внутренней стороне зубов. Он вспомнил, чем все это некогда было, дважды потужился, а затем и палец, и многое помимо него изверглось наружу рвотной массой. Такой же приступ напал на Ладу. Они кашляли и плакали.

– Когда желудок смеется, тело блюет.

В двери, возвышаясь над ними, стоял Кошачий Отец.

Они бросились к его ногам в собственную блевотину.

– Слишком крепкое снадобье для коротышек. Встать! Кто вы такие?

– Барфи и Ладу, – ответили они.

– Да я же вас знаю. Вы торгуете сладостями возле ворот Зувейла.– К величайшему их удивлению, мрачный старик принялся хихикать, а потом и приплясывать в дверях.– Вы,

значит, ели мумие? Не слишком-то оно вкусное в таком виде, верно? Но если растворить его в спирте, оно будет вкуснее. А что вы здесь делали?

Барфи и Ладу заерзали, стоя на коленях.

– Говорите же. Я не сержусь.

И действительно, им казалось, что он добродушно улыбается.

– Искали сокровища.

– Искали сокровища! Да откуда им здесь быть? Но я дам вам сокровища, если вы их заработаете.

Ладу подумал, что сокровища – никакие не сокровища, если их приходится зарабатывать, но мысль эту он не высказал.

– Мы сделаем все, что прикажете.

– Во-первых, я хочу, чтобы вы попытались кое-что вспомнить. Вы много болтали. Слухи уже разнеслись по всему Каиру. Несколько месяцев назад, ночью, к вашему лотку подошел человек и втянул вас в беседу. Человек, несомненно, незнакомый, и почти наверняка вел он себя очень странно. Он сказал вам, что страдает Арабским Кошмаром. Я хочу, чтобы вы описали его мне как можно подробнее.

– Поздней ночью у нас множество покупателей. Наши сладости очень популярны. Особенно высоко ценится наша халва. Покупать нашу халву приходят люди из других кварталов. Хотя почти такой же популярностью пользуется и фадж…

Вмешался Ладу:

– Бывают, правда, и странные покупатели – люди, страдающие бессонницей, которые приходят не только купить сладостей, но и поболтать. Нам приходится разговаривать с ними ради сбыта товаров, но мы не помним, чтобы подобная болтовня когда-нибудь приносила нам выгоду.

Кошачий Отец нетерпеливо топнул ногой.

– Но, разумеется, – продолжал Ладу, – мы все-таки помним, как один чудак сказал нам, будто страдает Арабским Кошмаром. Правда?

– Да, но я не помню, как он выглядел.

– Я тоже.

Это Кошачий Отец воспринял довольно спокойно.

– Неважно. Память можно вернуть. Сейчас я отведу вас вниз и усыплю. Я всего лишь хочу, чтобы, проснувшись, вы рассказали мне о том, что видели во сне, а подле кровати вас будет дожидаться куча денег.

Они спустились в подвал. Кошачий Отец схватил Барфи за ухо и, нещадно дернув, уложил на одну из кроватей. Ладу стоял и смотрел.

– Откинься на подушку, – сказал Барфи Кошачий Отец, – и

думай о том, как засыпают пальцы ног, потом ступни и лодыжки, теперь ноги тяжелеют от сна, грудь… веки слишком тяжелые, чтобы держать открытыми глаза. Ты лежишь в темноте, и тебе мерещатся разные вещи. Ты находишься близ ворот Зувейла и сейчас встретишься с неким человеком.

Он продолжал шептать.

Хаос формы и цвета обернулся должным порядком. Барфи находился близ ворот Зувейла. Было уже поздно, и акробаты с эквилибристами убирали свои скамейки. Немногочисленная оставшаяся публика обступила говорящую обезьяну, которая рассказывала историю о двух кахинах. Барфи полагал, что его брат Ладу где-то рядом, но увидеть его не мог.

За левым его плечом раздался голос:

– Вы Барфи, верно? Прошу вас, помогите мне. По-моему, у меня Арабский Кошмар.

Барфи обернулся и недоверчиво уставился на говорившего. Это был Кошачий Отец, изможденный от боли. Голова Отца покачивалась из стороны в сторону без всякой видимой причины. Слабым голосом Отец продолжал:

– Мне нужна ваша помощь. Слава Богу, что вы здесь, но кто вас прислал?

– Вы.

Казалось, боль мешает старику сосредоточиться.

– Я? Но я – всего лишь сон, как и вы. Где я был, когда посылал вас сюда?

Барфи долго размышлял, прежде чем ответить.

– Снаружи, с наружной стороны всего, за пределами всего этого. В вашем доме, в Доме Сна. Вы послали меня сюда найти человека, который страдает Арабским Кошмаром.

Отец казался растерянным и удрученным. Он что-то бормотал себе под нос и лишь постепенно заговорил внятно.

– Но каким образом я вижу сон, если никогда не сплю?.. Ну что ж, в таком случае от вас мало проку. Наяву я бы этого просто не перенес. Нет, это было бы ужасно. Нет, нет, нет, нет. Я ничего не должен знать, а вы ничего не должны рассказывать. Вы должны мне поклясться… нет, клятвы, данные во сне, выполнять не обязательно… Это препятствие. Что же нам делать? – Он принялся покачиваться с искаженным от нерешительности лицом, а потом извлек откуда-то маленькую коробочку и продолжил: – Те, у кого Арабский Кошмар, ничего не помнят. Ничего не помнить приятно. Не заглянете ли в мою коробочку?

– Думаю, не будь у меня Кошмара, вы бы не показали коробочку именно мне.– Барфи яростно затряс головой. Более того, он обнаружил, что яростно трясется всем телом, и тем не

менее уже вглядывается внутрь маленькой коробочки. Ее глубокие стенки круто спускались вниз, увлекая взгляд за собой. В центре коробочки находился маленький темный предмет, который, казалось, то удалялся, то приближался, хотя место, куда он удалялся, с каждым разом становилось все ближе.– Не будь у меня Кошмара, вы бы не показывали коробочку именно мне, мне, мне, мне.

Он прислушался к прозвучавшему в коробочке эху своего голоса. Оно было загадочным и отталкивающим. Едва не падая в обморок, он вгляделся повнимательнее, трясясь.

Трясли его снаружи. Его будили в подвале Дома Сна. Над ним стояли Кошачий Отец и Ладу.

– Ну что? – спросил Кошачий Отец.

– Ничего не помню, – сказал Барфи.

– Совсем ничего? – Старик был мрачен.– Нет, никто моих планов не нарушит. Кое-что у меня в запасе осталось. Ладу, ложись на кровать вместо брата. Расслабь пальцы ног, лодыжки, ступни… Глаза крепко закрыты. Пускай возникают видения.

Я хочу, чтобы ты пошел в мой дом и попросил позвать меня, точнее, мой образ во сне, мой хайялъ. Мой хайяль поможет тебе. Вместе с ним вы пойдете на базарную площадь и повстречаете человека, у которого Арабский Кошмар. Мой хайяль скажет тебе, что надо говорить, когда ты вернешься к нам. Ты должен справиться с этим лучше брата.

Ладу очутился ночью на улице, в квартале Эзбекийя. Поначалу казалось, что дома слегка дрожат, но вскоре все стало выглядеть как обычно. Ладу повлекся к Дому Сна. Волей он не обладал, ибо все сновидцы лишены силы воли, но его подгоняло таинственное поручение.

Он вошел в Дом Сна. Дверь легко распахнулась. Привратника не было, и повсюду виднелись приметы ветхости. Однако у ворот горел факел и в его свете видно было, что двор кишит тараканами. В доме все еще обитали несколько шелудивых кошек. Время от времени одна из них набрасывалась на таракана и давила его когтями. Ладу стоял и в недоумении почесывал голову.

– Привет тебе, незнакомец. Я – Саатих.– Слова текли к нему средь тараканов по булыжникам двора.– Шикк тоже приветствует тебя.

Шикк стоял глубоко в тени и был виден лишь наполовину, точно аист-марабу, застывший по стойке «смирно».

– Мир вам, хозяева, – сказал Ладу.– Меня послали на поиски Кошачьего Отца. Он здесь? Если нет, то где его можно найти?

– Тебя послали? Кто послал тебя?

– Кто-то снаружи. Это трудно. Не помню.

– Здесь трудно думать. Это Крысиный уровень сновидений. Наши мысли стеснены. Смотри, какое низкое небо. Поскольку все здесь маленькое, ты и не заметил, как уменьшились даже твои карликовые размеры.

Они рассмеялись. Смех у Саатиха был негромкий и гортанный. У Шикка – визгливый.

– Здесь ты Кошачьего Отца не найдешь, – продолжал Саатих.– Он давно уже здесь не бывает. Мы спрашиваем себя, может, он заболел или опасается приходить? Возможно, он боится, что у него Кошмар или, точнее сказать, он у Кошмара в когтях.

– Думаю, у меня тоже Кошмар.

Они вновь рассмеялись.

– Все так думают, но совсем другое дело – страдать им взаправду. Однако нам хотелось бы снова увидеться с нашим старым другом Кошачьим Отцом. Между прочим, если и ты его друг, то так ему и передай. Скажи ему, что мы всячески стараемся поддерживать в доме порядок, но при этом и ждем. Напомни ему также, что одна из самых старых историй в Алям аль-Митале – это история о волшебном чудовище, которое перестало подчиняться своему создателю. Мы любим гостей, но мы одиноки. Мы любим знать, что происходит. Хотя наше общество тебе не нравится, правда?

– Совсем не нравится, – сказал Ладу и изо всех сил постарался проснуться. Открыв глаза, он оказался в тени какой-то стены и стал смотреть оттуда на открытые пустыри Татарских Развалин. По крайней мере, по сравнению с предыдущим местом, там было светло и много воздуха. Рядом спал молодой оборванный чужеземец. Над ним сидела на корточках обезьяна.

– Это Обезьяний уровень разума, – сказала обезьяна, приветствуя Ладу ухмылкой.

– Мне надо кое-что передать, – сказал Ладу.– Шикк и Саатих желают увидеться с хозяином Дома Сна и желают сообщить ему, что одна из самых старых историй в Алям аль-Митале – это история о волшебном чудовище, которое перестало подчиняться своему создателю.

– Верно, одна из самых старых, но не одна из лучших, – сказала обезьяна.– Могу рассказать получше.

И она рассказала Ладу истории о детях-дикарях и злобных неверных, о ходячих кучах глины и городах на краю света.

Ладу сидел и слушал, а ужасная встреча и данное ему поручение быстро улетучивались из памяти. Истории были пленительные, но, несмотря на яркое солнце, Ладу обнаружил, что весь дрожит, трясется, что его трясут, пытаясь разбудить.

Проснулся он опять в подвале Дома Сна. Подле его кровати стояли Кошачий Отец и очень взволнованный Барфи.

– Ну что? – спросил Кошачий Отец.

– Я видел такой прекрасный сон! Одна обезьяна рассказывала мне истории. Там была одна про старого еврея, который взял немного глины и…

Кошачий Отец сплюнул.

– Вы подвели меня, оба, – сказал он.

Но тут сбежал вниз по лестнице невольник и дернул Кошачьего Отца за рукав.

– Пойдемте быстрее, господин. Мы нашли англичанина.

Отец последовал за невольником наверх. Тело спящего Бэльяна уже нашли и внесли в дом.

Позже, когда Бэльян проснулся, он обнаружил, что лежит, привязанный ремнями к кровати. Трудно было как следует все рассмотреть. Сквозь ставни струился солнечный свет, и перед глазами у него плясали пропитанные солнцем пылинки. Низкий потолок означал, что комната наверняка расположена наверху. В дальнем конце комнаты, почти за пределами его поля зрения, столпились Кошачий Отец с помощниками – все, кроме Вейна, коему в процессе операции предстояло объяснять смысл каждой ее стадии.

Пока еще он не обращал внимания на окружающую обстановку. Положение в тот момент было достаточно угрожающим, но меланхолия, которая, казалось, пристроилась на нем, точно спящая у него на животе жирная кошка, была сильнее. Он силился отыскать ее источник в тех снах, что видел прежде. Процесс воскрешения сна в памяти напомнил ему о рыбаках, коих он видел на берегу в Александрии, – тянущих за канаты, вытаскивающих из воды сеть. Медленно всплыла она на поверхность, и ее вытащили на берег. Совершенно неожиданно вода вытекла на землю, и в сети замерцали тысячи серебристых пескарей.

Тогда он был с Зулейкой в ее беседке. Они спорили и очень злились друг на друга.

– Все, хватит. Надоели мне твои сны, – сказала она.

А он ответил:

– Но ты же у меня в голове вместе со всеми моими снами – ты и твоя беседка!

– Ну что ж, если угодно, мне надоело пребывать в твоих снах. Надоело то, что тебе снится.

– Я могу выйти из беседки, и ты навсегда исчезнешь.

– Этой беседкой полна твоя голова. Из собственной головы не

выйдешь. Да и меня тебе не бросить. Я такая же часть тебя, как и ты. Ты думал, тебе снится, будто ты – человек, который прячется в саду. А на самом деле тебе снилось, будто ты – сад, в котором прячется человек.

– Но если я не смогу тебя бросить, то и ты меня тоже.

– Я-то смогу. Ты не можешь покинуть сон, но сон может покинуть тебя.

– Но ты не можешь меня бросить. Я люблю тебя.

– Ты любишь сотворенный тобой фантом, наставницу, мудрую и добросердечную проститутку, которая раздвигает ноги и допускает тебя к таинствам. А мне ты ничего не даешь. Ты пассивен. Знай себе лежишь и ждешь, когда тебя развлекут или обучат.

То была самая неприятная часть сна, но спор начался не с этого. Он проснулся, думая о Хатун, и первое, что он сказал, было:

– Наше приключение в саду давадара очень похоже на неожиданное свидание с безымянной дамой, которое произошло у меня наяву в Каире.

– Это естественно. Сны похожи на истории. И те, и другие сидят на шее у реальной жизни. Сны питаются явью.

– Почему я видел, как в саду лежал мертвый Эммануил? Это ты его убила?

– Мы. Он узнал нас. По крайней мере узнал моего учителя.

– Тот человек с мартышкой – твой учитель…

– Ты слышал когда-нибудь о загадочной книге под названием «Галеон обезьян»? Мне и не следовало ожидать, что ты о ней слышал. Говорят, ее как зеницу ока берегут в Счастливой Долине ревнители культа Веселых Дервишей. Однако Эммануил прослышал что-то о содержании книги и встречался с членами Ордена, когда путешествовал по верховьям Нила, а в ту ночь он узнал одного из них и догадался, какую цель мы преследовали в саду.

«Галеон обезьян»-это прежде всего научный трактат о возведении пирамид и сфинкса. В нем старательно доказывается очевидное – то, что такие чудеса не могут быть построены в наши дни и подобные руины повсюду свидетельствуют о былом величии человека. Книга учит тому, что некогда, тысячи лет тому назад, на Земле существовали великие и высокоразвитые цивилизации и что с помощью своих хитроумных механических приспособлений они господствовали в небесах и на море. Кроме того, в книге излагается доктрина множественности миров и предполагается, что существуют другие звезды, причем обитаемые. Далее в ней сказано, что тысячелетия тому назад над

Землей появилась флотилия галеонов, на которых прибыли обезьяны с другой звезды. Они спустились на Землю и начали совокупляться с людьми. С того самого злосчастного момента цивилизации вырождаются. Хитроумные механизмы утрачены. Критерии отринуты, и в человеке верх берет обезьяна. Повсюду царят заурядность и массовая жестокость. Фигурально говоря, миром правит Обезьяна.

Человек, который был с нами в саду, – Веселый Дервиш. Он хотел проверить доктрину книги, посмотрев, действительно ли обезьяны и люди могут совокупляться и приносить потомство, ибо многие считают подобное смешение рас невозможным. Только с этой целью и была предложена игра в фанты. На свою беду перед тобой мы завлекли Эммануила, единственного человека во всем Каире, который мог раскрыть наш замысел и попытаться его сорвать.

– Эти идеи абсурдны. Еще абсурднее убивать ради них человека. Доктрина Веселых Дервишей – попросту шутка, пародия на истинное знание, которое, как учит нас блаженный Нико Кельнский, всегда указывает путь к добродетели.

– Открыть что-то или выдумать – значит объединить незнакомым способом две знакомые вещи, и это касается как шуток, так и загадок.

– А откуда мне знать, может, и я – жертва некой замысловатой шутки или эксперимента, задуманного твоим собратом?

– Какого рода ответ тебе нужен?

– Мне нужна правда.

Ее медленный вздох напоминал звук спускаемого шара.

– Ты задаешь слишком много вопросов.

А потом они постепенно перешли в своем споре на личности. Все кончилось тем, что они вернулись к вопросу об Эммануиле.

– Ты смотришь на меня так, точно я убийца, но именно ты желал его смерти, а дух Алям аль-Миталя всегда действует в соответствии с твоими желаниями. Ты знал, что Эммануил не одобрит ни твоей связи со мной, ни того, что происходит в саду. Втайне ты желал его смерти и поэтому заставил нас втихую убить его в твоем сне.

– Но это был только сон!

– Значит, это было самое сокровенное твое желание.– Внезапно она сменила гнев на милость.– У тебя ведь до сих пор змей меж глазами, правда? В ту ночь ты облегчения так и не добился. Настает момент, когда задержка оргазма определенно опасна.

Она пробежала пальцами по его пенису, как по флейте.

– Знаешь, пенис желает не столько извергнуть семя, сколько отдохнуть после извержения.

– У моего пениса нет желаний.

Она пропустила его слова мимо ушей.

– Подобным образом и всякая история испытывает желание умереть, устремляясь к развязке, дабы обернуться тишиной. И подобным же образом в действительности мы желаем не того, чего, как полагаем, желаем, а того, чего желать не должны.

Вновь начал разворачиваться змей. Распутывались узлы – мучительное разматывание познания и сексуальной неудовлетворенности. Ближе. Ближе и ближе. Надвигался решающий момент, но по мере его приближения что-то в Бэльяне помимо его воли начинало противиться манипуляциям Зулейки. Он пытался уцепиться за нее, но это было все равно, что цепляться за канаты из ветра. Он просыпался. Ложный оргазм. Он лежал, вспоминал и слушал, как Кошачий Отец точит на оселке нож. Вейн сидел рядом и давал пояснения.

Глава 20
Отправление правосудия

Грязный Йолл – более не Грязный Йолл. При жизни друзьям никогда не удавалось убедить его – ни поддразниваниями, ни запугиваниями – сходить вместе с ними в общественные бани. Следует признать, не одна только Обезьяна виновата в том, что он дошел до такого омерзительного состояния. Ныне, когда Йолл умер, друзья добились-таки своего. В здешних краях существует обычай, согласно которому покойника обмывают. Это делают и христиане, и мусульмане. Йолла наверняка вымыли на совесть. Я не могу заглянуть в могилу, но уверен, что даже ногти у него идеально чисты.

После его смерти вам, уверен, не снится, как Грязный Йолл выползает из могилы, дабы изводить вас своей новой теорией «влажных снов». Вас не мучат видения о том, как Грязный Йолл показывает вам тех несчастных, подыхающих с голоду цыплят, коих разводит в Булаке некий богач. Вы не слышите в своем доме никакого таинственного стука. Нет трещин в сухой земле. Не доносится из-под земли ни единой приглушенной истории.

Суть, к которой я веду обычным своим окольным путем, состоит в том, что Йолл эту историю не диктует. Йолл мертв. Более того, Йолл никогда эту историю и не диктовал. Просто перепутались личности. Все уже проясняется. Назвать себя я еще не готов. Это я сделаю в конце истории. Очевидно, момент этот скоро наступит. Читатель осязает, как уменьшается количество страниц, которые остается перевернуть, и в соответствии с этим предвкушает развязку. Читатель предупрежден. По мере того как убывают страницы, уменьшается и число возможных решений. Я в недоумении почесываю голову. Ничего не могу с этим поделать. Одна надежда на то, что – вспомним тему, с которой я начал, – в итоге будет трудно понять, где кончилось содержание моей книги и начались ваши сны.

Пока же, однако, и с вашим сном, и с моим саморазоблачением придется повременить. Порой во сне человек всячески старается заняться чем-то серьезным – продекламировать, к примеру, отрывок из Святого Писания или подвести итоги. Цели он никогда не добьется. Его погубят обитатели Алям алъ-Миталя. Читайте и мотайте на ус…

В основе операции лежали христианская и мусульманская теории. Объясняя Бэльяну суть процесса, Вейн пользовался

концепциями обеих. По утверждению Нико Кельнского и приверженцев Рейнской школы духовной медицины, в коже человека есть пять отверстий, пять ран, которые текут, – пенис, анус, уши, рот и нос, и из ран этих сочится желчь – черная, желтая и белая, являющаяся в соответствии с получаемой смесью признаком того, что в terra incognita тела не все благополучно. Признавая эту теорию в целом, арабские медики в то же время отвергают приведенную Нико типологическую аналогию между пятью отверстиями и следами страстей Христовых; они указывают на то, что при более точном подсчете число отверстий доходит до шести (ибо Басранская школа принимает во внимание факт существования двух ушей) или семи (ибо Куфанская школа принимает во внимание также факт существования двух ноздрей). Однако все арабские знахари особое значение придают свойствам носа, ибо, по утверждению Ибн-Умайля, «именно носом вдыхает человек рух, воздух жизни, и именно в носу человек спит».

После долгих раздумий Кошачий Отец пришел к выводу, что постсновиденческая потеря крови вызвана у Бэльяна избыточным давлением в переднем желудочке мозга. Как всем известно, мысль, поднимаясь от сердца в виде пара, конденсируется в мозгу в виде густой желтой жидкости, или соплей, которые при достаточной их концентрации регулярно – допустим, каждые двенадцать часов – вызывают сон. По утверждению Кошачьего Отца, именно излишек этих соплей, желтой желчи, повышает давление на кровь в переднем желудочке.

Отец уже был готов. Со скрещенными на груди руками он подошел к краю кровати.

– Я намерен испробовать весьма простой метод лечения, – сказал он.

Бэльян успел лишь вскрикнуть, прежде чем слуга залепил ему рот кусочком мягкой душистой ткани. Затем другой слуга сунул в руку Отца, на которую была натянута перчатка, докрасна раскаленную ложку. Отец вставил ее Бэльяну в нос. Поначалу была одна только боль. Ощущение было такое, точно Отец пытается вытащить раскаленными клещами мозги. Потом наступило облегчение и, к явному удовольствию старика, начали появляться капли густой желтой жидкости. Бэльян потерял сознание.

Когда он пришел в себя, ему показали желчь, аккуратно разлитую по маленьким стеклянным баночкам, уже запечатанным.

– Зачем вы это сделали?

– Мы будем торговать этим веществом. Существует бесчисленное множество причин, по которым некоторые люди не

в состоянии спать. Однако одна, главная причина – это страх скуки. Многие из страдающих бессонницей позавидовали бы, что вам снятся столь красочные сны. Я переработаю вашу желчь в пасту и наверняка получу за нее хорошую цену.

– Я уже здоров?

– От симптомов вы, по крайней мере, избавлены. Окончательное же выздоровление зависит только от вас. В ближайшие годы вы должны прилагать определенные усилия к тому, чтобы поменьше думать. Мыслей у вас больше, нежели поступков, а из-за этого, как скажет вам любой целитель сна, внутри вас возникает огромное давление.

– Вы были подобны котлу, кипящему на печи, – вставил Вейн.

– А нет у меня Арабского Кошмара?

– Нет, клянусь бородой пророка! Одно дело видеть сон о том, что у вас Арабский Кошмар, и совсем другое – страдать им на самом деле!

– Как вам известно, Жан Корню со своими приверженцами осмотрели меня и сказали, что я не только не страдаю Арабским Кошмаром, но и не являюсь Мессией, чье пришествие обещано.

– Да-да. Это очень хорошо. Полагаю, ни страдать Арабским Кошмаром, ни быть Мессией вам не хотелось?

– Нет. Конечно нет. Но скажите ради Бога, почему же тогда вы и ваш друг преследовали меня по всему Каиру?

Вейн одарил его волчьей ухмылкой, а Кошачий Отец грустно покачал головой и сказал:

– Вы еще просто ребенок. Вам кажется, будто весь мир ограничивается вашими суетными заботами и солнце вращается вокруг вас. Вы думали, что мы с Вейном на вас охотимся. Уверяю вас, это не так. Сколько раз вы действительно с нами встречались – то есть не в ваших снах? Думаю, вы совсем нас не знаете. Вам известно лишь то, что возникает в вашем воображении. Возможно, вам тяжело будет это признать, но, уверяю вас, в большом мире вы практически никто – разве что человек, который нуждается в лечении от недуга.

С этими словами Кошачий Отец удалился, а Вейн остался лишь для того, чтобы прошипеть:

– Считайте, вам повезло, что вас лечили мы. Некоторые лекари, особенно евреи, сначала перерезали бы вам глотку, а потом раскроили бы череп, чтобы извлечь ваши драгоценные сопли!

Бэльян вяло откинулся на подушку. Его так и не развязали.

Давадару снились две принцессы, живущие на вершине башни. Лестницы у башни не было. Она была построена так по

приказу султана. Подойдя к основанию башни и подняв голову, давадар обнаружил, что принцессы эти – на самом деле его дочери. Громко крича ему сверху, они объяснили, что их заточили туда, поскольку люди узнали, что они делятся своими душами с дочерьми Кошачьего Отца. «Принцессы» поступали так только по доброте сердечной, но люди их за это боялись и выстроили под ними башню. Днем души принадлежали им, а ночью дочери Кошачьего Отца забирали души и шли гулять с ними по улицам. Давадар представил себе, как дочери его лежат без сознания на крыше башни и из открытых ртов их льется призрачная музыка. Он вызвал к себе продавца воды и спросил, почему тот не помогает его дочерям. Продавец воды пробурчал что-то непристойное.

– Мои дочери, что с моими дочерьми? – Давадар обнаружил, что обращает этот вопрос к своему помощнику и евнуху опочивальни. Те были слишком взволнованы, чтобы обратить внимание на сказанные им в полусне слова.

– Мы схватили кровожадную даму, она как раз намеревалась зарезать кинжалом очередную жертву близ Нилометра Рода. Зовут ее Фатима, и она утверждает, будто как-то связана с Кошачьим Отцом. Султан просит вас в течение часа прибыть в Дар-аль-Адль.

– Который теперь час?

– Еще не настало время рассветной молитвы.

В Дар-аль-Адле было очень холодно. Заспанные эмиры, которых подняли с постели, чтобы они полюбовались на Фатиму Смертоносную, грели руки вокруг стоявших кольцом жаровен, а невольники побежали за плащами и пледами для погруженных в раздумья придворных. Когда давадар прибыл, Фатима уже предстала перед султаном. Она ненадолго повернулась к нему поразительно бледным лицом, а султан, завидев, что его старший чиновник прибыл, открыл судебное разбирательство. По сигналу султана один из чиновников сообщил об обстоятельствах ареста Фатимы, затем заговорил Кайтбей:

– Тебе следует знать, убийца, что, хотя Врата Правосудия для тебя ныне открыты, глупо было бы делать вид, будто конец сего судебного следствия не предрешен. Сегодня днем тебя отвезут к воротам Зувейла, где ты станцуешь с Мельземутом. А пока тебя готовы благосклонно выслушать султан и его совет, поэтому говори.

Фатима говорила с большим трудом, и голос ее в огромном меджлисе был едва слышен.

– Нет. Мне бесполезно угрожать Мельземутом. Меня уже уничтожило безумие моей сестры. Я – Фатима, рожденная в

результате кровосмесительной связи Кошачьего Отца и его дочери Зулейки, шлюхи из квартала Эзбекийя. Я убила множество мужчин и женщин, и все они – клиенты Кошачьего Отца. Я убивала только его клиентов и действовала только как хирург, который вырезает бубоны из тела, пораженного чумой. Его ученики разносят по городу Арабский Кошмар в маленькой коробочке, а он готовит заговор против твоего государства.

– Каждый день слышим мы о сотне, а то и более заговоров. Кто подтвердит твое обвинение?

– Все молчат, хотя я вижу здесь нескольких его клиентов.

Хотя говорила она медленно и бесстрастно, стоявшие вокруг султана охранники усилили бдительность. Но больше ей ничего не суждено было сказать. Стоя перед султаном, она подняла в знак обвинения руку. Рука отвалилась и упала на пол, взметнув облако пыли. Никто не пошевелился, пока она превращалась в груду тряпья и быстро разлагавшихся костей. Наконец один из стоявших подле нее охранников-хазакиев повернулся и осторожно пнул кучу ногой.

– Фантом.

– Творение учителя сна.

Чудо истолковали придворные мудрецы, и завязалась многословная дискуссия о том, как следует поступить. Султан проявлял явное нежелание действовать, а давадар только пожимал плечами.

В конце концов, однако, султан заговорил:

– Веками существовали в Египте две власти. В моих руках меч и жезл зримой власти в этой стране, но каждому известно, что есть власть и незримая, хотя сущность ее не известна ни единому человеку. Пускай все молчат о том, что случилрсь здесь сегодня утром. Мы соответствующим образом подготовимся и вечером отправимся в Дом Сна, дабы раскрыть его тайны. Уберите этот хлам и прикажите сжечь.

Они разошлись.

Воды фонтана, журча, переливались через каменный парапет во внутреннем дворе Дома Сна.

В тот день Бэльяна отвязали от кровати. Кошачий Отец жестом велел ему встать.

– Мы вылечили тело. Возможно, музыка исцелит дух. Не хотите ли пойти послушать с нами музыкальную интерлюдию?

– Полагаю, у меня нет выбора?

– Все именно так, как вы полагаете.

Там собрались почти все обитатели дома во главе с Вейном и привратником Салимом. В конце комнаты сидели три музыканта,

широкоскулые люди из Центральной Азии, со своими инструментами – неем, ребеком и бубном. Перед ними стоял мальчик-танцор. Вокруг его обтянутых серебристыми шароварами бедер был пикантно повязан шелковый шарф.

Как только ней первыми замысловатыми звуками выразил свое томление, бедра эти начали покачиваться. Затем вступил ребек, создавший ритмическую основу, в которую нею пришлось вплетать свои напевы. Наконец, не дожидаясь какого-то особого момента, к ним присоединился бубен, чьи ритмы принялись то подчеркивать ритмы ребека, то составлять с ними контрапункт. Ритмы были неприятные и резали Бэльяну слух, с самого начала нетерпеливо устремившись к некой определенной цели, и все же задерживаясь на унылых повторах и рефренах, удвоениях и утроениях структур, которые возвращались назад, дабы поглотить самих себя, на противоречиях и столкновениях страстей, а сквозь все это бессвязно и пронзительно звучал жалобный стон нея. Глухой и незрячий мальчик поблескивал и раскачивался, повинуясь третьему уху – чувству равновесия. Он был подобен змее, которая не слышит музыки заклинателя змей, но, безухая, следит взглядом за движениями флейты. Звуки оркестра аккомпанировали ему украшенным мелизмами монотонным напевом. Заунывная нота нея понизилась в тоне. Мальчик, шлепая босыми ногами по кафелю, исполнил несколько па и начал почти незаметно вибрировать, словно сквозь него протянули нить от земли до неба и дернули.

Завязался разговор, и к нему присоединились все. Вейн заметил, что музыка, которую они только что слушали, звучала на вечерний лад.

– Она подобна истории, начатой в час молитвы иша. Те, кто слушает ее, знают, что рассказчик должен закончить до вечернего звона.

Кошачий Отец сидел, думая о своем. Он слушал нечто другое. Снаружи послышался шум голосов, и Салим бросился к окну. Бэльян последовал за ним. Улочка внизу была запружена людьми, и некоторые из них с любопытством смотрели наверх. Другие потрясали кулаками. Беда, однако, пришла с противоположной стороны комнаты. Засов на двери внезапно сломался, и дверь распахнулась. Вошла пара мамлюкских охранников, а за ними возник давадар, как всегда элегантный и весьма довольный эффектом, произведенным его появлением. За спиной у него было еще с полдюжины мамлюков.

– Приветствую хозяина этого дома. Мир и благословение тем, кто живет в праведности. Прошу Отца верить мне, когда я говорю, что не стал бы по своей воле причинять беспокойство ему и его

гостям, – и тут он почтительно всем поклонился, – но у меня при себе фирман от султана, предписывающий мне препроводить вас в Цитадель и содержать в ее стенах столько, сколько ему будет угодно, а воле султана и вы, и я должны равно повиноваться.– Давадар в притворном сочувствии вскинул брови.– Прошу вас следовать за мной.

Отец не шевельнулся.

– Повинуясь воле султана, человек, как я всегда считал, лишь исполняет волю собственную. Приглашение от султана всегда желанно.– Отец говорил вкрадчивым голосом.– Могу я узнать причину, по которой султану необходимо мое присутствие?

– Чиновник султана никогда не откажет в просьбе, высказанной в столь вежливой форме. Одна женщина, некая Фатима (кстати, ныне она мертва), предстала сегодня утром перед судом султановым по обвинению в многочисленных зверских убийствах. В процессе недолгого судебного разбирательства она выдвинула против вас обвинения, несомненно абсурдные и, конечно же, маловразумительные. Такова вкратце суть дела. Мы с нетерпением ждем вашего содействия в истолковании ее слов.

– О, в таком случае…– Кошачий Отец взглянул на Салима и щелкнул пальцами. Салим набросился на давадара, но на пути его встал один из охранников. Сцепившись в борцовской схватке, они грузно рухнули на пол. Вейн тем временем бросился на второго охранника. Пока некоторые из учеников бегали в поисках оружия, драка уже завязалась по всей комнате и перешла на колоннаду. Музыканты забились в угол. Мальчик сидел среди них, дрожа и закрыв лицо руками. Отец стоял сбоку от Бэльяна, занеся над головой посох – то ли угрожая кому-то, то ли колдуя. Приблизиться к нему никто не осмеливался. Бэльян услышал, как он громко велит одному из учеников сбегать и привести на помощь Жана Корню и его приверженцев.

Отметив про себя это странное и неожиданное распоряжение, Бэльян не попытался его осмыслить. Быть может, он просто ослышался? Будучи безоружным, Бэльян понимал, что вступить в драку не может (да и на чьей стороне, интересно, он должен сражаться?). Вейн извлек из-под крысиного пальто длинный кинжал и первым потребовал жертв. Внезапно свободная его рука опустилась к поясу, а потом он швырнул из открытого мешочка в лицо своему противнику перец и принялся потрошить ослепленного мамлюка. Вскоре перец уже летал повсюду, ибо Вейн был не единственным учеником Отца, носившим подобную сумочку для защиты от разбойников. Шум был невероятный – самый распространенный прием состоял в том, чтобы сблизиться

с противником и исполосовать ему зад, и несколько человек лежали и сидели на краю свалки, вопя от мучительной боли. Два смуглых противника, потеряв оружие, ритмично совершали попытки размозжить друг другу череп о стену. После первого нервного натиска и нескольких яростных атак сражение поутихло. Оно превращалось в борьбу на истощение, и некоторые, уже не в силах поднять оружие, стояли, согнувшись и предусмотрительно глядя друг другу в глаза, и судорожно пытались перевести дух.

Новый импульс сражению придало появление прокаженных. Второй раз распахнулась дверь.

На миг Жан Корню, в полных доспехах, кроме шлема, застыл на пороге, заполнив собою дверной проем. Затем, обнажив меч, он вошел, а за ним ввалилась толпа страшных, обезображенных шрамами воинов – прокаженных рыцарей и сопровождавших их монахов нищенствующего ордена. Измученных мамлюков было меньше числом, а главное – они испытывали ужас перед новым противником. Даже давадар, который поначалу пытался избегать единоборств, попал в затруднительное положение и сражался, вынужденный защищать свою жизнь. Казалось, уже близка победа Кошачьего Отца – и Жана Корню.

Потом, совершенна неожиданно, сражавшиеся разошлись. Послышались хриплое дыхание измученных людей и изредка повторявшиеся всхлипывания раненых. В третий раз были силой открыты ворота Дома Сна – на сей раз стражей султана. Не менее сотни мамлюков ввалились во двор и рассыпались по дому. Сначала один эмир, потом другой пробрались, работая локтями, в концертную комнату, где Кошачий Отец и Жан Корню уже стояли бок о бок. Наконец вошел сам Кайтбей, а за ним протиснулась в уже переполненную комнату свита. Мамлюкские охранники с обнаженными мечами выстроились вдоль стен.

Султан молча, в гневе воззрился на Кошачьего Отца. Тогда заговорил Отец:

– Приветствую вас. Меня огорчает то, что султан вынужден застать в моем доме такой беспорядок.

Застонал умирающий.

– Мы не были готовы к вашему визиту.

– А мы не ожидали, что вы не примете приглашение, которое мы прислали вам с давадаром.

– Как раз теперь я спешу подчиниться.

– Не стоит себя утруждать. Суд над вами мы устроим здесь.

– Суд надо мной? Кто обвиняет меня и в чем я обвиняюсь?

– Фатима, женщина, обвиненная в убийстве, представ перед нами, заявила о своей связи с вами и обвинила вас в подготовке

заговора с целью свержения правительства.

– Вызовите эту свидетельницу, дабы я мог опровергнуть ее лживое заявление.

– Ее больше не существует.

– Тогда никто меня не обвиняет и я ни в чем не обвинен.

– Вы дерзите. Есть и другие обвинения, и мы нашли других свидетелей.– Затем, обращаясь к мамлюкским охранникам: – Пускай приведут во двор тех двоих.

Все толпой спустились во двор, где в окружении охранников-хазакиев, перед черным паланкином, который покоился на плечах у нубийских невольников, стояла женщина, закрытая чадрой и облаченная в черное.

Давадар лениво показал на нее:

– Женщина эта обвиняет Жана Корню, известного на Западе как Великий Магистр бедных рыцарей Святого Лазаря, в убийстве Грязного Йолла, сказителя, знаменитого на весь Каир, но она также обвиняет Кошачьего Отца в том, что он «посадил Йоллу на спину обезьяну» – сие последнее выражение является, полагаю, малоизвестной частью криминального арго.

Бэльян внимательно вгляделся в невысокую фигурку и узнал в ней сестру Йолла Марию.

Давадар продолжал:

– Обвинения ее подтверждает и дополняет другой свидетель, патриотически настроенный гражданин, хотя и калека.

Невольники опустили паланкин, и один из них открыл дверь. Вниз по ступенькам скатился Саатих. Он принялся хлюпать, пузыриться и прочищать глотку.

– Убийство и охота на людей с помощью животных – наименее тяжкие из их преступлений, – сказал он наконец.– Эти два человека, стоящие перед нами, решили, будто промысел Божий исполняется слишком медленно, и сговорились его подтолкнуть…

Но тут раздался исполненный боли и смятения крик Вейна:

– Но я думал, что мы и прокаженные находимся в разных лагерях!

– Так оно и было. В совершенно разных.– Это был Отец, смиренный.

– В разных лагерях и в одном общем лагере.– Это был Корню.

– В разных лагерях и в одном общем лагере, – подтвердил Саатих.– Обленившись от цинизма, два эти праздных ума обратились к изучению магии и ясновидения. Еще в молодости узнали они о существовании друг друга и о той славе, которой пользовался каждый из них в подобных искусствах. Они тайно встретились в Иерусалиме и заключили там договор с целью

выполнить операцию, известную оккультистам как «Поднимание ветра». Потом они расстались и вернулись каждый в свою страну, где терпеливо приступили к подготовке операции. Суть этой операции (которая так никогда и не была доведена до конца) в том, что могущественные чародеи, выбрав обычный людской конфликт, оказывают участвующим в нем армиям оккультное содействие и посредством этого поднимают конфликт до уровня высших сил, доводя его до уровня Апокалипсиса. Сочтя историю человечества долгой и утомительной, они возжелали ускорить пришествие Антихриста, а также то, что должно за ним последовать, – пришествие Мессии и конец всего сущего. Дабы развеять скуку, они хотели устроить Армагеддон перед пирамидами. Отец принял сторону ислама, Корню – христианского мира. Отец вербовал целителей, Корню вербовал больных. Отец призвал на помощь Алям аль-Миталь, Корню боролся с фантомами мира сна.

– Кто же из них сражался за истинного Бога? – Это был монах, который возник в ошарашенной толпе, обступившей паланкин.

– Их Великий Труд не завершен и останется незавершенным. Не придет никакой Мессия. Если можно судить по тем приметам и предзнаменованиям, которые им все-таки удалось вызвать средь нас в Каире, то следует сделать вывод, что война во вселенной ведется между двумя в равной степени злыми силами. Однако операция не удалась. И не удалась она в основном благодаря чрезмерному коварству и тщеславию Кошачьего Отца. Отец не доверял своему противнику. Он совратил и подкупил многих сторонников Корню и, поступив так, нарушил равновесие духовных сил. С другой стороны, в последнее время Отец уже не способен был контролировать собственные легионы.– Саатих фыркнул со смеху.– Из Алям аль-Миталя начали появляться омерзительные вещи. Распространяется Арабский Кошмар. Отец сам был источником того Кошмара, от которого якобы лечил.

Саатих издал булькающий звук и хотел было продолжить, но султан знаком велел ему умолкнуть и заговорил сам.

– Обвинения неслыханные. Подобные странные и надуманные обвинения против моего старого учителя и друга я никогда не приму всерьез. Что вы можете сказать?

– Не стану ни утомлять слух султана, ни подвергать испытанию его ограниченные умственные способности. Мне уже не терпится со всем этим покончить, – сказал Кошачий Отец.

Кайтбей едва не задохнулся. Бешено жестикулируя, он велел выйти вперед Масруру, великому евнуху. Масрур заставил Кошачьего Отца опуститься на колени и прекрасным

профессиональным ударом топора отрубил ему голову. Сделав это, он повернулся к Корню, который уже приготовился к смерти, и отрубил голову и ему.

Голова Саатиха вращалась, пока не повернулась лицом к султану.

– Мудрое решение, – сказал он.

Вейн, Бэльян, монах и присоединившийся к ним Бульбуль стояли перед толпой учеников Сна, домашних слуг, прокаженных и монахов нищенствующего ордена. Кайтбей обратился ко всем.

– Не исключено, что вы все до одного скорее жертвы обмана, нежели заговорщики.– (Вейн нахмурился.) – Мои люди препроводят вас в Цитадель, но вы не должны считать себя пленниками, ибо вечером я приглашаю вас всех на обед.

Султану подвели коня, он сел на него верхом. Потом все гуськом двинулись за ним следом.

Глава 21
Как плотно поесть в Каире

Прощайте и про еду не забывайте! Как и обещано, в конце финального эпизода я появлюсь, но появление мое будет означать лишь окончание нашего дружеского общения. Поэтому, на тот случай, если я забуду потом, позвольте сказать сейчас: прощайте и про сон не забывайте. Между прочим, я голосую за банан…

«Рассмотрим банан. Рассмотрим его кожуру, которая, как чадра, защищает его добродетели. Рассмотрим его форму – молчащий смычок, подобный изогнутым бровям прекрасной дамы. Рассмотрим его триипостасную сегментную структуру, которая точно отображает тройственную диалектику Природы. Рассмотрим то, как банан питает и прочищает Третий Глаз.

Рис же, пожалуй, мера всей пищи. На весах вкуса он играет роль противовеса – лишь с помощью риса можно оценить достоинства блюда. Без этого продукта мы лишь блуждаем в море гастрономических фантазий.

Земляной орех многим заслужил наше внимание, и не в последнюю очередь – полной противоположностью ореха и скорлупы, но тем, кто говорит о подобных вещах, неплохо бы помнить, что орех совсем не обязательно ближе к истине, нежели скорлупа.

Люди мудрые оценят по достоинству все блюдо, постаравшись уравновесить его составные части. Здесь мы имеем дело с вечерним ладом приготовления пищи – быстрая смена сладкого и кислого придает ей ритм, который возбуждает наши чувства».

Свет сражался с темнотой в похожем на пещеру пиршественном зале. Пажи с факелами в руках образовывали узоры отраженного света на изразцовых арабесках стен и тускло поблескивающих низких бронзовых столах. Гости и прислуга двигались сквозь беспредельные перспективы подковообразных арок под вечными каменными сводами. Пальмовая роща мраморных колонн переходила на верхушках в павлиний веер сводов, которые, поднимаясь, врывались в сталактитовый орнамент; тот же, в свою очередь, разбивался наверху на кубики цветного хрусталя, божественными эманациями лучившегося из центров куполов. Звезды, зодиакальные числа и имена Божьи перечеркивали пустоту стен и наводили на мысль о приостановке времени в султановой пещере сокровищ.

За столом султану прислуживали джашинкир, юстудар и полк саки. На каменном возвышении позади султанова стола выставлены были боевые трофеи, захваченные недавно в Анатолии, и среди них покоились на бронзовых подносах завернутые в черный шелк головы Кошачьего Отца и Жана Корню. В зал непрерывно прибывали процессии невольников с кубками и корзинами – с маленькими птичками, кускусом, хашхасией, пирогами с маком, жиром овечьего хвоста, персидскими молочными блюдами, африканскими фруктами и рисом. Разговор за столами велся оживленный.

– Так вы говорите, Христос никогда не спал. Прошло уже много лет с тех пор, как я тщательно изучал сей важный вопрос, но учителя мои, помнится, считали подобное мнение заведомой ересью и доктриной, поддающейся опровержению как в общем, так и в частностях!

Решительный натиск Вейна оставил монаха равнодушным.

– Тогда опровергните ее.

В пародии на подобострастное отношение к теме Вейн постучал костяшками пальцев себе по лбу:

– Во-первых, выдвинем общее возражение. Христос был как Богом, так и Совершенным Человеком, а, будучи Совершенным Человеком, разве не должен был он обладать всеми человеческими качествами и признаками? Поэтому мы скорее всего не ошибемся, предположив, что у Христа было две руки, два глаза, рот и так далее и что, кроме того, он смеялся, плакал, спал и видел сны, как обыкновенный человек. Затем возьмем частный вопрос, по которому должны сходиться во мнениях все, кто придерживается ортодоксального учения. В Евангелии сказано, что Христос спал, ибо разве не говорится в четвертой книге от святого Марка, что Иисус Христос спал на корме корабля в море Галилейском, когда поднялась буря, и ученикам пришлось будить его, дабы он восстал и усмирил бурю, а поскольку (как учит нас Артемидор) сон есть не более чем оболочка для сновидений, не должны ли мы предположить, что Христос видел сны и на том судне, и в иных местах, и в иные времена? Поэтому не подлежит сомнению, что Христос спал, и вполне вероятно, что он видел сны.

Вейн ухмыльнулся своей волчьей ухмылкой.

Улыбнулся и монах:

– Вам непременно следует оставаться кладбищенским вором, ибо вы никогда не прославитесь как экзегет. Вы привели мне два аргумента, но одно-единственное опровержение доказывает несостоятельность обоих.

Сон – это не качество, а скорее отсутствие такового, то есть

отсутствие бодрствования. Так же и сновидение – не признак, а скорее отрицание такового, то есть рациональности. (Это как если бы чернокожего пришлось называть «цветным», что абсурдно, ибо на самом-то деле он страдает именно отсутствием цвета, ведь, как утверждает Блаженный Нико, чернота – это не цвет.) Как и Зло, состоящее лишь из отсутствия и отрицания, сон и сновидение должны считаться неотъемлемыми качествами человеческими не в большей степени, нежели одноногость, слабоумие, слепота или альбинизм. Если Христос спал, тогда он не был Совершенным Человеком, а следовательно – и ни Христом, ни Богом, а если не был он Богом, тогда свидетельство его ученика Марка можно смело признать не имеющим никакой ценности. Но все это абсурдно и противоречит ортодоксальному учению.

Однако, если предположить, как делаю это я, что на том носимом бурей судне Христос никогда не спал, то как же мы сможем объяснить свидетельство Марка? А вот как. Из той же главы Евангелия от Марка мы узнаем, что Христос говорил не иначе как притчами. Припишем ли мы Богу усталость? Какой нормальный человек будет осуждать ветер? Наделим ли мы море Галилейское ушами? Наоборот, несомненно то, что, когда мы читаем о спящем Христе, мы читаем об обыгрывании притчи. Море, по которому они плыли, было не реальным морем, а Морем Снов, и смысл притчи в том, что не Христос спал, а спали его апостолы, и он усмирил их кошмар. Спать – значит быть без сознания. Может Бог лишиться сознания? Нет. Видеть сны – значит быть обманутым. Может Бог быть обманутым? Нет. Сновидение есть обман. Как и магия, это плутовство, игра на разуме и чувствах, и христианство в равной степени не признает ни снов, ни магии.

– Вы презираете магию? – Саатих непрерывно пускал слюни. Противно было смотреть, как он ест.

– Магия – это абсурд. Это система мышления, которая не действует и ни к чему не приводит, – сказал монах.

– Она действует, но ни к чему не приводит, – сказал Вейн.

– Но она прекрасна. Магия – это искусство, которое радует взор и слух, – сказал Бульбуль.– В пентаграмме и чарах есть поэзия. Кажется, будто они обещают бесконечное блаженство, но не могут выполнить обещание.

– Как истории Йолла, – вздохнув, сказал монах.– Историй Йолла мне будет не хватать.

– Йолл мертв, но истории его живы, – отозвался Бульбуль.– Я записал их под его диктовку. Рукопись я назвал «Альф лайла ва лайла», то есть «Тысяча и одна ночь».

Тут вмешался цыган, который обедал за тем же столом. Пришел он, как он объяснил, поскольку понял, что должно произойти нечто удивительное.

– Даже в Сарагосе, откуда я родом, знают об историях Йолла. Йолл, однако, был больше нежели сказитель, и жизнь его означала нечто большее. Каждый человек несет в себе свою судьбу. Судьба – это история, записанная в его сердце, в его печени и костях, и она излучает перед ним его будущее. Где-то во внутренностях каждого человека находится его судьба, болезненная, как почечный камень.

Это кисмет. Это история, которая сочиняет человека. Из судеб одних людей получаются мелкие истории, из судеб других – великие, эпические. Большие истории пожирают малые. Все мы здесь, – сказал он, поглядев вокруг, – во всяком случае почти все – эпизоды в чьей-то истории.

– Ничего не понимаю, – простонал Бэльян.– Все это так страшно и бессмысленно. Просто какой-то сплошной круговорот.

И тут кто-то пронзительно вскрикнул. Все обернулись. Голова на одном из подносов говорила сквозь шелковую оболочку.

– Быть гостем султана – всегда удовольствие, – говорила голова Кошачьего Отца, – даже только частично.

– Дух, можно задавать тебе вопросы? – спросил монах.

– Задавайте.

– Дух, каково твое нынешнее состояние?

– Я страстно желал сна, но даже в смерти не обрел его.

– Как раз так и написано: «Не все мы уснем, но все переменимся», – отозвался монах.

– Именно так.

– Теперь скажи нам, что есть или был Арабский Кошмар?

– Это болезнь, проклятие, страх и жестокий людоед – все в равной степени.

– Возможно, и так. И все же едва ли он может быть какой-либо из этих четырех вещей в общепринятом смысле, ибо, кажется, можно жить у него в рабстве не только не теряя хладнокровия, но и благоденствуя. Быть может, это идея или метафора способа существования?

Некоторое время голова молчала. Вейн между тем поднялся из-за стола и крадучись направился к каменному возвышению, на котором покоилась голова.

Затем снова раздался приглушенный голос:

– Это трудные вопросы. Вам хватает смелости предположить, что кошмар сей – всего лишь идея. Я не желаю вам противоречить. Задумайтесь, однако, ведь это идея, которая убивает, – если это идея.

Султан дрожал. Вейн медленно продвигался вперед. Монах вновь перешел в наступление.

– Это Кошмар убил венецианского художника, известного как Джанкристофоро Дориа?

– Художник, коего вы назвали, погиб от рук своих бессердечных сообщников. Его уничтожили условия заточения в Аркане. Он умер от безумия, что таилось в нем. Он совершил самоубийство. Его убили с помощью колдовства. Его одолел Арабский Кошмар. Смерть его была предопределена, и более чем предопределена. В Алям аль-Митале всегда больше причин, нежели событий. Это порождает огромное давление. Некоторые из предопределений несовместимы. Больше мне нечего сказать.

– Зачем ты преследовал англичанина по имени Бэльян после его приезда в Каир?

Но голова молчала. Вейн уже добрался до возвышения. Сдернув шелк и подняв голову за редкие растрепанные волосы, он показал ее всему залу.

– Мертвые не говорят. Уста эти сомкнуты навечно.– Потом, воскликнув: – Старик все-таки умер! – он наподдал голову ногой, и та, высоко взлетев над головами притихшей толпы, скрылась в темных верхних пределах зала.

Бэльян следил за траекторией ее полета, когда уголком глаза увидел нечто, привлекшее его внимание. Грязный белый тюрбан. Он подтолкнул локтем монаха:

– Вон там человек в грязном белом тюрбане, это чревовещатель, о котором говорили мы с Йоллом.

Мешкать монах не стал. Он поднялся и заорал:

– Держите того человека! Здесь находится шарлатан, ответственный за это надувательство!

Но все обратилось в хаос, поскольку гости бросились врассыпную, спасаясь от падающей головы, и человек без труда скрылся. Когда все снова сели, оказалось, что цыган тоже исчез. Монах был невозмутим.

– Почти наверняка выходка Веселых Дервишей. Не обращайте внимания. А теперь…

Тут вмешался давадар:

– Кстати, если уж мы заговорили о Веселых Дервишах, моя дочь Хатун видела недавно весьма необычный сон. Ей снилось, будто ее заставили заниматься любовью с…

Но тут его спокойно перебил монах:

– Меня всегда учили, что говорить за столом о снах, а тем более упоминать имя женщины – дурной тон. Но интересно, что же тому причиной?

– Возможно, то, что сны навевают скуку, а женщины – тоску, –

проворчал Вейн, вновь подсаживаясь к компании.

Монах повернулся к Бэльяну:

– Теперь, когда ваши приключения закончились, что вы намерены делать?

На другом конце стола кто-то уронил стакан. Бэльян, совершенно сбитый с толку, смотрел, как стакан лежит на полу, целехонький. Он испытывал тревогу. Ему совсем не казалось, что кульминация его истории уже достигнута. Потом, после слишком долгой паузы, стакан разбился вдребезги.

– Я пойду отыщу Зулейку и попрошу ее стать моей женой, – ответил он.– Если понадобится, я приму ислам.

– Зулейка безумна. Не хотите ли взамен или вдобавок жениться на моих дочерях? – с надеждой спросил давадар.

– Нет.

– Жаль.

В мыслях своих он был уже далеко от давадара. Кто-то тряс его, пытаясь разбудить.

– Проснись, – сказала Обезьяна.– Я хочу рассказать тебе еще одну историю. Но сначала дай мне напиться. Я изнемогаю.